

КОНФУЦИЙ, РЕСКИН
и другие
ОБ ЭКОНОМИКЕ

Есть такие предметы, разобратся в которых можно только принявшись за дело с методической беспорядочностью.

Герман Мелвилл. Моби Дик

Ничто в истории не возмутительно так для человеческого ума, как общее признание нами основных положений политической экономии как науки.

Джон Рескин. Последнему, что и первому

Санкт-Петербург, Первая линия

2002

Альманах

Консерватор

Почти научное, популярное издание

Редакционная коллегия:

Кириллов Алексей Николаевич

редактор

Васильев Виктор Петрович

Осипов Александр Васильевич

издатель

Для обложки использована фотография В.Н. Ховалкина (Вологда) «НЛО»

ISBN 5-93569-002-0

©: А.В. Осипов

Д А Н И И Л Х А Р М С

и д р у г и е

о б а з а р т н ы х и г р а х

А картежников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми.

Вместо того чтобы играть в карты, лучше бы собрались да почитали бы друг другу морали.

Даниил Хармс

Пошла игра. Один, бледнея,
Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкومت
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он все проигрывал дотла.
В ушах его *дана, взяла*
Так и звучали. Он взбесился —
И проиграл свой старый дом
И все, что в нем или при нем.

Н. В. ГОГОЛЬ Игроки

Утешительный. . . . За это одно он получает чистыми деньгами пять тысяч в год.

Ихарев. Это, однако ж, важная вещь.

Утешительный. Да оно, впрочем, так и быть должно. Это то, что называется в политической экономии – распределение работ. Все равно — каретник: ведь он не весь же экипаж делает сам: он отдает и кузнецу, и обойщику. А иначе не стало бы всей жизни человеческой.

.

Ихарев. Очень остроумно! Ведь вот называют это плутовством и разными подобными именами, а ведь это тонкость ума, развитие.

Утешительный. Эти люди не понимают игры. В игре нет лицепрятия. Игра не смотрит ни на что. Пусть отец сядет со мною в карты — я обыграю и отца: не садись! Здесь все равны...

Когда я спросил однажды у человека, слывшего искусным игроком в сугороку, о секрете его успеха, он ответил:

— Не следует играть на выигрыш; нужно стремиться не проиграть. Заранее обдумай, какие именно ходы могут оказаться самыми слабыми, и избегай их — выбирай тот вариант, при котором проигрыш можно оттянуть хотя бы на один ход.

Руководствуясь этими же принципами, ты постигнешь Учение. Таковы же приемы умирения плоти и обороны государства.

В ушах у меня до сих пор звучит изречение одного мудреца, показавшееся мне изумительным:

— Тот, кто, увлекшись игрой в иго и сугороку, днюет и ночует за игрой, совершает, по-моему, зло большее, чем четыре тяжких и пять великих грехов.

Л И Х У Н Ч Ж А Н

или Политическая история Китая за последние 40 лет

Сочинение Л Я Н Ц И Ч А О

Зато все разбойники трепетали при одном его имени. Кто погиб, кто бежал, — и страна немного вздохнула, получив спокойствие. Но осталось еще главное зло в генерал-губернаторстве: выдача за плату официальных разрешений на лотерейные выигрыши.

В страшных разбойничьих нападениях в Лянгуане главную роль играл именно обычай этих азартных игр. Разбойники и игры были тесно связаны друг с другом. Лихунчжан же поощрял эти игры, дав им благовидное название сборов, имея в виду направлять последние на содержание полиции, в целях уничтожения разбойничества. Это означало: заботясь о том, чтобы народ не разбойничал, в то же самое время толкать его на тот же путь и за это наказывать. Передовые люди отрицали в нем всякую гуманность.

Менцзы говорит: «Дать народу совершить преступление и потом уже наказывать его — это значит обманывать его».

Сколько надежд и состояний лотерея разрушает, и только потому, что преследователи фортуны не в состоянии оценить, как мала вероятность выигрыша. Такой-то, говорите вы, получил первую ставку и вдруг приобрел состояние, почему такая же ставка не достанется и мне?

Вы невольно сравниваете себя с выигравшим и не хотите подумать, что гораздо естественнее поместить себя в число проигравших, потому что их несравненно более. Приятно бы выиграть кин! Вы вдруг бы обогатились. Но гораздо вероятнее, что вы сами умрете через пять минут, нежели то, что вы выиграете кин.

Я жертвую, скажете вы, немногим, а могу приобрести огромную сумму! Но чем вы пожертвовали, то отдали несомненно, — приобрели же только надежду на выигрыш, и, не зная ей цены, вы заплатили слишком дорого.

Синедрион (высший церковный и законодательный орган иудеев) категорически запрещал игрокам участвовать в работе магистратов или выступать в качестве свидетелей на суде. По мнению иерархов церкви, любой игрок, движимый алчностью, способен взять взятку или исказить закон за определенную мзду...

Более того, закон гласил, что все выигрыши, полученные в результате азартных игр, — не что иное, как иная ипостась грабежа и воровства. Соответственно в наказание полученные суммы должны быть возвращены в двойном размере. Однако выигрыш приравнивался к воровству или грабежу только в том случае, если потерпевшим был еврей. Если же иудей обыграл человека любой другой национальности, закон был снисходителен к сыну Давида, порицая его лишь за бесцельную трату времени и сил.

Коран сурово предостерегает правоверных от любых игр, за исключением шахмат... «Сатана помышляет посеять среди вас раздор и ненависть через вино и азарт, — гласит Глава V, — и отвратить вас от служения Аллаху и смиренной молитвы... А посему воздержитесь от сих суетных занятий».

Наконец, эта туча видимо опускается, видимо летит на нас. Увы!.. пришел же нам конец!!.

И угадайте, что это значит...

— Вы, наверное, думаете, что Пулкова гора превратилась в огнедышащую гору; что мы должны претерпеть землетрясение; что этот столб грязной материи, расстилающийся по небу, есть облако вулканической золы?.. Угадали! — только это не огнедышащая, а картодышащая гора, картотрясение карточной Везувии, извергающей погребенные в недрах земли между нашим городом и Царским Селом прошлогодние плоды.

Да, милостивые государи! Этот столб, эта туча составлены исключительно из старых, помятых карт, из отставных, изломанных на всех углах понтерок. Вместо подземного пепла сыплются на город, вертятся и мелькая в воздухе, тузы, тройки, семерки, козыри, десятки, бубны, дамы, пятерки, валеты; гора сильнее и сильнее пыхтит картами, они валяются на землю толстыми слоями и в несколько часов засыпают всю столицу, с домами, крышами и башнями. Наконец, Пулкова гора, изрыгнув из своих недр последнюю двойку, закрывает свое жерло, воздух проясняется, и все приходит в прежнее состояние. Но Петербурга не стало на свете, он испытал судьбу Помпеи, он исчез с лица земли, погребен под орудиями любимой своей забавы — превратился в город подземный или, лучше сказать, подкарточный!

М.М. Петров Рассказы служившего в 1-м егерском полку полковника
Михаила Петрова. 1845 г.

Вот в пример поучительности беседы шефской я расскажу вам хоть о следующем.

Однажды, при чайном собрании шефа, разговор коснулся гнева государя на картежников, банкового разбоя артистов, продувных шулеров по некоторому злодейскому случаю, происшедшему пред тем в Петербурге, и майор Вельден сказал, иронически усмехаясь: «Ежели бы знал государь аргументальную антипатию к картежникам своего майора, нашего Льва Антиповича Тургенева, то, сделав его патрульным полицмейстером всей империи, мог бы скоро истребить этих беззаконных дневных разбойников».

Генерал наш, по новости его, не зная настоящей причины отвращения от карт своего батальонного командира, сделал ему вопрос: «Скажите мне, Лев Антипович, родовая ли у вас ненависть к картежникам или самоиспытанная?» — «Ненависть моя, ваше превосходительство, собственная и весьма

горько и громко отзывающаяся в душе моей». — «Так нельзя ли вам рассказать о причинах ее и мне, новому Вашему товарищу военной жизни?» — «Очень рад, ваше превосходительство, оказать повторить покаяние о неумолкающем проступке молодости моей и подтвердить вечную ненависть души моей к этому разбойничьему сутолпицу, рыщущему везде: во мраке и при лучах самого благотворного светила государственного».

«Случилось это смрадное испытание мое весною 1779 года. Я тогда служил в Брянском пехотном полку прапорщиком, занимая должность полкового комиссара. Полк наш квартировал в Крыму, около и в самом Карасу-Базаре. Я имел трех повозочных и одну верховую лошадей, а по удобоместности той страны, по давней родовой дворянской доблести общей и данному мне от ранних лет сиротства моего воспитанию крестным отцом моим генералом Еропкиным, вечная ему память, держал две своры борзых и одну легавую собаку, имея несколько хороших охотничьих ружей. В этом году произвели меня в подпоручики с переводом в Елецкий полк. Полковые шулера, видя, что я уезжаю от них достаточным офицером, избегнув их дьявольских козней, подделались ко мне вздохами и элегиями об утрате моего драгоценного им сотоварищества. Угощая у себя на прощании чаем, пуншем и винами, они втянули меня в маленькую игру банка, проиграв мне умышленно до 500 рублей. «Вот я, все еще прапорщик!» — взвился помыслами моими выше палат горы крымской, и, казалось, ясно мне, прапорному, что я осязаю даже блестящий жребий свой, думая, что я избран судьбою покарать злохищников и приехать в новый полк мой знатным герцогом.

«Куй железо, пока оно красно», — сказал я сам себе и засел с ними в генеральную схватку, в которой эти продувные каналы в несколько часов игры моей с ними облупили меня, как белочку, выиграв у меня всех лошадей с повозкою, собак, ружья и все, даже мундир с плеч, так что я остался в одном камзоле и панталонах дорожных, словом, почти в таком состоянии, в каком банкрот герцог Кроа почует нетленным засушенным прахом в ревельской Алай-кирке. В этом состоянии, укрывая от сраму офицерское имя, я выступил тайком ночью из Карасу-Базара в 600-верстный поход чрез степи к новому полку своему в Кременчуг, пеш, сопровождаемый моим старым отцовским слугою, который на всем долгом пути этом грыз неумолкаемо тыл мой бранью лютою от всей умиравшей голодной смертию утробы его. В одной землянке пустого чабанского тырла обрели мы, казалось, многоценное сокровище спасения нашего — это был бараний курдюк; но, сваривши часть его в бывшем с нами котелке и поевши без хлеба, мы расслабили от поноса до того, что едва могли, держась один за другого, передвигать ноги. Наконец милосердное провидение спасло нас великодушием настигнувших нас чумаков, возчиков казенной соли, которые еле успели удержать кашицею и солоमितой души наши, прощавшиеся со шкурами и костями. Мы должны были сказать благотворителям нашим почти правду: что нас на ночлеге ограбили разбойники. Они перевезли нас чрез всю степь до днепровской Береславльской пристани, где мы, поблагодарив их — словами — за спасение жизни нашей, пошли чрез селения, там уже нередкие, к Кременчугу, говоря везде то же, что мы ограблены разбойниками, но не изъясняя

какими. После этого урока, ваше превосходительство, карты мне так опротивели, что я поклялся ненавидеть их вечно, и поныне когда гляжу и на гранпасьянс, то чувствую мороз, буроблющий мою спину, и брань старого отцовского слуги отзывается в слухе моем, как вой тени мертвеца в обители смертной. О, поверьте, ваше превосходительство, Вельден правду сказал: я скорее пощадил бы какого-нибудь головореза разбойника, за знать рискующего жизнью для наживы, нежели картежника, свободно обирающего неопытность».

В 1818 году Тургенев призван был в Петербург для совещания о пользе начатого им военного поселения в Климовецком уезде Могилевской губернии Елецким полком; то император Александр Благословенный, угощая его праздничным обедом, услышав из краткого намека на английском языке — лейб-хирурга своего Веллие, служившего прежде младшим лекарем в Елецком полку, об этом уроке Тургенева, спросил его с лицом приятственного любопытства: «Правда ли это, полковник, что ты давно когда-то, молод бывши, имел страсть к картам и почему-то перестал играть?» Тургенев отвечал: «Истинная правда, Ваше императорское величество». — «Расскажи же нам, полковник, как это было».

Тургенев, имевший высокий дар слова и голос сильный, рассказал об этом горьком преткновении его молодости с резкими выражениями всего, и государь, быв доволен его повестью и заключительным заклинанием себя на вечную вражду против картежничества, сказал:

«Вот это стоит большой похвалы, что он дал слово сам себе и сдержал его; а сколько миллионов есть на свете таких людей, которые то и дело клянутся и присягают на общую обязанность чести и тогда же нарушают священные обеты свои Богу».

... вот тут-то и есть мораль, тут-то и заключена мораль: они все негодяи, а переселившись на новую землю, могут сделаться отличными подданными.

Н.В. Гоголь

Я видел (на бирже) волшебную черную доску, на которой для всей почти России начертывают уставы в ходе денег. Каждую неделю *два раза* здешние маклеры, учредив между собою, означают на сей доске *курс* или цену звонкой монеты. Едва появляется начертание, как самые поспешнейшие уведомления рассылаются во все концы, и тут одни выигрывают, а другие теряют, смотря по тому, как деньги дешеветь или дорожать начинают.

Данте Божественная комедия (Чистилище)

Когда кончается игра в три кости,
То проигравший снова их берет
И мечет их один в унылой злости;

Другого провожает весь народ;
Кто спереди зайдет, кто сзади тронет,
Кто сбоку за себя словцо ввернет.

А тот идет и только ухо клонит;
Подаст кому, — идти уже вольней,
И так он понемногу всех разгонит.

Таков был я в густой толпе теней,
Чье множество казалось превелико,
И, обещая, управлялся с ней.

К О Н Ф У Ц И Й

и другие

Тсу-Лу сказал: — Князь в Вее ждет Вас, Господин, чтобы Вы управляли там. С чего Вы начнете?

— Конечно, — сказал Учитель, — с того, чтобы привести в соответствие имена.

— Не совсем ясно, Господин, — сказал Тсу-Лу. — Зачем нужно, чтобы имена соответствовали?

— Какой же Лу наивный! — сказал Учитель.

— И благородный человек растеряется, если он не понимает. Если имена не соответствуют, слова путают. Если слова путают, дела идут не так, как надо. Если дела идут не так, как надо, про благородство и сочувствие забывают. Если забывают про благородство и сочувствие, перестают действовать закон и правосудие. Если закон и правосудие перестают действовать, люди боятся пошевелить рукой или ногой. Так что мудрый человек должен уметь правильно использовать имена в речи и слова в деле. Благородный человек не должен быть небрежен к словам.

Конфуций. Диалоги, XIII, 3

Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого.

Бытие, 11, 7

*Что значат «хлеб», «вода», «дрова» —
Мы поняли и будто знаем,
Но с каждым часом забываем
Другие, лучшие слова.
Лежим, как жалостный помет
На вытопанном, голом поле,
И будем так лежать, доколе
Господь души в нас не вдохнет.*

М. А. Кузмин

Разговор о словах и понятиях

Редактор: Виктор Петрович! Мне представляется, что цитаты, которые Вы привели, уместны, и я согласен с тем, что они характеризуют состояние русского языка в наше мутное время. Однако, как мне кажется, эти вопросы сейчас меньше волнуют людей. В этом выпуске мы решили побеседовать об экономике, поскольку сегодня это одна из наиболее — как бы это сказать помягче — модных тем. С ней может соперничать разве лишь тема власти. Александр Васильевич предложил перепечатку своей заметки из старой газеты, что хоть и не совсем хорошо, но все-таки не противоречит нашей договоренности. Поговорить про министра финансов всегда интересно, если этот разговор более или менее обстоятелен, а не сводится к тому, что этот министр — замечательная личность или безликая фигура, в зависимости от того, какая на дворе погода.

Вы с этим вроде бы согласились, однако предложили в качестве эпиграфа — а Александр Васильевич поддержал — высказывание, которое к экономике прямого отношения не имеет. Я понимаю, что все в мире взаимосвязано, но тем не менее... К тому же Вы забегаете вперед, предлагая тезисы Конфуция из 13 главы, до которой мы еще не добрались.

В.П.: Нельзя говорить ни об экономике, ни о власти, не разобравшись со словами. Даже само слово «экономика» является ярким примером того, о чем говорит Конфуций. Вы можете дать определение этому понятию? Вы можете определить слова, которые мы чаще всего употребляем: «прибыль», «минимальный размер оплаты труда», «зарплата» и т.д.?

Редактор: Я думаю, что один член редколлегии «Консерватора» может задать столько вопросов, что и вся Академия наук не ответит. Вы используете слово «определение», а Вы можете его определить? Если я скажу, что Вы делаете из мухи слона, то Вы попросите меня дать определение мухи и определение слона и мы на этом и заиклимся, посвятив все оставшиеся выпуски этим определениям.

Эзоп. (Жизнеописание Эзоп): Потому что давать определения слишком узкие или слишком широкие — это ошибка, и немалая.

Разговор, который мы с Вами затеваем, лишь усугубляет мрачное настроение, которое навеивается приведенными Вами цитатами. Тем не менее, если вернуться к смыслу этих цитат... Как я понял, Вы намекаете на то, что Конфуций предлагает выход из этого состояния. Будем питать себя надеждой и попробуем разобраться.

Если прочитать цитаты внимательно, то можно заметить, что мысли, обсуждаемые в них, различны. Разные языки — это одно. Разные определения — другая тема.

В цитате из Библии речь идет о возникновении языков и наречий. Получается так, что языки, существующие в мире в настоящее время, были даны людям как наказание, как препятствие к их честолюбивым замыслам. Во-первых,

мне эта аллегория не очень понятна или, честно говоря, не очень приятна. Для меня многообразие языков – признак совершенства нашего мира и его украшение. Похоже, что я не одинок, скорее наоборот: трудно найти человека, который искренне считает, что если все люди на земле пользовались бы одним языком, то мир стал бы лучше.

В.П.: Я с вами согласен в том, что вовсе не многообразие языков есть причина грехопадения мира, и не различие наречий есть причина того, что люди не понимают друг друга, а отсутствие искреннего желания понимать. И отсутствие умения понимать. Когда Вы ездите по миру, не возникает ли у Вас иногда ощущение, что Вас там понимают лучше, чем порой у себя в стране?

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Серафим Саровский

Все хорошо, пока Вы говорите на банальные темы: поднимаете тост за здоровье новорожденного или обсуждаете злоупотребление властей, — все согласны, все единодушны. Но чуть разговор приподнялся над заурядной тематикой — и мгновенно среди людей, ведущих разговор, возникает напряженность. Люди как будто говорят на разных языках, хотя все говорят по-русски.

Редактор: То есть, Вы хотите сказать, что аллегория появления разных языков не связана напрямую с историей Вавилонской башни.

В.П.: Нет, связана, конечно, но это был длительный процесс, которому предшествовал процесс разрушения праязыка — того гипотетического основного языка, на котором говорили предки. Люди перестали понимать друг друга задолго до того, как формализовались разные языки в прямом смысле. Мы предполагаем такой вариант развития, для того чтобы подчеркнуть, что появление, укрепление и формализация различных языков и наречий есть следствие взаимонепонимания, а не причина. При этом само строительство башни — это и причина, и фон, на котором происходят процессы разделения людей. Неважно, какую башню вы строите — «социализм», «правовое государство», «систему европейской безопасности» — во всех случаях раньше или позже один человек начнет говорить другому: «Я не понимаю, чего ты хочешь (они хотят)?»

Люди начали делиться по мнениям, по партиям, стали использовать внутри этих партий свои наречия, свой жаргон, оттенки слов и сами слова.

Редактор: Итак, слово, которое вначале произносилось на одном языке, то есть всеми воспринималось одинаково, через некоторое время «размножилось», приобрело различные звучания и после этого люди вообще лишились надежды.

В.П.: Да, люди стали говорить на разных языках в переносном смысле до того, как начали говорить на разных языках в прямом смысле. Сейчас происходит нечто подобное.

Редактор: И Вам кажется, что разговор о словах и понятиях может помочь? Мое убеждение состоит в том, что в настоящее время при том состоянии экономики и власти, которое мы имеем, хороший прокурор нам нужен гораздо более, чем лингвист. После работы прокурора все станет на свои места.

В.П.: Вы уверены, что нам не хватает хороших обвинителей?

Редактор: Не знаю... Обвинителей, быть может, и хватает. Не хватает чего-то другого. Судов, судебных исполнителей, законов, которые нужно выполнять.

В.П.: И законов, и судов у нас достаточно. И тюрьмы переполнены. Не хватает чего-то другого. Не хватает понимания, чего не хватает. Не хватает понимания, что происходит. Не хватает понимания, что такое хорошо и что такое плохо. Не хватает понимания, можно ли вообще определить слово «хорошо» и слово «плохо».

Редактор: Не хватает понимания, можно ли определить слово «понимание» и слово «слово». Я думаю, что мы все-таки должны использовать один из принципов Уварова и, пока не поздно, перейти к экономике.

В.П.: Тем не менее через разговоры о словах надо пройти. Наверное, иногда полезно немного пофилософствовать, чтобы разобраться в том, что происходит.

Редактор: Философствовать — значит разбираться в тех понятиях, которые не волнуют людей, используя терминологию, которая в жизни не используется. При этом, как показывает человеческий опыт, чаще всего это делается для того, чтобы незаметно сконструировать псевдообоснования политических действий и оправдать те или иные интересы. Конфуцианство — яркий пример тому.

В.П.: Не очень понимаю, какие псевдообоснования? Что Вы понимаете под политикой применительно к Конфуцию?

Редактор: Политика есть продолжение философии, но только другими средствами — опасными для окружающих.

В.П.: Я не понимаю Ваших определений. В них слишком много язвительности.

Редактор: Ну а как же можно удержаться от язвительности? Я привожу цитату из второго тома сборника текстов «Древнекитайская философия» (Мысль, 1973):

— Полагать, что «иметь лошадь» не то же, что «иметь буланую лошадь», — значит отличать «буланую лошадь» от «лошади». Отличать «буланую лошадь» от «лошади» — значит считать «буланую лошадь» «не-лошадью». Считать «буланую лошадь» «не-лошадью» и полагать, что «белая лошадь» есть «лошадь, которую имеют», — это [все равно что] высоко парящую птицу заставить летать в пруду или гроб и саркофаг [одного умершего] хоронить в разных местах. Это и значит путать слова и коверкать речь в Поднебесной.

И Вы хотите с помощью рассуждений такого рода исправить человечество?

В.П.: Не замечал в себе таких претензий, хотя, быть может, всякий человек, серьезно обсуждающий те же темы, что и Конфуций, выглядит так, будто он хочет исправить человечество. Я всего лишь хотел рассказать о Конфуции, который, по моему мнению, был в социологии примерно тем же, чем Эвклид в геометрии.

Он был первым, кто сформулировал некие аксиомы — какими бы простыми они Вам ни казались, но это было одно из первых связных изложений того, «как работают» основные понятия, которыми пользуются практически все.

Редактор: Мне очень жаль, что я не отношусь к тем, которые «практически все» и которые пользуются аксиомами Конфуция типа «Учиться хорошо», но поскольку сейчас мы говорим не об экономике, а об аксиомах, теориях и словах, я хочу задать Вам вопрос или, точнее, выразить свое недоумение в связи со следующим обстоятельством.

В математике есть ряд слов, которые выделяются в качестве «базисных», основных, неопределяемых. К таковым относятся, например, термины «множество», «точка» и т.д.; в зависимости от выбора аксиоматики и подхода выбирается и этот «общепризнанный» набор слов. Остальные же определяются через них с использованием правил вывода, присущих данной теории. У философов же либо все определяется через все, либо не определяется ничего. Такое ощущение, что нет и правил логического вывода.

В.П.: Если кто-то не придерживается правил, это не означает, что их нет. Философия — не столь четко очерченная наука, но, тем не менее, в ней есть свой базисный набор понятий, свой стиль определений и «правил логического вывода».

Редактор: Не понимаю я всего этого. Ни того, что означает выражение «стиль определений», ни того, что такое «философия». Я слышал массу красивых и остроумных высказываний на этот счет, множество очень непонятных, но ни одного объяснения, по существу проясняющего вопрос.

В.П.: Я думаю, что Вы совершаете несколько ошибок, из которых одна принципиальная — нарушение правила, которое я считаю одним из ключевых в практике консерватизма и которое предлагаю в качестве еще одного принципа, который назовем условно «принципом наличия желания».

7°.	Трудно черную кошку поймать даже в светлой комнате, если ты не хочешь этого делать.
-----	---

Если у Вас нет желания разобраться в том, что такое «слово», что это за феномен, почему «В начале было Слово», то я бессилен что-либо объяснить.

*Geschrieben steht: Im Anfang war das Wort!
Hier stock ich schon! Wer hilft mir weiter fort?
Ich kann das Wort so hoch unmöglich schätzen,
Ich muß es anders übersetzen,
Wenn ich vom Geiste recht erleuchtet bin.
Geschrieben steht: Im Anfang war der Sinn.
Bedenke wohl die erste Zeile,
Daß deine Feder sich nicht übereile!
Ist es der Sinn, der alles wirkt und schafft?
Es sollte stehn: Im Anfang war die Kraft!
Doch auch indem ich dieses niederschreibe,
Schon warnt mich was, daß ich dabei nicht bleibe.
Mir hilft der Geist! Auf einmal seh ich Rat
Und schreibe getrost: Im Anfang war die Tat!*

Goethe. Faust

Редактор: Желание-то у меня есть... Да вот способность плоха. К тому же мешает подозрение, что кошки в этой комнате нет.

В.П.: Разумеется, кроме наличия желания, должно быть еще много других условий, но в данном случае Вы ошибаетесь. Доминирующим у Вас является не искреннее желание выяснить истину, а желание сделать альманах популярным.

Редактор: И окупить его, то есть оплатить набор, типографские расходы, налоги и заплатить хоть и небольшой, не компенсирующий труд авторов, но все-таки гонорар.

В.П.: Я говорю не о полезности, а о противоречивых желаниях. Трудно совместить две такие цели: в наше время угодить и публике, и истине.

Редактор: Трудно сохранять терпение, имея дело с такими благородными авторами, но, тем не менее, я попробую продолжить наш разговор. Публика, которую Вы отставляете в сторону, взяв в руки томик Гете, прочтет в комментариях, что в обсуждаемом библейском стихе речь идет о термине, который по-гречески звучит как Логос. Он имеет спектр значений: и мысль, и понятие, и произнесение мысли и т.д.

В.П.: Разве стало понятнее после того, как Вы произвели замену русского слова греческим? Почему «В начале был Логос»? Кроме того, там написано, что Логос означает также и «Бог», а это уже совсем тавтология.

Я являюсь сторонником того, что русский язык (как, впрочем, и любой другой язык, существующий достаточно долго) является «самодостаточным»,

то есть существует возможность все основные понятия человеческого бытия выразить средствами этого языка.

Конечно, нам надо иметь в виду вероятность «неадекватного» перевода, но я не раз убеждался в том, что канонический, синодальный перевод был тщательно подготовлен и продуман. Разумеется, никакая работа такого уровня не может считаться окончательной, есть и здесь свои проблемы, но есть и опасность, что увлекаясь соблазном «усовершенствованного перевода», мы незаметно станем подгонять перевод «под себя», под свой уровень понимания и тем самым лишимся возможности понять какую-то мысль, один из законов бытия, «проскочить мимо».

Редактор: Относите ли Вы это и к себе, предлагая свои варианты афоризмов Конфуция?

В.П.: Безусловно. И очень может быть, что переводы, которые в настоящее время представляются неудачными, впоследствии окажутся ближе к истине, чем те, что предлагаются сейчас.

Редактор: И какая же мысль заложена в евангельской формуле «В начале было Слово»?

В.П.: Думаю, что любой из моих ответов был бы неточным и неполным. Если бы можно было сказать то, что было сказано Иоанном, проще, то есть отчетливее и более простыми словами, то он бы это и сделал. Но я бы хотел здесь выделить знаменитую формулу, предложенную Ф.Тютчевым:

И нам сочувствие дается, как нам дается благодать.

Редактор: То есть, Вы даете еще один вариант перевода — вместо слова «слово» предлагаете «сочувствие». То есть «сопереживание», «соболезнование», «сострадание»?

В.П.: Нет, скорее то понимание этого слова, которое, например, есть у Н. Кукольника, когда он пишет о песне жаворонка:

Та, к кому она, поймет, от кого — узнает.

То есть мы верим, что тот, к кому мы обращаемся, поймет нас, даже если язык, на котором мы говорим, «птичий». Если, конечно, есть желание понять.

Сочувствие — и это важно подчеркнуть — более широкое и деликатное понятие, чем просто «сопереживание» или тем более «соболезнование».

Редактор: Ситуацию, о которой Вы говорите, я бы описал попроще, словами того же несравненного Нестора Васильевича:

*Ветер дунул — и Авдей полюбился больно ей;
Стоит дунуть в третий раз — и полюбится Тарас!*

Не совсем ясно, что Вы хотите сказать. Попробуйте привести какой-нибудь другой пример.

От кн. А.И. Горчакова. (Русская старина. 1872. 6)

Граф Платов любил пить с Блюхером. Шампанского Платов не любил, но был пристрастен к цимлянскому, которого имел порядочный запас. Бывало сидят, да молчат, да и налижуются. Блюхер в беспамьятстве спустится под стол, а адъютанты его поднимут и отнесут в экипаж. Платов, оставшись один, всегда жалел о нем:

– Люблю Блюхера, славный приятный человек, одно в нем плохо: не выдерживает.

– Но, ваше сиятельство, – заметил однажды Николай Федорович Смирной, его адъютант или переводчик, – Блюхер не знает по-русски, а вы по-немецки; вы друг друга не понимаете, какое вы находите удовольствие в знакомстве с ним?

– Э! Как будто надо разговоры; я и без разговоров знаю его душу; он потому и приятен, что сердечный человек.

В.П.: Человек может говорить очень убедительно, и Вы ничего конкретно не можете возразить, но чувствуете, что все, что он говорит со своей «несравненной правотой», — не то, все не так.

Обратите внимание: в фильме Дзеффирелли «Гамлет», где играет Мел Гибсон, режиссер как будто подстраховывает Шекспира.

Изменение отношения Гамлета к Клавдию после встречи с призраком понятно, но почему так резко меняется отношение Гамлета к Офелии, Полонию, университетским товарищам? Откуда такая уверенность, что его дурачат, если он ничего не знает о сговоре?

Чтобы смягчить это «противоречие», режиссер незаметно вводит моменты «невольного подслушивания».

Редактор: И Вам это «режет слух»?

В.П.: Да, конечно. У Шекспира этого нет. Так бывает, что женщине не нужно нанимать детектива или вскрывать переписку мужа, чтобы почувствовать, что он лжет. Гамлет — не мисс Марпл, которая всегда из длинного разговора двух людей умеет, проходя мимо, подслушать двухсекундный обмен репликами, достаточный, чтобы понять, кто и что замышляет. Причем всегда нечаянно.

Редактор: Чтобы пойти навстречу, попытаюсь угадать, что Вы хотите сказать. Вы собираетесь внушить мне, что для того, чтобы понять Конфуция, я должен вызвать в себе «сочувствие» к тому, что он говорит. Так?

В.П.: Именно. Без этого понять невозможно.

Редактор: Вот и прекрасно. Зафиксируем как факт, что у меня нет ни желания понять, ни сочувствия. Разве того разговора, что был напечатан в прошлом выпуске, не достаточно?

В.П.: Вы действительно приводили много примеров неудачных переводов или интерпретаций. В таких вещах даже мелкие, незаметные ошибки могут существенно изменить отношение к тексту. Вот еще один пример: в переводе Гамлет называет Полония «рыбным торговцем», хотя, конечно, должно быть — «рыбак», с намеком на то, что Полоний «расставляет сети», и иронично-библейским намеком на «ловец человеков».

Редактор: Это действительно понятнее. И, быть может, именно поэтому не стоит так переводить. Все-таки пьесы Шекспира — не сосуды для собирания и хранения аллегорий и намеков.

В.П.: Конечно, конечно. Тем не менее переводы Шекспира, сделанные в советское время, — это, безусловно, шаг вперед, и немалый, по сравнению с многочисленными переводами прошлого века. Те переводы не могут дать полного представления о пьесе. Я думаю, что и многие другие, менее популярные в России пьесы «заиграют», если поработать над их переводом. Но это, по-видимому, дело не одного поколения. То же самое относится и к «Диалогам» Конфуция. В них очень много фрагментов, которые предстоит еще корректировать, вносить варианты интерпретаций.

Редактор: Например?

В.П.: Например, как Вы интерпретируете следующую фразу?

Философ сказал: При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, [а чтобы попасть в мишень], потому, что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания. [3.16].

Редактор: Как написано. «Учиться хорошо», «силы не у всех равны». Все в том же конфуцианском стиле.

В.П.: Это в нашем стиле, а не в конфуцианском. В конфуцианском же стиле интерпретация изречения такова, что если вы хотите стать добродетельным в том или ином смысле, не надо стремиться «попасть в центр мишени». Можно поступать благородно или нет, то есть попасть в мишень или нет, но быть «очень благородным» — это не совсем понятно. Можно не брать взятки и в этом смысле «попасть в мишень», но не понятно, что означает «попасть в центр мишени». И так далее.

Редактор: Любопытно. Есть и другие примеры?

В.П.: Примеров много, но «очищать» Конфуция надо со всех сторон, и мне кажется, что сейчас важнее «поставить в соответствие имена», то есть выявить значения понятий и понять, как они «работают».

Ребенок получил в подарок коробку конфет и хочет взять одну, но родители говорят: «Это не по правилам. Ты должен сначала предложить бабушке, потом гостям и родителям».

Ребенку мать принесла два яблока. Он хочет взять красное, но мать говорит: «По правилам ты должен сначала дать выбрать брату, а себе взять оставшееся».

Ребенок пошел в детский садик, и воспитательница говорит родителям при встрече: «Петя хороший мальчик, только немного странный. Вместо того чтобы сказать, что его друг Вася добрый, он говорит: «Вася поступает по правилам»

Редактор: Я понял. И каков же Ваш вариант фразы [3.4]?

В.П.:

Линь-фан спросил, что значит «вести себя благородно»?

Конфуций сказал: Трудно ответить в двух словах. Доброта означает скорее скромность, чем расточительность. На похоронах лучше искренне печалиться, чем думать о том, как себя вести.

Редактор: Думаю, что Вам следовало бы подготовить сборник: «Афоризмы Васильева, навеянные трюизмами Конфуция». Или наоборот. Мне кажется, что Ваш перевод менее точен, чем те, что Вам не нравятся.

В.П.: Когда речь идет о таких понятиях, как те, что используются в данном изречении, не надо стремиться «попасть в центр мишени». Тот, кому эта «песенка», — тот поймет. И если у него «сила больше», то переведет точнее.

Редактор: То есть небрежность для Вас допустима.

В.П.: Нет, конечно. Но я уверен, что попал в мишень. Чтобы Вы меня правильно поняли, приведу еще один пример из «Гамлета».

*This above all: to thine own self be true,
And it must follow, as the night the day,
Thou canst not then be false to any man.*

В переводе М.Л. Лозинского это выглядит так:

*Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим.*

Здесь, как мне кажется, переводчик в мишень не попал. Быть «верным себе» и быть «честным перед собою» — это все-таки разные вещи. Например, Вы верны себе, когда не хотите вызвать в себе желание понять Конфуция. Вы ставите перед собой некоторый барьер, и его невозможно разрушить. Поэтому и моя интерпретация диалога о мишени Вам кажется неоправданной. И у меня нет способов убедить Вас.

Если же найдется человек, который искренне хотел бы понять тексты и думал о том, чтобы их правильно понять, и у него способность достаточна и он «честен перед собою», то с неизбежностью, с которой «вслед за днем приходит ночь», он скажет, что я был прав.

Редактор: Да, так и будут говорить через пару десятков лет на лекциях по научному консерватизму: «Учение Конфуция всеильно, потому что оно верно. Пользуйтесь только переводами Конфуция, сделанными его последовательным учеником В.П. Васильевым».

В.П.: Я несколько утрировал мысль, чтобы изложить ее кратко. Вы еще больше ее утрировали, чтобы подчеркнуть то, что мысль деформирована. В результате мы уходим от первоначального смысла, и таким образом возникает спор, являющийся иллюзией разговора, в котором, быть может, родится истина. Но чаще всего про ребеночка забывают. К тому же, если Вы будете продолжать пугать читателя, то мы точно не найдем истину.

Редактор: И чем же я еще пугал читателя? Белой лошадью, которая летает в пруду и ложится в саркофаг вместе с умершим?

В.П.: Нет, не белой лошадью. Как раз здесь нет ничего необычного. Философ хотел обратить внимание на то, что присоединение прилагательного не всегда есть выделение подкласса, характеризуемого данным признаком. Например, «почетный академик» — не всегда является действительным членом академии наук, «картежного вора» нельзя назвать вором в буквальном смысле.

<p><i>Но просветив себя, загладил свой позор, Отвыкнул от вина и стал картежный вор... А.С. Пушкин</i></p>
--

Редактор: Не вижу принципиального различия. Один у «лохов» вытягивает из кармана кошелек, другой обыгрывает их в карты или акции-облигации.

В.П.: Тем не менее здесь есть проблема, о которой пишет автор той самой цитаты про белую лошадь. Проблема и философская, и филологическая одновременно. То же самое относится к выражению «большой вор».

Чтобы уберечься от воров, которые взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, нужно обвязывать все веревками, запирают на засовы и замки. Все это умно, говорят обычно. Но приходит большой Вор, хватая весь сундук подмышку, взваливает на спину шкаф, цепляет на коромысло мешки и убегает, боясь лишь одного, — чтобы веревки и запоры не оказались слабыми. Тогда те, которых прежде называли умными, оказывается, лишь собирали добро для большого Вора. Посмотрим, не собирает ли добра для больших воров тот, кого обычно называют умным? Не охраняет ли больших разбойников тот, кого называют мудрецом?...

Если он украл не только царство Ци, но и его порядки, введенные умными и мудрецами, то не являются ли эти самые умные и мудрецы хранителями воров и разбойников?

Посмотрим, не собирают ли добро для больших воров те, кого в мире называют самыми мудрыми?

Чжуанцзы.

Редактор: Вор это тот, кто берет, что ему не принадлежит. Хоть большой, хоть маленький. Они разные только в том смысле, что «алтынного вора вешают, а полтинного чествуют». Их принято считать негодяями, пока воруют понемногу, а как перейдут границу, становятся отличными подданными, бизнесменами. Делая из этого проблему, Вы просто оправдываете воровство. Поднимаете заурядное воровство до философского разговора и придаете ему политическую окраску.

В.П.: Во-первых, не я делаю проблему. Во-вторых, сейчас все запутались, что кому принадлежит. В-третьих, сам глагол «принадлежать» используется как кому удобно, чаще всего с сомнительными обоснованиями типа «как принято в цивилизованных странах».

Оборот с глг. «принадлежит» не русский, и его всегда избежать можно через: мое, твое, его, моя собь и пр.

Словарь Даля

Однако и с притяжательными местоимениями не все так просто. (См. в словаре Даля статьи «наш», «ненаш»). Притяжательные местоимения указывают на отношения, которые лишь в некоторой своей части допускают лингвистическую, юридическую или формально-логическую формализацию. В то же время носитель языка может прекрасно осознавать или ощущать эти отношения, если у него не «стерто», «формализовано», «замутнено» (или нечто другое) естественно-наивное восприятие этих отношений. Но и здесь могут быть сбои, причем значительные, чем и характерно «смутное время».

Давайте попробуем «ощутить эти отношения» на примере проблемы «кому принадлежит земля?»

Псалтирь (Псалом 23.1): *Господня — земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней...*

Б. Сарнов («Огонек», N 3, 1990): ... Больше всего меня поразило то, что в свете — именно в свете — этого столыпинского письма совершенно по-новому вырисовывались многие последующие события нашей истории. Словно мощный луч прожектора осветил их и открыл мне истинное значение этих событий. Я вдруг вспомнил, что Сталин, обосновывая необходимость и правильность политики коллективизации, ссылаясь на психологию русского крестьянина, в сознании которого — прочное, веками взвешенное убеждение, что земля ничья, что она — Божья.

Псалтирь (Псалом 23.1): Господня — земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней...

Екклесиаст (1.4): Род проходит, и род приходит, а земля пребывает во веки.

П.А. Столыпин (1907): Мне кажется, что отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство.

Р. Тагор (Два бигха земли, 1895):
Тут отец мой и дед семь десятков лет
лили пот, земля — наша мать.
Не избыть беды тем, кто в миг нужды
может старую мать продать.

И.А. Ильин (*О России*): Не ценит русский человек своего дара; не умеет извлекать его из-под спуда, беспечное дитя вдохновения; не понимает, что талант без труда — соблазн и опасность. Проживает свои дары, проматывает свое состояние, пропивает добро, катится вниз по линии наименьшего сопротивления. Ищет легкости и не любит напряжения: развлечется и забудет; выпашет землю и бросит; чтобы срубить дерево, погубит пять. И земля у него «Божия», и лес у него «Божий»; а «Божье» — значит «ничье»; и потому чужое ему не запретно. Не справляется он хозяйственно с бременем природной щедрости. И как нам быть в будущем с этим соблазном бесхозяйственности, беспечности и лени — об этом должны быть теперь все наши помыслы...

Ап. Павел (*1 посл. коринф. 10.26*): ... Ибо Господня земля, и что наполняет ее.

Л.А. Сенека (*Письма к Луцилию. Письмо 90*): В этот наилучший порядок вещей ворвалась жадность и, желая отделить и присвоить хоть что-то, сделала все из безграничного скудным и чужим, она теперь мечется, стараясь возместить потерянное; пусть прибавляет поле к полю, изгоняя соседей деньгами или насильем, пусть сделает свои пашины просторными, как целая провинция, и долгие странствия по ним назовет «обладанием»: никакое расширение границ не вернет нас к тому, от чего мы ушли. Сделав все, мы будем владеть многим, а владели мы вселенной.

П.А. Столыпин (1907): Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обхаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своею землею. Искусственное в этом отношении скопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств...

И.С. Тургенев. Мои деревья.

Я получил письмо от бывшего университетского товарища, богатого помещика, аристократа. Он звал меня к себе в имение.

Я знал, что он давно болен, ослеп, разбит параличом, едва ходит... Я поехал к нему.

Я застал его в одной из аллей его обширного парка. Закутанный в шубе — а дело было летом, — чахлый, скрюченный, с зелеными зонтами над глазами, он сидел в небольшой колясочке, которую сзади толкали два лакея в богатых ливреях...

— Приветствую вас, — промолвил он могильным голосом, — на моей наследственной земле, под сенью моих вековых деревьев!

Над его головою шатром раскинулся могучий тысячалетний дуб.

И я подумал: "О тысячалетний исполин, слышишь? Полумертвый червяк, ползающий у корней твоих, называет тебя своим деревом!"

Но вот ветерок набежал волною и промчался легким шорохом по сплошной листве исполина... И мне показалось, что старый дуб отвечал добродушным и тихим смехом и на мою думу — и на похвальбу больного.

Ноябрь, 1882

Редактор: Прочувствованная подборка цитат. Не кажется ли Вам, что излишняя сентиментальность вредит процессу выяснения истины? К тому же Ваше личное мнение слишком отчетливо здесь просматривается.

В.П.: Излишняя сентиментальность вредит карточной игре. Если один из игроков начинает все проигрывать, то другие следят, чтобы он не был слишком сентиментален.

Что же касается моего мнения, то оно в данном случае не столь важно. Я лишь хотел бы обратить Ваше внимание на «филологическое (или «лингвистические») недоразумение»: даже таким философом, как Ильин, отношение «Божье» воспринимается как «ничье».

Редактор: Не Ильин придумал называть землю ничьей, а Жан Жак Руссо.

*От скольких преступлений, войн, убийств, несчастий и ужасов убе-
рег бы род человеческий тот, кто, выдернув колья или засыпав ров, крик-
нул бы себе подобным: «Остерегитесь слушать этого обманщика; вы по-
гибли, если забудете, что плоды земли для всех, а сама она — ничья!»*

А если Вы пытаетесь ввести новую терминологию и утверждаете, что термин «Божье» означает нечто другое, то и объяснили бы нам, вместо того чтобы читать морали.

В.П.: Эту цитату Руссо следовало бы продолжить:

Ибо это понятие — «собственность», зависящее от многих понятий, ему предшествовавших, которые могли возникать лишь постепенно, не сразу сложилось в человеческом уме. Нужно было достигнуть немалых успехов, приобрести множество навыков и познаний, передавать и увеличивать их из поколения в поколение, прежде чем был достигнут этот последний предел естественного состояния.

К этому пределу естественного состояния мы и подходим, желая расписать подробно, что кому принадлежит, и считая, что если исчислим царство, то тем самым наведем в нем порядок.

Редактор: Я спрашивал Вас, что означает термин «Божье».

В.П.: Думаю, Вы и сами сможете догадаться, если захотите. Для тренировки попробуйте объяснить сначала, кому принадлежит Университет, если мы говорим «мой университет», кому принадлежит народ, если мы говорим «мой народ», и т.д. Очень нетривиальными бывают эти отношения собственности.

Жизнеописание Эзопа:

Вот один из учеников спрашивает:

— Какой самый большой переполюх может случиться меж людьми?

А Эзоп из-за спины хозяина отвечает:

— Когда мертвые оживут и потребуют свое добро обратно.

Чтобы Вам помочь, я бы хотел обратить Ваше внимание на важный элемент в структуре «Диалогов» Конфуция. Просто провозглашение того, что имена должны «соответствовать», само по себе важно, но не слишком понятно, как это сделать. Для того, чтобы показать, как имена должны «соответствовать», Конфуций вводит то, что я называю, **корневыми образами**.

Например, мать говорит «мой сын». Разве при этом сын принадлежит ей? Разве от того, что какая-то бумажка не так оформлена или попросту утеряна, сын перестает быть ее сыном? Разве она может определить, какой путь предназначен ее сыну?

Редактор: И Вам кажется, что после того, как Вы объясните человечеству, каков ключевой образ в данной ситуации, что относиться к земле следует так, как мать относится к сыну, то люди во всем мире перестанут покупать и продавать землю?

В.П.: Во-первых, законы, вводимые людьми, как, например, законы купли-продажи, зачастую определяются не образами, или откровениями, или рассуждениями, или здравым смыслом, а меркантильными интересами людей. Если уж сам Конфуций не мог вразумить людей, то тем более не стоит рассчитывать на это его последователям или пропагандистам.

Во-вторых, у меня нет интереса к тому, чтобы исправлять ситуацию, или людей, или человечество. Когда будет нужно Создателю, оно само исправится.

Мне хочется, чтобы люди лучше понимали друг друга. Разумеется, основные противоречия останутся, но разговор перейдет хотя бы на другой уровень.

В-третьих, Вы использовали другое выражение: «ключевой образ». Это имеет свой смысл — образ, аллегория, которая является как бы ключом к пониманию. Быть может, эта аллегория не дает полного понимания, потом вы замените ее на другую, или вам понадобится дополнительное рассуждение, но на данном этапе этот образ «сработал», ваш собеседник понял вашу идею. Например, ваш сын спрашивает, как устроен атом. Вы рассказываете про планетарную модель, хотя атом устроен не совсем так, или даже вовсе не так — кто знает! Тем не менее, ваша аллегория позволяет что-то объяснить.

Однако я использую другое выражение, а именно — «корневой образ». Представьте себе, что вы хотите вырастить яблоню. Вы можете взять часть корня другой яблони. Внешне он будет похож на кусок деревяшки, и только, но если его посадить в землю весной, летом он даст побеги и через некоторое время вырастет дерево, которое принесет плоды. Вы можете посадить семечко. Или просто, проходя мимо, бросить в землю огрызок. То есть корневых образов может быть много, они вроде бы и не похожи друг на друга, но все они приведут к одному и тому же. Поэтому когда, например, Конфуций говорит о таком сложном понятии, как «благородный человек», он использует разные образы.

В-четвертых, корневые образы не создаются учеными, философами или политиками умозрительно. Они должны быть «прочувствованы», инстинктивно, то есть свободно и подсознательно, приняты людьми и проверены историей. Хотя, конечно, легко говорить... Но в данном случае, в случае отношения к земле, образ все-таки другой — образ отношения к матери.

Редактор: Очень трогательно. Действительно, образ хороший, но только нас с вами кормят те страны, в которых земля продается и покупается. Кроме того, и в России в известные времена земля была закреплена за помещиками. И ничего, кормились.

В.П.: Я говорю немного о другом. Если кто-то работает по договору в фирме, то это не означает, что этот кто-то принадлежит фирме, даже если фирма и хорошо с человеком обращается, и платит ему прилично. Государство может призвать человека в армию, но этот человек не принадлежит государству, даже если он искренне и честно исполняет свой долг.

Алексей Николаевич! Разговор этот может стать слишком длинным. Если Вы не верите в закон сохранения энергии, то как Вас можно убедить? Вы скажете, что если потратить энергию на то, чтобы сжать пружину, а затем опустить пружину в кислоту, то пружина растворится, а энергия пропадет. Я объясню в чем дело, а Вы приведете еще тысячу примеров. Где-нибудь я запутаюсь, и Вы будете довольны тем, что меня удалось переспорить. Если Ваша цель состоит в этом, то давайте считать, что Вы ее достигли.

Редактор: С самого начала я это и предложил. Ясно было, что мы не договоримся, однако Вы решили начать разговор. Теперь прерываете его в самый неуместный момент. Разве для того, чтобы люди приняли закон сохранения

энергии, не нужно было их убеждать?

В.П.: Для того чтобы люди приняли этот закон, нужно было, чтобы они вдумывались в суть вещей, имели достаточную способность и проявляли бы терпение. Если же разговор идет на фоне: «давай-давай, скорее, мне скучно,» — ничего хорошего не получится. Если бы речь шла о действительном выяснении истины, то, по крайней мере, следовало бы представить подробный обзор законов, относящихся к землевладению в разных странах и в разные времена.

Редактор: Сотни, если не тысячи молодых экономистов ездят сейчас на стажировки за границу. Причем, заметим, за наш счет. Вот и ждите, что они это сделают. Впрочем, как мне кажется, не дождетесь.

В.П.: Кстати говоря, вот вопрос: предположим, что молодой человек получил так называемую «президентскую стипендию» для поездки за границу. Означает ли это, что стипендия «принадлежит» президенту?

Редактор: Для этого не надо теоретизировать. Если вы отправляете людей в командировки, то вы отвечаете за то, чтобы они выполнили задание, которое им поручено. Называйте деньги, которые они получают, как хотите: командировочными, стипендией, зарплатой — это все равно.

В.П.: И кто же несет ответственность за состояние дел?

Редактор: Если, например, университет был «Императорский», то император и нес ответственность за его состояние.

В.П.: Перед кем?

Редактор: Да ни перед кем. Просто ему было бы стыдно, если бы университет находился в таком же состоянии, как и сейчас.

В.П.: Таким образом, когда Вы используете в данном случае глагол «принадлежать», то его значение «резонирует» у Вас со значением «нести ответственность». Этот и другие подобные оттенки есть у всех выражений, определяющих отношение собственности. Упрощая нашу речь и называя это «построением правового пространства», мы огрубляем эти отношения, и постепенно они меняются до неузнаваемости.

Редактор: Возвращаясь к Вашему (по-видимому, это Ваше, а не Конфуция) выражению «корневой образ». Считаете ли Вы, что слово «образ», которое мы используем применительно к иконам, имеет к этому отношение?

В.П.: Не уверен, что это выражение действительно мое. Как сказал известный современник Конфуция: *Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но это было уже в веках, бывших прежде нас.*

Авторское право вообще довольно неопределенное понятие, а в таких вещах тем более. Очень может быть, что я когда-то слышал это выражение, но в тот момент его не понял, а затем забыл про это. Через некоторое время «зерно проросло», и мне кажется, что это я придумал, а на самом деле кто-то другой это зерно бросил.

Например, в лекциях Г.В. Флоровского «Восточные отцы IV века» можно прочесть о критике Св. Василия Великого теории его предшественника Евномия:

— *Евномий различал два рода имен и тем самым два рода понятий. Во-первых, имена, «наименованные людьми», измышленные или промышленные людьми, имена «по примышлению». .. Это своего рода логические фикции, умственные построения, только обозначающие вещи, условно указывающие на них, — некие знаки и клички вещей, их «собственные имена», не разложимые на признаки и ничего не свидетельствующие о строении или природе предметов...*

... *И вот, во-вторых, Евномий утверждает существование других, собственно предметных, поэтому сверх-человеческих имен. Он исходит при этом из платонических предпосылок, переработанных на основах теории «семянных слов». Существуют имена самих вещей, означающие самую их «сущность», — и потому непреложно связанные с вещами.*

То есть речь идет о словах или, лучше сказать, о понятиях, которые можно «посеять». Из них и вырастает, образуется представление человека о мире.

Не берусь пересказать основные тезисы этого спора, поскольку не читал первоисточников, а по изложению, даже столь уважаемого автора как Г.В. Флоровский, это трудно сделать. К тому же его текст слишком «научен», перенасыщен такими выражениями, как «гносеологические предпосылки», «онтологические связи», «анализ адекватного имени Божия» и т.д. Каждое из них вроде бы и понятно, но когда их много, то за спором, за анализом спора, теряется сам вопрос, который этот спор породил. Однако само выражение «семяные слова» мне показалось близким по смыслу.

Что касается икон, то Вы правы, и слово «образ», используемое в России, в том значении, о котором Вы говорите, конечно же, является корневым. Вы замечали, наверное, что, в отличие от картин, которые покупаются людьми, чтобы украсить свой дом, в России храмы и монастыри строились для «образов», а не наоборот. В Тихвине, например, есть знаменитый монастырь, который, был построен специально для иконы Тихвинской Божьей матери. Сейчас он в запущенном состоянии, быть может, именно потому, что там уже нет этой иконы.

Редактор: Вы имеете в виду икону, которая сейчас находится то ли в Канаде, то ли в Штатах? Это действительно знаменитая икона. С ней связана очень симпатичная легенда о том, как она попала на это самое место, где был позже основан монастырь.

Однако, как мне кажется, привести монастырь в порядок можно было бы и сейчас, для этого не нужно много денег. Было бы желание. Можно было бы сделать и хорошую копию той иконы.

В.П.: Икона — не фотография и даже не картина. В ней тепло столетий, чувства первых христиан, драма Византии и история России, все цари которой начиная с Ивана III считали честью поклониться ей. Включая всех Романовых, насколько я помню, кроме, кажется, последнего.

Редактор: И Лжедмитрий?

В.П.: Лжедмитрий не был русским царем.

Редактор: Не очень понятно. Ведь он был коронован.

В.П.: Всякий, кто хочет понять — поймет. Всякий царь, который захочет стать русским царем, будет поклоняться русским образам. Всякий царь, который захочет стать царем-реформатором, будет поклоняться рентабельности или каким-нибудь другим фетишам.

Редактор: А икона не фетиш?

В.П.: Икона — образ. Корневой образ. Уберите его — и Вы можете издать тонны книг и провести годы в философских спорах о религии, но никогда не сможете понять, зачем она нужна.

Редактор: Это отдает мистикой. И Вы верите в «чудотворные образы»?

В.П.: Зачем же использовать иностранный эквивалент для замены слова «тайнственность»? Вы держите на ладони два зерна или два семечка. Они очень похожи, но внимательный знающий человек...

Редактор: То есть человек, обладающий тем, что называется «опытной наблюдательностью» — по выражению Александра Васильевича?

В.П.: Да, этот человек, посмотрев на эти, на вид совершенно идентичные семена, скажет: первое, если его посадить, через год даст росток, который еще через несколько лет превратится в яблоню, и через десять лет вы сможете собирать с нее плоды. Второе вырастет в грушевое дерево, но там, где вы его собираетесь посадить, оно не даст плодов, поскольку климат здесь слишком холоден.

Вы можете назвать это мистикой, можете одним из чудес, можете использовать слово «Бог», или можете воспользоваться суррогатом — словом «природа», если вам от этого станет спокойнее, но в социологии, как, например, и в медицине, Вы встречаетесь с подобными эффектами.

Редактор: Я не очень хорошо понял про медицину.

В.П.: В организме человека очень много загадочного, много такого, что мы называем разными терминами, чтобы завуалировать эту загадочность или, лучше сказать, наше бессилие объяснить природу этих явлений, и...

Редактор: И для того, чтобы завуалировать Ваше бессилие объяснить, почему на этикетке с названием сливочного масла — «Вологда» в скобках пишется (Франция), а иногда (Голландия), почему правительство попросту бездарно и другой темы, кроме как «дадут в долг или не дадут» не способно обсуждать, Вы мне морочите голову терминами «буланая лошадь» и «корневой образ».

Для того, чтобы завуалировать Ваше бессилие исправить положение людей, живущих на совершенно конкретной, грешной земле, Вы реанимируете не слишком понятный термин «Божья земля» и, пытаясь оправдаться, «катите бочку» на Столыпина, при котором, кстати говоря, годовой доход России от экспорта только сибирского сливочного масла в два раза превышал доход от всех сибирских золотых приисков.

«Накатываете» и на Ильина — русского философа, нападать на которого уместнее было бы в альманахе «Либерал», нежели «Консерватор».

В.П.: Во-первых, я ни на кого не качу никаких бочек. Цитаты, которые я привел, давно уже не являются секретом и я не первый их привожу. Я лишь сопоставил их с высказываниями других людей.

Во-вторых, хороший доход от экспорта сельскохозяйственной продукции Россия получала всегда и, в частности, те соотношения, которые Вы приводите, справедливы и на момент прихода Столыпина к власти.

В-третьих, я не брал на себя обязательств «исправить положение людей, живущих на совершенно конкретной, грешной земле», я лишь хотел подчеркнуть, что эти люди мыслят образами и поэтому, если Вы хотите понять людей, то должны постараться понять их и если Вы при этом будете нервничать, мы далеко не уйдем.

Редактор: Мы уйдем далеко с Вашими сказками про яблоньку...

В.П.: Чувствуется, что Вы раздражены современной жизнью. Чтобы вернуться к теме «Корневой образ», попробую предложить Вам другую историю; кажется, она будет больше соответствовать Вашему настроению. Я использую перевод И.Соколовой, изданный в 1979 году.

О Крысах из Юнчжоу

Один житель Юнчжоу очень боялся нарушить предписания гороскопа. К тому же он полагал, что своей жизнью обязан богу — покровителю крыс. По этой причине питал к крысам любовь. В его доме не водилось ни кошек, ни собак. Он запретил слугам бить крыс. Кладовые, амбары и кухни — все было отдано крысам в безраздельное владение.

Крысы оповестили своих сородичей, что те могут явиться и жить в доме этого человека без всякой боязни. В комнатах невозможно было найти ни одной целой вещи, на вешалках — не тронутого крысами платья. Все в доме питались лишь тем, что оставалось от крыс. Средь бела дня, целыми стаями, не смущаясь людей, они шмыгали между ног, все грызли, растаскивали, рвали на части, пожирали, производя при этом такой шум, что никто в доме не мог уснуть. Но и этого им было мало.

Через несколько лет любитель крыс переехал в другую область. И в его доме поселились другие люди. Крысы же продолжали вести себя по-прежнему. Однако люди возмутились. “Это отродье, эта погань жрет и грабит сверх всякой меры. Как можно было такое терпеть?!— воскликнули они и, взяв в дом несколько кошек, закрыли наглухо ворота и двери, разобрали черепицу,

залили норы водою и вдобавок пообещали награду слугам за каждую убитую крысу. Из мертвых крыс образовались холмы. Их гнали из всех потайных уголков. Через несколько месяцев с крысами было покончено.

Вот ведь как бывает! А крысы думали, что беззаботному их житью не будет конца!

Хань Юй (768– 824)

Редактор: Это действительно уже ближе к той теме, которую мы выбрали для обсуждения. Хороший образ. Понятный народу. «Крысиные гонки», «крысиный оскал», «крысиные объедки» — это все терминология, популярная и ныне.

Вся страна с замиранием ждет, когда же любители крыс переедут в другую область, чтобы можно было использовать и термин «крысиный яд».

В.П.: Согласен с тем, что здесь мы имеем дело с сильным эффектом, но думаю, что разные люди этого ждут по разным причинам и ничего принципиально не изменится, пока народ поклоняется богу — покровителю крыс. Пока есть грязь, будут и тараканы.

Редактор: На что Вы намекаете?

В.П.: Я намекаю на то, что нам надо научиться терпению и умению разбираться в словах и понятиях. Вы уверены, например, что бедность действительно «худшее из рабств»? Хочу процитировать одно из замечаний Конфуция [8.10]: «Отважный человек, тяготящийся бедностью, произведет смуту». Вы уж извините, но мне кажется, что это про Столыпина.

Редактор: Как это все действует на нервы! Или «Большой вор» или «вор карманный»; «вор благонамеренный» или «Вор всея Руси» — Неужели вся эта классификация нуждается в философской поддержке?

В.П.: Я не хотел Вас раздражать, но история мыслит образами и как можно обсуждать тему «образ», если не затрагивать «больные» вопросы, я не понимаю.

Редактор: На меньшее чем «история» мы не согласны.

В.П.: Почему же? И обычные люди мыслят образами. Их мысли неотделимы от переживаний и эти переживания находят свое сочувствие в образах. Но далеко не все образы, созданные людьми, проходят через фильтр тысячелетий. Конфуций подчеркивал, что прежде чем понять и принять его философию, следует сначала прочитать «Книгу песен». Оттуда и взят этот образ.

*Large Rats! Large Rats!
Do not eat our millet.
Three years we have tolerated you,
But you have shown no regard for us,
So we will leave you,
And go to that happy land —
Happy land! Happy land!
Where we shall find our peace.*

The book of Poetry

Тот факт, что Вы первый его использовали в нашем разговоре лишь подчеркивает, что образ достаточно удачен, а проблема не сегодня появилась.

И решалась она по-разному. Вот другой пример, из книги «Сказания древней Японии», изданной на русском языке впервые в 1908 году. Окончание басни «Кошки и крысы»: *В столице должна была вот-вот разыграться битва*

между кошками и крысами. Но тут спешно прикатил не кто иной, как сам буддийский монах. Сведая о том, что затевалось, он поторопился и влетел в середину между обеими враждующими сторонами как раз в то время, когда они меряли друг друга взглядами, готовясь начать схватку.

— *Эй вы, кошки! Крысы! Стойте! Погодите! Неужели вы думаете, что вам будет какая-нибудь польза от того, что вы вступите в драку друг с другом? Крысам, конечно, не осилить кошек. Но когда кошки победят крыс, над ними опять же будет собака, а с собакой им не тягаться. И кто бы ни победил тут, все же мир не станет собственностью победителя. Мир находится в общем владении, и если только будут жить в дружбе люди с людьми, птицы с птицами и животные с животными, то жизнь будет легка и приятна всем. А если животные будут тащить пищу у людей, как делают крысы, или мучить других невинных животных, в чем грешны кошки, то так уж и знайте, небесное наказание не замедлит явиться само собой.*

Если вы уяснили себе эту истину, то вот вы, крысы, возвращайтесь к себе домой и живите смирно по своим норам, определив себе в пищу что-нибудь подходящее из того, что остается от людей.

А вы, кошки, в свою очередь, довольствуйтесь супом, который получаете в раковинах из-под морского ушка, и перестаньте есть невинных животных, как крысы. Если вы будете жить между собою дружно, то и люди отнесутся к вам участливо и будут время от времени уделять вам остатки жертвенного моти и сушеного бонита. Во всяком случае я не допущу вас до драки. — Так поучал их бонза, стоя посередине между противниками, и подействовало, видимо, его поучение на них. Первыми преклонили колена кошки.

— Впервые теперь, благодаря твоей проповеди, уразумели мы истину. Отныне и впредь не будем мы уже преследовать невинных крыс, не будем совершать ненужного умерщвления живых существ, — говорили они.

Крысы, в свою очередь, пали ниц.

— Если так говорят почтенные кошки, то и мы впредь оставим все свои злостные проделки, — почтительно заявили они.

Монах обрадовался.

— Ну так похлопайте лапками в знак восстановления хороших отношений между вами, — сказал он и захлопал сам в ладоши, приговаривая при этом.

— Сян, сян, сян! — хлопал монах. — Нянь, нянь, нянь! — вторил ему какой-то шутник из кошек.

Редактор: Что же, будем теперь хлопать лапками и петь песни, если плохо-вато с экономикой? Неужели великий Конфуций ничего больше предложить не мог?

В.П.: Петь песни нам немного поздно, раз уж ввязались в этот разговор, хотя прочитать «Книгу песен» и не вредно. Что же касается экономики в широком смысле этого слова, то это является одной из основных тем «Диалогов», это наука о том, как людям обустроить свой дом. Разговор об экономике невозможно отделить от разговора о власти, о морали, о взаимоотношении людей. Если мы сузим это понятие до «чистой» экономики, ссылаясь на то, что не хотим «заниматься политикой», то как раз и получим то, что имеем: одну из разновидностей политической экономики со своими специфическими законами типа «деньги на бочку», «можно все, что не запрещено», «деньги не пахнут».

Редактор: Это понятно. Все в мире взаимосвязано, тем более в этой теме. Но мы не в божественной канцелярии готовим документ и чем-то должны себя ограничивать. «Домострой» в России уже написан, издан достаточно большим тиражом и вряд ли нам нужно его перепечатывать. Я попросил Вас выделить основные тезисы Конфуция, относящиеся к экономике. В широком смысле или узком, длинном или коротком, с моралью или без оной — как хотите.

В.П.: Я выделил бы три главных принципа, но они помещены в самом конце «Диалогов». Хотя я и не считаю, что мы при обсуждении должны сохранять классическую последовательность изложения — здесь не вполне понятно, что значит забегать вперед, — но ведь Вы будете возражать.

Редактор: Мы уже и так нарушили всякую последовательность — и текстовую и смысловую. Вы имеете в виду что-то про запасы прошлогоднего риса или про то, что «стали богаты хорошие люди»?

В.П.: Я имею в виду три экономических принципа из двадцатой книги, параграф 2.

Редактор: Это про то, что «Благородный муж, оказывая милость, не несет расходов»? Это, наверное, про Арманда Хаммера. Или про Льва Полякова — крупнейшего банкира России конца XIX века, который основал свою голову-кружильную финансовую карьеру на благотворительности?

В.П.: Оставляя без комментария Ваше раздражение, скажу, что этот перевод и мне не нравится, но если вы хотите понять идею, то должны все-таки стараться вкладывать в слова наиболее «благоприятную» интерпретацию. Кроме того, в случае возможности сомнительного толкования в тексте «Диалогов» помещаются обычно уточнения в разной форме. В данном случае, цитируя этот отрывок, Вы обязаны поместить и нижеследующее объяснение:

— *Что значит: «оказывая милость, не нести расходов?»* — спросил Цзычжан.

Учитель ответил:

— *Благотворить народу, используя все то, что приносит ему выгоду, — это ли не милость, не требующая расходов?*

Редактор: Классное уточнение. Выгоду кому? Кроме того, встречали ли Вы кого-нибудь из «больших воров», кто бы перед тем, как украсть что-нибудь у народа по крупному, не объяснял бы ему долго и нудно, что именно это действие и принесет народу счастье и процветание? Либо сам, либо через своих бесчисленных шестерок.

В.П.: Так нельзя. Вы используете некоторые неточности перевода, чтобы создать неблагоприятное впечатление. Эта тема трудна своей деликатностью, как и все, связанное с благодеянием. Любой текст, даже самый хороший, можно слегка, незаметно изменить так, что благодеяние изобразится ханжеством или лицемерием.

Однако, я хотел бы уйти от этой дискуссии. Мне кажется наиболее приемлемым вариант перевода, который предложил Чэнь Чжипен (Chen Jingpan) — один из лучших интерпретаторов Конфуция в XX веке.

Редактор: То есть, он «попал в мишень»?

В.П.: Всегда остается ощущение, что чего-то не хватает, если имеешь дело со старинными текстами. Тем не менее, этот перевод мне представляется наиболее близким по смыслу.

Редактор: У Вас ощущение, у меня ощущение, а в результате — суждение. Так Ваша наука — философия — и строится. «Вам кажется», «Вам представляется», а после всех этих колебаний у Вас возникает уверенность, что перевод «наиболее близок по смыслу».

В.П.: Это трудно объяснить логически. Как, например, и то, что в музыкальном рисунке в данном месте должна быть нота «си бемоль», а не какая-либо другая.

Редактор: Давайте перейдем к тезисам.

В.П.: *First, to benefit the people without wasting the resources of the country.*

Редактор: Хороший тезис. Полагаю, его можно включить в число принципов консерватизма. Но на русском языке.

В.П.: На русском языке он много раз проговаривался, но, как мы знаем, без особого успеха. Тем не менее.

1°. (Первый экономический принцип Конфуция):
Увеличивать благосостояние народа, не разоряя ресурсы страны.

Редактор: Ничего не понимаю!

В.П.: Что же здесь понимать? Речь идет о распространенной иллюзии, что богатство внутренних ресурсов страны автоматически обеспечивает процветание. Однако Заир, Боливия и многие другие страны не менее богаты (в пересчете на душу населения). В то же время Япония, Канада, многие европейские страны практически не используют свои полезные ископаемые. Впрочем, в этом тезисе речь идет не только о полезных ископаемых, но и о таком, например, эффекте, как утечка интеллектуальных ресурсов.

Редактор: Это я понимаю, не понимаю другого. Как можно говорить о переводах Конфуция при таком сильном различии одного и того же места!

*И сочиняют — врут, и переводят — врут!
Почто же врете вы, о дети? Детям прут!*

А.С. Грибоедов

В.П.: Неужели же в нынешнем мутном потоке бессмыслицы у Вас не находится другого объекта для применения этой эпиграммы? Какую благодать Вы находите в бесконечном иронизировании по поводу переводов Конфуция?

... судить криво, бранить какое невинное удовольствие! Как отказать себе в этом? притом же писать для того, чтобы находить одно дурное в каком либо творении — подвиг немноготрудный: стоит только запастись бумагой, присесть и писать до тех пор, доколе не заскутит...

А.С. Грибоедов.

Редактор: Меня терзают смутные сомнения... Сдается, что эту «благодать» ищите Вы, а меня лишь «подставляете». При этом Вы — хотите того или нет — взявшись за некоторую систему аксиом, как Вы выражаетесь, еще и обещаете людям некоторый выход, а значит, несете ответственность поболее той, что несут обитатели палаты номер 6, или орды современных экономистов, которые ни за что ответственности не несут.

В.П.: Хорошо народу, у которого «все путем», и люди могут обсуждать Конфуция легко и непринужденно, не боясь, что их привлекут к ответственности. Я ничего не обещаю, тем более выхода. Просто предлагаю свои варианты, имея основу — нынешние переводы. Естественно, мы обсуждаем не самые отчетливые формулировки, иначе бы и проблемы не было. Мне было бы очень неприятно, если бы в другом журнале, предложив более удачные версии, столь же грубо обошлись с моими.

Если же читателям неинтересно терпеливо обсуждать идеи Конфуция, а им нужен «выход», то им лучше почитать что-нибудь политическое.

... с неугомонными читателями надобно поступить проще; надобно было сказать им однажды навсегда: «Государь мой! не будем толковать о поэзии, она для нас мудреная грамота, а примитесь за газеты». Читатели бы отстали, а бесполезная и оскорбительная критика в журнале не наполнила бы 22-х страниц.

А.С. Грибоедов.

К тому же, тот перевод, по поводу которого Вы иронизировали, не так уж и расходится тем, что здесь представлен. Очень многие люди ощущают, что они «несут расходы», если разоряется страна.

Редактор: 22 страницы уже закончились, а принципы еще не сформулированы.

В.П.: *Secondly, to encourage labour without cause for complaint.*

2°. (Второй экономический принцип Конфуция):
Сделать так, чтобы люди работали, не создавая при этом причин для недовольства.

Редактор: То есть что-то про безработицу и создание рабочих мест, выражаясь современным языком?

В.П.: Примерно так. Только терминология слишком современная.

Редактор: Тем не менее она использовалась на Западе, где, кстати говоря, прошли и через этап, на котором люди имели причины для недовольства, и часто выражали его разными средствами. И в итоге пришли к тому, что божок с именем «занятость» стал едва ли не самым главным — главнее божка с именем «право человека жить там, где ему хочется», главнее божка с именем «свобода торговли» и т.д.

В.П.: Мне кажется, что «западные страны» — слишком сложная модель. Тут мы запутаемся и мнения разделятся. В качестве более простой иллюстрации я бы предложил историю Соловецкого острова: три подхода, три варианта поведения — до революции, после революции и в настоящее время.

Редактор: Я понял. Вы имеете в виду, что до революции на Соловках все было прямо-таки по Конфуцию, после революции была работа, но по принуждению, а сейчас нет ни насилия, ни работы. Как, впрочем, и во всей стране.

В.П.: Я бы не стал так обобщать. Все-таки на Соловках практически прекратились всякие работы. Да и люди оттуда уезжают.

Редактор: А в стране не так?

В.П.: Считается, что в стране безработица составляет около 30%.

Редактор: Откуда Вы взяли эту цифру? В стране состояние, для описания которого подходит только один термин — тотальная безработица. Посмотрите на красивых молодых парней 20-30 лет, которые занимаются взиманием мзды с желающих припарковать машину или пройти в парк... Их тьмы, этих парней, которые сидят в магазинах, осматривают тебя с ног до головы в сберкассах... Если это занятость, то все в порядке. Конфуций это имел в виду?

В.П.: Теперь уже я должен уговаривать Вас не заниматься определениями. Я лишь хотел подчеркнуть, что если мы просто скажем, что все плохо, то не сможем проанализировать ситуацию более или менее объективно. На самом деле в стране работает много людей. Работают преподаватели, врачи, шоферы работают..

Редактор: Вы еще скажите, что они получают зарплату.

В.П.: Не зарплату, а жалованье. Термин «зарплата» несколько условный.

Редактор: Это точно, что «условный». Как впрочем, и любой другой термин, кроме, пожалуй, одного — «подачка».

В.П.: Но и на Соловках люди не получали зарплату. Тем не менее работали. Нельзя все сводить к зарплате.

Редактор: Хорошая точка зрения. Думаю, она понравится властям.

Думать только о жалованье, когда в государстве царит порядок, и думать только о том же, когда в нем нет порядка — это постыдно.

Конфуций. Диалоги, XIV, 1

В.П.: Мне кажется, что в том фрагменте, который Вы процитировали, хоть и с иронией, более уместно слово вознаграждение или награда. Похоже, мы по-разному относимся к слову «зарплата». В России раньше предпочитали все-таки более простое — «плата». Другие варианты: «жалованье», «содержание». Хотя и здесь, если вдуматься, свои сложности. Есть еще и такие слова, как «довольствие», «стипендия», «гонорар», «пособие», «грант», «премия», «выплаты» и т.д.

Каждое из этих понятий применимо в той или иной ситуации и за каждым скрыта какая-то идея его применения. Наверное, все это нуждается в сравнительном описании, но думаю, что это не простая проблема, относящаяся, в частности, к вопросу о распределении благ. А значит, мы должны говорить о власти, которая это осуществляет, об ее умении и желании это делать, не создавая напряженность.

Редактор: Будем надеяться, что кто-нибудь определит нам все эти слова, после чего будем просить у властей этого самого. А пока не определили, нечего и требовать. Правда, пока травка подрастет, лошадка с голоду помрет. Ну, да бог с ней, с лошадкой. Главное, чтобы все было отчетливо и ясно.

В.П.: Когда я говорил об условности термина «зарплата», я имел в виду, что уточняющее прилагательное «заработная», которое представляется вполне естественным, нельзя делать определяющим.

Редактор: Не понял.

В.П.: Во-первых, невозможно придумать «единицу стоимости труда».

Редактор: Невозможно или трудно?

В.П.: Принципиально невозможно.

Редактор: Я с этим, пожалуй, согласился бы, как и всякий, например, кто имел дело с оформлением так называемых «нарядов» в 70 – 80-х годах. Однако я боюсь другого.

Предлагая читателям «Консерватора» очерки Джона Рескина, Вы указываете на некую альтернативу, очередной раз эпатируя публику. Я никогда не приму положение, по которому молодой моряк Измаил и опытный гарпунер Квикег должны получить одинаковые доли, отправляясь в погоню за Моби Диком.

В.П.: Им действительно достались разные доли, но те, что определила судьба, а не хозяин судна. А до тех пор, пока этого не произошло, их «содержание» было одинаковым: общий кубрик, общий стол, одни и те же друзья и развлечения.

Рескин несколько о другом пишет, но у него, как и у Конфуция, корневым образом для понимания термина «экономика» служит семья. Когда в семье рождается ребенок, он в самый момент своего рождения приобретает право на содержание независимо от того, какой доход он может принести семье. Если подросток или юноша лениво работает на семейном огороде, то он может быть как-то наказан, но вряд ли родители пойдут на такой шаг, как уменьшение его порции во время обеда, или откажутся покупать ему ботинки.

Я хочу сказать, что всякая зарплата должна, если и не совпадать, то по крайней мере, иметь и ту часть, которая лучше описывается словом «содержание». То есть независимо от качества работы, опыта и т.д. зарплата должна иметь ту составляющую, которая позволяет обеспечить работнику его существование на том уровне, который определяется уровнем благосостояния страны.

Редактор: Похоже, что Вы своими словами собираетесь пересказать содержание опуса Рескина. Давайте пойдём дальше. Я согласен с тем, что занятость и зарплата нуждаются в том, чтобы на них обратили внимание хотя бы политэкономы. Должен признать, что второй тезис Конфуция вызвал во мне сочувствие.

В.П.: *Thirdly, to desire the enjoiments of life without being covetous.*

<p>3°. (Третий экономический принцип Конфуция): Стремиться к тому, чтобы люди радовались жизни, не ставя во главу угла приумножение богатства.</p>
--

Редактор: Пожалуй, только это нам и остается. Пусть Ваши любимые востоковеды радуются жизни на свою зарплату, а новорусские будут плакать и им завидовать.

Иов. (21,7-14): *Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки? Дети их с ними перед лицом их, и внуки их перед глазами их. Домы их безопасны от страха, и нет жезла Божия на них. Вол их оплодотворяет и не извергает, корова их зачинает и не выкидывает. Как стадо, выпускают они малюток своих, и дети их прыгают. Восклицают под голос тимпана и цитры и веселятся при звуках свирели; проводят дни свои в счастье и мгновенно нисходят в преисподнюю. А между тем они говорят Богу: отойди от нас, не хотим мы знать путей Твоих!*

Этот тезис мне меньше нравится. Есть у него какой-то лицемерный оттенок.

В.П.: Обжегшись на молоке, Вы уже дуете на воду. Я считаю, что тезис принципиально важен.

Редактор: Только этот тезис Ваш, а не Конфуция. Даже в английском варианте Чжипена, хотя Вы меня и не убедили, что он близок по смыслу к тому, что имел в виду Конфуций, речь идет об алчности, а не о простом «приумножении богатства». А это уже простая игра в прятки, своеобразная гимнастика, полезная для детей, тренирующихся в схоластике. Но я уже вышел из этого возраста.

В.П.: Почему же игра в прятки? Это ошибочное представление об использовании аллегорий. Эзоп, к примеру, и не скрывает, какие особенности человеческого поведения он хочет описать, оттенить. Употребление понятия «эзопов язык» для того, чтобы преодолеть цензурные ограды или сделать допустимыми оскорбительные намеки, по моему мнению неправильно.

Редактор: Я не это имел в виду. Игра в прятки — это логическая игра в нахождение спрятанного определения среди груды конструкций. Например, вам нужно доказать, что $5 > 3$. Вы вспоминаете, что 4 — это натуральное число, следующее за 3, и следовательно, по определению больше чем 3. Точно так же Вы вспоминаете, что $5 > 4$. Затем вводите в использование аксиому: «Если $b > a$ и $c > b$, то $c > a$.»

Точно так же в Ваших принципах «спрятан» ответ. Поскольку слово «алчность» уже имеет отчетливый негативный оттенок, то мы получаем тавтологию: «Не стремитесь к тому, что плохо, поскольку это плохо». То же самое и с первым принципом, который тавтологичен: конечно, плохо разорять страну, поскольку разорять — плохо.

В.П.: Я понял и, пожалуй, согласен. Здесь трудно в переводе подобрать удачное слово. Должно быть что-то среднее между «использовать» и «разорять». Например, «растрачивать».

Редактор: Может быть, оставить претензии на переводы Конфуция до лучших времен, когда Вы научитесь подбирать слова более точные?

В.П.: Но ведь слова подбираются в процессе разговора. Если люди не будут обсуждать подобные вещи, то и слова никогда не подберутся.

Редактор: Хорошо, пусть так. В заключение я хотел бы немного поговорить на другую тему.

В.П.: Надеюсь, не о том, «что делать»?

Редактор: Вам не понравилась моя реакция на Ваш ответ в конце нашего первого разговора?

В.П.: Конечно. Все эти послесловия после интервью — плохая манера. Вызвать человека на откровенность, а затем съязвить — дурной тон. Это, если угодно, часто встречающаяся профессиональная ошибка, неаккуратность.

Редактор: Хорошо, поговорим об аккуратности. Пока мы готовили «Консерватор» к выпуску, Ваши переживания были услышаны и вышло несколько новых изданий конфуцианских «Диалогов». В частности, издательство «Кристалл» опубликовало книгу «Беседы и суждения Конфуция», в которой собраны все существующие к настоящему времени варианты переводов. Это, по-моему, то, что Вы хотели?

В.П.: Конечно.

Редактор: Вот и прекрасно. Поскольку Вы не отказались от своей идеи печатать переводы П.С. Попова из номера в номер, я вынужден проверять их аутентичность. Берем первый из цитируемых в нашем выпуске отрывков. В вышеупомянутой книге приведен следующий текст П.С. Попова:

Философ сказал о Гун Е-чане, что его можно женить, несмотря на то, что он уже связан узами, ибо это не его вина, с чем и женил его на своей дочери. [5.1].

Вот Вы мне и объясните, разрешено ли было в Китае многоженство, или нет. Если да, то при чем тут вина и в чем я должен усмотреть мораль?

В.П.: Действительно, несколько странно. Не знаю, откуда взята эта версия перевода. Я буквально цитирую текст Попова по указанной мною книге. Вы можете сравнить его с ксерокопией издания. И смысл этого отрывка, конечно, другой, к многоженству не имеющий отношения. Вряд ли Попов мог написать так, как Вы процитировали, поскольку у него по этому поводу есть примечание:

Гунь Е-чан, ученик Конфуция, возвращаясь из Вэй в Лу, услышал крик птиц, направлявшихся к горному ручью клевать там труп человека. Спустя немного времени он увидел плачущую старуху, которая, на вопрос о причине ее плача, отвечала, что ее сын, отлучившийся несколько дней тому назад, до сих пор не возвращается, — вероятно он уже умер. На это Е-чан отвечал: сейчас стая птиц направилась к горному ручью клевать человеческий труп. Отправившаяся к ручью старуха, узнав в трупе своего сына, заявила об этом деревенским властям, которые спросили ее, откуда она узнала все это. Старуха передала им свой разговор с Е-чаном, которого и арестовали по подозрению в убийстве.

Редактор: Про пребывание в тюрьме не говорят: «связан узами», а про семейное положение не говорят: «находится в узах». Ну, и что же с Вашей аккуратностью?

В.П.: Я думаю, что Вы, как и всякий «пользователь», то есть читатель Конфуция, желающий научиться пользоваться этим учением в жизни, должны подняться выше конкретики, на государственный уровень, стараясь увидеть правило или социальный феномен.

Редактор: Хорошо, поднимемся повыше этой конкретики. Дяденька стал жертвой несправедливости. Бабах — давай ему в утешение дадим дочку. Если брать еще повыше, переходя на «государственный уровень», то должность. Поплакал на трибуне — получай в управление провинцию. Сейчас столько обиженных, что никаких дочек-должностей не хватает. Начинаем срочно штамповать новых.

В.П.: Нет, у Конфуция нет указаний на несправедливость.

Редактор: Как же так, если «находится в узах» и «не его вина»? И как же я должен понимать примечание Попова?

В.П.: Примечание было написано не Конфуцием. Чтобы понять смысл сказанного именно Конфуцием, надо осознать, что, упрощенно говоря, одной из главных задач «Диалогов» является описание «смуты», то есть состояния, когда «в государстве нет пути». И прежде всего вы должны дать понять людям, что верите в возможность выхода из этого состояния. Иначе разговор будет достаточно бессмысленным. Чтобы понять тезис, я бы предложил другой пример.

Предположим, Конфуций живет в настоящее время и к нему обращается молодой человек за советом по поводу выбора профессии. Он хотел бы стать физиком и имеет все данные для этого, но, естественно, глядя на то, как мучаются очень хорошие физики в поисках приработка, переживает и не знает на что решиться. Если положение в стране и далее останется таким, как оно есть, то, конечно же, лучше выбрать другой путь. Что должен сделать Конфуций, чтобы показать, что он верит в то, что через некоторое время хорошие физики все-таки будут нужны обществу? Дать клятву? Оставить залог? И на какое время? Конфуций и оставляет такой «залог». Вообще-то дочь отдают в жены тому, кто сможет потом обеспечить семью, но в данном случае Конфуций верит, что так и произойдет. Если принять такую интерпретацию, то

я бы перевел вместо «находится в узах» — «находится в стесненных обстоятельствах». То же самое относится и к должности, если учесть, что в стране, в которой нет пути, достойный человек, как правило, находится в стесненных обстоятельствах и наоборот.

Редактор: Удивительное дело. Для вас Конфуций как пластилин, из которого Вы можете вылепить все, что захотите. Мне остается только поражаться Вашей способности создавать нужные картинки.

В.П.: В этом отчасти и состоит процесс обучения. В тренировке возможности рассуждать, выбирать правильную формулу, подходящие слова и интерпретации, обдумывании того, как это связано с реальной жизнью. И то издание, которое Вы цитировали, прекрасно подходит для этого.

Редактор: Идеально подходит. Можно только восхищаться тем, как оно устроено. Один пример: вариации на тему «конфуцианство в России». [2.16] (стр. 63).

Кун-цзы сказал: «Заниматься посторонними *[т.е. различными философиями, не принадлежащими к истине, странными]* началами (или теориями) — это приносит вред и только».

Перевод В.П. Васильева

Философ сказал: «Исключительное занятие чуждыми учениями может только принести вред».

Перевод П.С. Потова

Учитель сказал: «Изучение неправильных взглядов вредно».

Перевод В.А. Кривцова

Учитель сказал:

— Увлеченность чуждыми суждениями приносит только вред.

Другой вариант перевода:

Учитель сказал:

— Братся за дело не с того конца —

Значит наносить вред.

Перевод И.И. Семененко

Учитель сказал:

— Преследование за инакомыслие — это губительно.

Перевод А.Е. Лукьянова

Учитель сказал: «Увлекаться крайностями вредно».

Перевод Л.С. Васильева

Если жизнь, как выразился Павел Иванович Чичиков, можно уподобить судну среди волн, а учение — компасу мореплавателя, то конфуцианское — самый удобный компас. Он может показывать все, что хочешь. Хочешь плыть на северо-восток — пожалуйста: «Изучение неправильных взглядов вредно». Хочешь на юго-восток — компас покажет и туда тоже.

Как же в итоге я должен относиться к Вашему увлечению конфуцианством?

В.П.: Добавлю дровишек в костер Вашего раздражения и присоединю к Вашему списку еще один вариант на английском языке, предложенный Lyall'ем. На русском языке есть близкая по смыслу поговорка: «С каким чертом сражаешься, с тем и живешь». Или похожая: «Кто чего боится, то с ним и случится». Если Вам все это кажется чертовщиной, то, конечно, лучше оставить Конфуция в покое.

Редактор: Пожалуй, так и сделаю, тем более что я, увлекшись Вашими шарадами, совсем позабыл про свои обязанности, то есть про читателя, которому наш диалог порядком поднадоел.

Чичиков так занялся разговорами с дамами, или, лучше сказать, дамы так заняли и закружили его своими разговорами, подсытая кучу самых замысловатых и тонких аллегорий, которые все нужно было разгадывать, отчего даже у него выступил на лбу пот, — что он позабыл исполнить долг приличия и подойти прежде всего к хозяйке.

Н.В. Гоголь. «Мертвые души»

В.П.: Это то, что я бы назвал «предупредительной самокритикой». Поэма Гоголя не менее текстов Конфуция насыщена аллегориями. Делается это не потому, что автор хочет запутать или заинтриговать, а просто иногда без этого трудно объяснить суть.

Аллегория судна среди волн — классическая и достаточно хорошо описывает или подчеркивает те или иные особенности человеческого поведения в ситуации, когда следует принимать решения. Конфуций в шестом эпизоде главы V представляет себя человеком, который на корабле, теряющем свой путь среди волн, решается взять на себя управление. Он просит ученика Ю стать его помощником и говорит о том, что выражение радости ученика в этой ситуации неуместно, поскольку Ю предстоит тяжелая работа и сложные испытания.

Редактор: Этот Ю был, по-видимому, типичным козлом! Это действительно характерно и для нашего времени.

В.П.: Зачем же так грубо? Не думаю, что нам следует опускаться до использования бранных слов, да еще такого уровня. Ю не был плохим человеком.

Редактор: Никто и не говорит, что он был плохим. Козел — это образ, который должны знать любители аллегорий.

Это из одной китайской сказки, суть которой в том, что одной из отдаленных провинций звери решили управлять по демократическим принципам и каждую весну стали выбирать себе начальников и депутатов. Тех, кто плохо справлялся со своими обязанностями, звери, беря пример с людей, отправляли на дальние огороды сторожить капусту, и избирали себе новых депутатов. Через некоторое время козлы из всех окрестностей стали стекаться в этот лес, а остальные звери разбегаться кто куда, поскольку есть стало нечего, а за порядком никто не следил.

В.П.: Все равно грубо. Однако, хочу заметить, что иногда Конфуций формулирует свои правила и явно, не прибегая к образам. Например, знаменитое высказывание [5.11], повторяющееся в Нагорной проповеди. И в «Диалогах» Конфуция, и в Евангелии оно повторяется дважды. Интересно, что в обеих книгах многие формулы встречаются и в других местах, немного в измененном виде, в другой ситуации, как бы под другим углом зрения. Так мы поступаем, если с помощью изображения на бумаге хотим дать правильное представление о трехмерном предмете. Но это единственное, пожалуй, высказывание, которое повторяется без изменений.

Редактор: Если уж зашла речь об аккуратности, то в Нагорной проповеди формула несколько иная. Впрочем, обе они для меня недостижимы, как и для Цзы-гуна.

В.П.: Они недостижимы для любого смертного, как и другие правила из Нагорной проповеди, но нужно стремиться к тому, чтобы научиться ими руководствоваться.

Редактор: Но я их просто не понимаю. Это все слишком умно для меня.

В.П.: Попробуйте сначала просто захотеть понять. Если Вы захотите этого искренне, то этого окажется и достаточно.

Редактор: Обязательно попробую. Как только закончу редактировать ваши опусы. А пока отмечу, что моей душе много ближе и уму понятнее тот ответ на вопрос «что делать?» который Вы сами и предложили вместе с отрывком из «Китайского пантеона». Это, пожалуй, наиболее поучительная и полезная из всех аллегорий, которые мы сегодня обсуждали.

В.П.: Это Ваш ответ, а не конфуцианский.

Редактор: Не важно. Назовем его «принципом Си Мынь-бао». Теперь можно спокойно исполнить долг приличия и закончить наш разговор об аллегориях.

Водяной дух Шуй-шэнь (стр. 71 — 75)

Отдел водяных духов у китайцев довольно разнообразен и значителен. Это зависит от того, что у них не только для каждого вида водовместилищ существуют отдельные духи, но что для известных, отдельных водовместилищ — океанов, морей, рек и озер имеются свои специальные духи.

В разряде водяных духов мы встречаем водяного оборотня, по имени Вансяна, т. е. бесформенного, который по наружному виду походит на мальчика черного цвета с красными глазами, большими ушами и длинными когтями. По другой версии он называется Цин-цзи, походит на человека и ездит на парах, совершая в день 1000 ли; если назвать его по имени, то можно заставить его войти в воду и ловить рыбу.

К водяным духам относят Сюань-мина, который будто бы первоначально был старейшиной водяных чинов в баснословный период 5 императоров.

В книге о горах и реках (Шань-хай-цзинь) говорится: водяной владыка Шуй-бо называется Тянь-у; он имеет тело тигра, человеческое лицо, 8 темно-желтых голов, 8 ног и 8 хвостов.

Наиболее распространенный и известный из водяных духов — это речной дух Хэ-бо. Говорят, что фамилия его Пин, имя И, а прозвание Гун-цзы; он был уроженец уезда Хуа-ин, в области Тун-чжоу, провинции Шэнь-си и, по одним, утонув во время переправы через Желтую реку, был назначен, по изволению небесного владыки, речным духом, а по другим, приобретя бессмертие, превратился в этого духа. Он имеет человеческое лицо и ездит на двух драконах, хотя иногда и сам превращается в белого дракона, как это видно из одного стихотворения.

В китайских сказаниях Хэ-бо приобрел печальную известность тем, что в некоторых местностях жители были вынуждены отдавать ему в жены своих дочерей. Исторические записки Сы Ма-цяня сохранили нам описание этого варварского обычая и способ уничтожения его одним из администраторов в Е, одном из небольших владений провинции Хэ-нань. В царствование Чжоуского князя Вэй-ле-вана (425 — 401 г.) некто Си Мынь-бао, назначенный правителем в Е, собрав местных стариков, спросил их: отчего страдает народ? Те отвечали ему, что он страдает от взимания жен для речного духа.

Местные старшины и приказные ежегодно собирают с народа массу денег, из коих незначительную часть употребляют для свадьбы водяного духа, деля ее с шаманками, а остальные уносят к себе. Шаманка, увидав у кого-нибудь

красивую девушку, заявляет, что она должна быть женою водяного духа; тотчас же сватают ее, готовят для нее новое платье, устраивают на реке дворец для пуста, в котором помещают ее; по прошествии более 10 дней, украшают для нее, как для невесты, брачное ложе, на которое возводят девицу, сплавляют его на середину реки, и оно, проплыв несколько десятков ли, погружается в воду. Благодаря этому большая часть семейств, у которых есть красивые дочери, бегут в далекие страны. В народе существует поговорка, что «если не женить речного духа, то при наводнении он будет топить людей».

Когда наступило время (свадьбы), Си Мынь-бао отправился на реку, где уже собрались старейшины, чиновники, влиятельные граждане и деревенские старики. Здесь была главная шаманка, 70-летняя старуха со свитой из 1000 (?) учениц; все они были в расшитых однорядках и стояли позади главной шаманки. Си Мынь-бао сказал: «Позовите нареченную жену водяного духа, чтобы посмотреть, какова она». Ее немедленно вывели из-за полога и подвели к нему. Взглянув на нее, Бао, обратившись к старейшинам, шаманкам и старикам сказал: «Эта девушка некрасива, потрудитесь, госпожа главная шаманка, отправиться к речному духу и доложить ему, что мы выберем девицу покрасивее и потом пришлем ее ему». С этими словами он немедленно приказал служителям бросить ее в реку.

Спустя некоторое время он сказал: «Отчего это главная шаманка так замешкалась? Пусть одна из ее учениц сбегает к ней». Вслед за этим бросили в реку одну из учениц. Этим порядком было брошено в реку три ученицы. После этого Бао сказал: «Главная шаманка и ее ученицы — женщины и потому не сумели (могли) доложить речному духу. Господа старейшины, потрудитесь вы отправиться и доложить ему». Старейшин бросили в реку. Со взорами, обращенными к реке, все стояли в ожидании весьма продолжительное время. Почтенные граждане, чиновники и публика, все пришли в ужас. Взглянув на них, Бао сказал: «Шаманки и старейшины не возвращаются; что же нам делать?»

Вслед за этим он хотел послать туда по одному приказному и по одному влиятельному лицу. Все они бросились пред ним на колени и стали отбивать ему земные поклоны, так что пробили себе лбы до крови и лица у них помертвели. «Хорошо, — сказал Бао, — подождем еще немножко». Через минуту он сказал им: «Кажется наши посланные загостились у речного духа. Вы все можете убраться домой». Все население Е было объято ужасом и с этого времени не смело уже заикаться о выборе жены для речного духа.

THE SAYINGS OF
C O N F U C I U S

Translated by Leonard A. Lyall

И з р е ч е н и я К О Н Ф У Ц И Я
у ч е н и к о в е г о и д р у г и х л и ц
перевел П. С. П о п о в

BOOK V

1. Of Kung-yeh Ch'ang the Master said, A girl might be wedded to him.
Though he has been in fetters that was not his crime.

He gave him his daughter to wed.

Of Nan Jung the Master said, When the land keeps the Way he will not
be neglected; and if the land loses the Way he will escape punishment and
death.

He gave him his brothers daughter to wed.

Философ сказал о Гунь-Е-чане, что его можно женить, несмотря на
то, что он находится в узах, но это не его вина и женил его на своей
дочери. Философ сказал о Нань-жуне: в государстве, где есть закон, он
не пропадет, где нет его, избежит казни и вследствие этого женил его
на племяннице.

2. Of Tzu-chien the Master said, What a gentleman he is! But if there were
no gentlemen in Lu, where could he have picked it up?

Философ сказал о Цзы-цзяне: Какой благородный муж этот человек!
Если бы в Лу не было благородных людей, то откуда у него взялись бы
такие (достоинства).

3. Tzu-kung asked, And what of me?

Thou art a vessel, said the Master.

What kind of vessel?

A rich temple vessel.

Цзы-гун спросил: А я (Цы) каков? Ты полезный сосуд, сказал Философ. Какой сосуд? Жертвенный сосуд для хлеба в храме предков.

4. One said, Yung has love, but he is not glib.

The Master said, What is the good of being glib? Fighting men with tongue-craft mostly makes men hate you. Whether love be his I do not know, but what is the good of being glib?

Некто сказал: Юн человек гуманный, но не говорун. Философ сказал: к чему нужна говорливость? Отпарировать людям софизмами — это вызывать в них отвращение к себе. О его гуманизме я не знаю, но к чему ему красноречие.

5. The Master moved Ch'i-tiao K'ai to take office.

He answered, For this I want confidence.

The Master was pleased.

Философ посылал Ци Дяо-кай'я служить. Тот отвечал: я не могу быть уверен в том, что гожусь для этого. Конфуций оставался доволен.

6. The Master said, Forsaken is the Way! I must take ship and stem the seas; and Yu {*Tzu-lu*} shall go with me.

When Tzu-lu heard this he was glad.

The Master said, Yu loves daring more than I do, but he is at a loss how to take things.

Философ сказал: Учение мое не идет: сяду на плот и поплыву к морю. Сопровождать меня будет вероятно Ю. Цзы-лу, услышав это, обрадовался. Тогда Философ сказал: Ю! храбростью ты превосходишь меня, но у тебя нет никакой сметки.

7. Meng wu asked whether Tzu-lu had love.

I do not know said the Master.

He asked again.

A land of a thousand chariots might give Yu charge of its levies; but whether love be his I do not know.

And how about Ch'iu?

A town of a thousand households, a clan of an hundred chariots might make Ch'iu governor; but whether love be his I do not know.

And how about Ch'ih?

Standing in the court, girt with his sash, Ch'ih might entertain the guests; but whether love be his I do not know.

Мень У-бо спросил: гуманен ли Цзы-лу? Философ сказал: Не знаю. Тот спросил его в другой раз. Тогда Философ сказал: В (удельном) княжестве, располагающем 1000 колесниц, Цзы-лу можно поручить управление войском; но я не знаю, гуманен ли он. А каков Цю?

Конфуций ответил: Цю можно сделать правителем города в 1000 семей или владения фамилии, имеющей 100 военных колесниц; но гуманен ли он, не знаю. А Чи каков? Философ ответил: Чи, если он наденет пояс и станет во дворце, то ему можно поручить занимать чужеземных гостей; но гуманен ли он, я не знаю.

8. The Master said to Tzu-kung, Which is the better man, thou or Hui?

He answered, How dare I look as high as Hui? When Hui hears one thing, he understands ten; when I hear one thing I understand two.

The Master said, Thou art not his like. Neither art thou his like, nor am I.

Философ, разговаривая с Цзы-гуном сказал: А из вас с Уи кто лучше? Цзы-гун ответил: как я смею равняться с Уи; если он услышит о чем-либо одно, то, основываясь на этом одном, узнает о нем все.

9. Tsai Yü slept in the daytime.

The Master said, Rotten wood cannot be carved, nor are dung walls plastered. Why chide with Yü?

The Master said, When I first met men I listened to their words and took their deeds on trust. When I meet them now, I listen to their words and watch their deeds. I righted this on Yü.

Цзай-юй заснул днем. Философ сказал: Гнилое дерево не годится для резьбы, (равным образом) стена, сложенная из навоза, не годится для штукатурки. Стоит ли упрекать Юй-я?

Философ сказал: В сношениях с людьми сначала я слушал их речи и верил их действиям, а теперь я слушаю их речи и наблюдаю (смотрю) их поступки. Такая перемена произошла во мне от Юй'я.

10. The Master said, I have met no firm man.

One answered, Shen Ch'ang.

The Master said, Ch'ang is passionate; how can he be firm?

Философ сказал: Я не видал человека твердого. А Шань-чэн, отвечал кто-то? Чэн человек похотливый (со страстями), где же ему быть твердым.

11. Tzu-kung said, what I do not wish done to me, I likewise wish not to do to others.

The Master said, That is still beyond thee, Tz'u.

Цзы-гун сказал: Чего я не желаю, чтобы другие делали мне, того я желаю не делать другим. На это философ сказал: Цы! Это для тебя недостижимо.

12. Tzu-kung said, To hear the Master on his art and precepts is granted us; but to hear him on man's nature and the Way of Heaven is not.

Цзы-гун сказал: Наружные совершенства учителя могут быть известны, но его рассуждения о природе вещей и о небесных законах нам не могут быть известны.

13. Until Tzu-lu could do what he can heard, his only fear was to hear more.

Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое прежде чем уже услышанное им могло быть приведено в исполнение. Или: Цзы-лу, услышав что-нибудь доброе, чего он еще не мог привести в исполнение, боялся только, как бы не услышать еще чего нового.

14. Tzu-kung asked, Why was K'ung-wen called cultured?

The Master said, He was quick and loved learning; he was not ashamed to ask those beneath him: that is why he was called cultured.

Цзы-гун спросил, почему Кун Вэн-цзы назвали образованным? На это Философ сказал: Несмотря на быстрый ум он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому-то его и назвали образованным.

15. The Master said, Of the ways of a gentleman Tzu-ch'an had four. His life was modest; he honoured those that he served. He was kind in feeding the people, and he was just in his calls upon them.

Конфуций отозвался о Цзы-чане, что он обладал 4-мя качествами благородного мужа: скромнен по своему поведению, почтителен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

16. The Master said, Yen P'ing was a good friend. The longer he knew you, the more attentive he grew.

Философ сказал: Ян Пин-чжун был искусен в общении с людьми, сохраняя к ним почтительность и после продолжительного знакомства.

17. The Master said, Tsang Wen lodged his tortoise with hills on the pillars and reeds on the uprights: was this his wisdom?

Философ сказал: Цзан Вэн-чжун посадил большую черепаху в комнату, на которой на капителях были вырезаны горы, а на столбиках над матицей были нарисованы водяные растения. Каков же его ум?

18. Tzu-chang said, The chief minister, Tzu-wen, was thrice made minister without showing gladness, thrice he left office with unmoved looks. He always told the new ministers how the old ones had governed: how was that?

He was faithful, said the Master.

But was it love?

I do not know, said the Master: how should this amount to love?

When Ts'ui murdered the lord of Ch'i, Ch'en Wen threw up ten teams of horses and left the land. On coming to another kingdom he said, «Like my lord Ts'ui,» and left it. On coming to a second kingdom he said again, «Like my lord Ts'ui,» and left it: how was that?

He was clean, said the Master.

But was it love?

I do not know, said the Master: how should this amount to love?

Цзы-чжан спросил Конфуция, какого он мнения о министре Цзы-вэне, который, трижды занимая эту должность, не выражал радости и, трижды покидая ее, не высказывал неудовольствия и при этом непременно объяснял новому министру правительственные распоряжения старого (т.е. свои)? Философ сказал: преданный человек. А не гуманный ли он, продолжал Цзы-чжан? Не знаю, каким же образом он мог быть гуманистом?

19. Chi Wen thought thrice before acting.

On hearing this the Master said, Twice is enough.

Цзи Вэн-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит. Услышав об этом, Философ сказал: и дважды довольно.

20. The Master said, Whilst the land kept the Way Ning Wu showed wisdom; when his land lost the Way he grew simple. His wisdom we may come up to; such simplicity is beyond us. { *Ning Wu was minister of the Duke of Wei in the middle of the seventh century b.c. The duke was driven from his throne and deserted by the wise and prudent; but Ning Wu, in his simplicity, stuck to the master and finally effected his restoration.* }

Философ сказал: Когда в государстве царил закон, то Нин У-цзы был умен, а когда в нем пошли беспорядки, он оказался глупым. С умом его можно поравняться, но с глупостью нельзя.

21. When he was in Ch'en the Master said, Home, I must go home! Zealous, or rush, or finished scholars, my young sons at home do not know what pruning they still need!

Философ, находясь в уделе Чэнь, сказал: Надо возвратиться, надо возвратиться! Мои детки стали высокоумны и небрежны в деле; хотя внешнее образование их закончено, но они не знают, как сдерживать себя.

22. The Master said, Because Po-yi and Shu-ch'i never remembered old wickedness they made few enemies. {*Po-yi and Shu-ch'i were sons of the King of Ku-chu. Their father left the throne to the younger of the two; but he would not supplant the elder, nor would the elder go against his father's wishes. So they both retired into obscurity. When King Wu overthrew the tyrant Chou (1122 b.c.), they starved to death, rather than live under the new dynasty. Of Po-yi tells us (Book X, chapter 1): «His eyes would not look on the evil face, his ears would not listen to an evil sound. He served none but his own lord, he ruled none but his own people. He came in when there was order, and withdrew when tumults came. Where lawless rule showed, or lawless people stayed, he could not bear to dwell. To be together with country folk he thought like sitting in court cap on dust and ashes. In Chou's time he dwelt by the North Sea shore, waiting to all below heaven to grow clean. So, hearing the ways of Po-yi, the fool grows honest, and the weakling's purpose stands».*}

Философ сказал: Бо-и и Шу-ци не помнили прежнего зла, поэтому-то на них роптали мало.

23. The Master said, who can call Wei-sheng Kao straight? A man begged him for vinegar: he begged it of a neighbour, and gave it.

Философ сказал: Кто говорит, что Вэй-шэн-гао прямой человек? Кто-то попросил у него уксусу, (у него не было), он выпросил у соседа и дал.

24. The Master said, Smooth words, fawning looks, and overdone humility, Tso Ch'iu-ming thought shameful, and so do I. He thought it shameful to hide ill-will and ape friendship, and so do I.

Философ сказал: Цзо-Цю-мин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почтительности, и я также стыжусь их. Цзо Цю мин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого.

25. As Yen Yuan and Chi-lu {*Tzu-lu*} were sitting with him, the Master said, Why not each of you tell me thy wishes?

Tzu-lu said, I should like carriages and horses, and clothes of light fur to share with my friends, and, if they spoiled them, not to get angry.

Yen Yüan said, I should like to make no boast of talent or show of merit.

Tzu-lu said, We should like to hear your wishes, Sir.

The Master said, To give the old folk peace, to be true to friends, and to have a heart to the young.

Философ, обратившись к присутствовавшим Янь-юаню и Цзи-лу, сказал: Почему каждый из вас не выскажет своих желаний? Тогда Цзы-лу сказал: Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах. Цзы-лу сказал: Мы хотели бы слышать о ваших желаниях.

Философ сказал: Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним и малых лелеять.

26. The Master said, It is finished! I have met no one that can see his own faults and arraign himself within.

Философ сказал: Да! Я не видал человека, который мог бы замечать свои погрешности и внутренне осуждать за них себя.

27. The Master said, In a hamlet of ten houses there must be men that are as faithful and men as I, but they do not love learning as I do.

Философ сказал: В маленьком селении непременно найдутся люди, преданностью и искренностью подобные мне, но не найдется таких, которые любили бы учиться, как я.

BOOK VI

1. The Master said, Yung might fill the seat of a prince.

And might Tzu-sang Po-tzu? asked Chung-kung.

Yes, said the Master; but he is slack.

To be stern of himself, said Chung-kung, and slack in his claims on the people, might do; but to be slack himself and slack with others must surely be too slack.

The Master said, What Yung says is true.

Философ сказал: Юна (Чжун-гун) можно поставить лицом к югу. Тогда Чжун гун спросил Конфуция о Цзы Сан-бо-цзы; тот отвечал: годится – он немелочник (нетребователен).

Чжун гун сказал: Разве нельзя управлять народом, будучи внимательным к самому себе и либеральным в деятельности? Но быть нетребовательным как к самому себе, так и к своей деятельности – разве это не будет уж слишком нетребовательно?

2. Duke Ai asked which disciples loved learning.

Confucius answered, Yen Hui loved learning. He did not carry over anger; he made no mistake twice. Alas! his mission was short, he died. Now that he is gone, I hear of no one that loves learning.

Ай-гун спросил Конфуция: Кто из ваших учеников любит учиться. Тот отвечал: Был Янь-уй, который любил учиться, не переносил гнева на других и не повторял ошибок. К несчастью его жизнь была коротка, умер он. Теперь таких нет. Не слышно, чтобы были любящие учиться.

3. When Tzu-hua was sent to Ch'i, the disciple Jan asked for grain for his mother.

The Master said, Give her six pecks.

He asked for more.

The Master said, Give her sixteen.

Jan gave her eight hundred.

The Master said, On his way to Ch'i, Ch'ih drawn by slick horses and clad in light furs. I have heard that gentlemen help the needy, not that they swell riches.

When Yuan Ssu was made governor he was given nine hundred measures of grain, which he refused.

Not so, said the Master: why not take it and give it to thy neighbours and countryfolk?

Когда Цзы-хуа был отправлен в Ци, то Жан-цзы просил хлеба для его матери. Философ сказал: Дай ей один фу (6 мер 4 гарнца). Жан-цзы просил прибавить. Философ сказал: дай ей один юй (16 мер). Жан-цзы дал ей 5 бинов (80 мешков, приблиз. 4 п. 12 ф. в каждом).

Тогда Философ сказал: Я слышал, что когда Чи (Цзы-хуа) отправился в Ци, то он поехал на сытой лошади и одет был в легкую (богатую) шубу. Благородный муж помогает нуждающимся, но не прибавляет к богатствам богатых. Когда Юань-сы был при Конфуции правителем, и он давал ему 900 мер хлеба, то тот отказывался. Философ сказал: Не отказывайся, а возьми и раздай соседям, живущим с тобою в одном хуторе, деревне, селе и волости.

4. The Master said of Chung-kung, If the calf of a brindled cow be red and horned, though men be shy to offer him, will the hills and streams reject him?

Философ отозвался на счет Чжун-гуна (ученика) следующим образом: Теленок от пестрой коровы, если он рыжий и притом с рогами, хотя бы люди и не воспользовались им (для жертвоприношения), разве духи гор и рек им погнушались бы?

5. The Master said, For three months together Hui's heart never sinned against love. The others may hold out for a day, or a month, but no more.

Философ сказал: О Ксу я могу сказать, что сердце его в течение 3-х месяцев не разлучается с гуманностью, тогда как у других ее хватает на день и самое большее на на месяц.

6. Chi K'ang {The head of the Chi clan after Chi Huan } asked whether Chung-yu was fit to govern.

The Master said, Yu is firm; what would governing be to him?

And is Tz'u fit to govern?

Tz'u is thorough; what would governing be to him?

And is Ch'iu fit to govern? Ch'iu is clever; what would governing be to him?

Цзи Кан-цзы спросил Философа: можно ли допустить Чжун-ю (Цзы-лу) до участия в правлении? Тот ответил: Ю – человек решительный. Что для него значит участвовать в управлении? Ну, а Цю (Цзы-ю) можно допустить? Философ сказал: Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?

7. The Chi sent to make Min Tzu-ch'ien {A disciple } governor of Pi.

Min Tzu-ch'ien said, Make some good excuse for me. If he sends again I must be across the Wen.

Цзи-ши посылал Мин-цзы-цяня правителем города Ми (в И-чжоу, провин. Шан-дун). Мин-цзы-цянь сказал посланному: вежливо откажись за меня, а если в другой раз будет приглашать меня, то я непременно уйду на р. Вэнь (в Ци).

8. When Po-niu was ill the Master asked after him. Grasping his hand through the window, he said, He is going. It is the Bidding; but why this man of such an illness? Why this man of such an illness?

Бо-ню заболел. Философ, навестив его, взял через окно его руку и сказал: умрет – такова судьба. Такой человек и умирает от такой болезни.

9. The Master said, What a man was Hui! {Yen Yuan } A bowl of rice, a gourd of water, in a low alley; man cannot bear such misery! Yet Hui never fell from mirth. What a man he was!

Философ сказал: Какой достойный человек Янь-уй! Он довольствовался одной чашкою рису и одним ковшом воды и жил в отвратительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений (скорбей), а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек!

10. Jan Ch'iu said, It is not that I take no pleasure in the Master's Way: I want strength.

The Master said, He that wants strength faints midway; but thou drawest a line.

Жань-цю сказал: Не потому, чтобы я не находил удовольствия в твоём учении, а сил у меня не хватает. Философ сказал: Те, у которых не достаёт сил, останавливаются на полпути; теперь ты сам себя ограничиваешь.

11. The Master said to Tzu-hsia, Study to be a gentleman, not as the small man studies.

Философ, обратившись к Цзы-ся, сказал: Ты будь благородным ученым, а не низким.

12. When Tzu-yu was governor of Wu-ch'eng, the Master said, Hast thou gotten any men?

He answered, I have Тан-т' ai Mieh-ming. He will not take a short cut when walking, and he has never come to my house except on business.

Когда Цзы-ю сделался правителем города У-чэн, то философ спросил: Что же, достал ли там себе порядочного человека? Тот отвечал: есть некто Тань-тай Ме-мин, который не ходит по тропинкам (задним ходом) а бывает у меня только по делам служебным (общественным).

13. The Master said, Meng Chih-fan never brags. He was covering the rear in a rout; but on coming to the gate he whipped his horse and cried, Not courage kept me behind; my horse won't go!

Философ сказал: Мэн-чжи-фан не хвастался своими заслугами. Когда его войско обратилось в бегство, он следовал позади его, а при вступлении в город стегнул своего коня, сказав: я не смел бы оставаться позади, да конь не шел вперед.

14. The Master said, Unless we are glib as the reader T'o and fair as Chao of Sung, escape is hard in the times that be!

Философ сказал: Без красноречия Чжу-то и красоты Суйского принца Чжао трудно избежать ненависти в наш век.

15. The Master said, Who can go out except by the door? Why is it no one keeps to the Way?

Философ сказал: Кто выходит не через дверь? Но почему же не идет по этому пути?

16. The Master said, Matter outweighing art begets roughness; art outweighing matter begets pedantry. Matter and art well blent make a gentleman.

Философ сказал: Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность преобладает над природой, то мы имеем лицемерие, и только пропорциональное соединение природы и искусственности дает благодарного человека.

17. The Master said, Man is born straight. If he grows crooked and yet lives, he is lucky to escape.

Философ сказал: Человек от рождения прям и, если потом, искривившись, остается цел, то это по счастливой случайности.

18. The Master said, He that knows is below him that loves, and he that loves below him that delights therein.

Философ сказал: Тот, кто знает учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие.

19. The Master said, To men above the common we can talk of higher things; to men below the common we must not talk of higher things.

Философ сказал: С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя.

20. Fan Ch'ih asked, What is wisdom?

The Master said, To foster right among the people; to honour ghosts and spirits, and yet keep aloof from them, may be called wisdom.

He asked, What is love?

The Master said, To rank the effort above the prize may be called love.

Фань-чи спросил: Кого можно назвать умным? Философ ответил: умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них. А человеколюбивым? А человеколюбивым, сказал Философ, можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного (т.е. победу над собой), а выгоды — на втором.

21. The Master said, Wisdom delights in water; love delights in hills. Wisdom is stirring; love is quiet. Wisdom is merry; love grows old.

Философ сказал: Умный находит удовольствие в воде; гуманный любит горы; умный подвижен, а гуманный спокоен; умный весел, а гуманный долговечен.

22. The Master said, By one revolution Ch'i might grow to be Lu; by one revolution Lu might reach the Way.

Философ сказал: Одна эволюция в Ци и оно сравнивается (в нравственном отношении) с царством Лу, одна эволюция в этом последнем, и оно достигнет истинного пути.

23. The Master said, A drinking horn that is no horn! What a horn! What a drinking horn!

Философ сказал: Кубок без грани, разве это кубок! (bis)

24. Tsai Wo said, If a man of love were told that a man is in a well, would he go in after him?

The Master said, Why should he? A gentleman might be got to the well, but not trapped into it. He may be cheated, but not fooled.

Цзай-во спросил: Гуманный человек, если бы ему сказали, что в колодеце есть человек, спустился бы он за ним? Конфуций сказал: Зачем так? Благородного мужа можно заставить отправиться к колодецу, чтобы спасти упавшего в него, но его нельзя заставить спуститься в колодец (потому, что оба погибли бы); его можно обмануть, но не одурачить.

25. The Master said, By breadth of reading and the ties of courtesy, a gentleman is kept, too, from false paths.

Философ сказал: Благородный муж, обладающий обширными познаниями в литературе, может также не уклониться от истины, если будет сдерживать себя церемониями.

26. The Master saw Nan-tzu. {The dissolute wife of Duke Ling of Wei } Tzu-lu was displeased.

The Master took an oath, saying, If I have done wrong, may Heaven forsake me, may Heaven forsake me!

Философ увиделся с Нань-цзы. Цзы-лу был недоволен этим. Тогда философ с клятвой сказал: Пусть небо отринет меня (bis), если я сделал что-нибудь худое.

27. The Master said, The highest minds cleave to the Centre, the Common. They have long been rare among the people.

Философ сказал: Достоинства прямого пути и неизменных правил – как они совершенны! Но они давно уже редки среди людей.

28. Tzu-kung said, To treat the people with bounty and help the many, how were that? Could it be called love?

The Master said, What has this to do with love? Must it not be holiness? Yao and Shun {Two emperors of the golden age } still yearned for this. Seeking a foothold for self, love finds a foothold for others; seeking light for itself, it enlightens others too. To learn from the near at hand may be called the clue to love.

Цзы-гун сказал: Если бы нашелся человек, который, щедро раздавая народу, мог бы помочь всем; что Вы скажете о нем? Можно ли назвать его гуманным? Не гуманным только, сказал Философ, но непременно мудрым. Ведь об этом скорбели даже Яо и Шунь. Гуманист сам, желая иметь устои, создает их и для других, сам, желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, — вот что можно назвать искусством гуманизма.

BOOK VII

1. The Master said, A teller and not a maker, one that trusts and loves the past; I might liken myself to our old P'eng. {We should be glad to know more of old P'eng, but nothing is known of him }

Философ сказал: Я передаю старину, а не сочиняю; верю в старину и люблю ее, и позволяю себе сравнивать себя с моим старым Лао-пыном.

2. The Master said, To think things over in silence, to learn and be always hungry, to teach and never weary; is any of these mine ?

Философ сказал: В молчании обогащать себя познаниями, учиться с ненасытной жаждою и просвещать людей, не зная усталости, — какое из этих 3-х качеств есть во мне?

3. The Master said, Not making the most of my mind, want of thoroughness in learning, failure to do the right when told it, lack of strength to over-come faults; these are my sorrows.

Философ сказал: То, что мы не преуспеваем в добродетели, не уясняем себе изучаемого, не можем устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои недостатки — вот о чем я скорблю.

4. In his free moments the Master was easy and cheerful.

В свободное время Философ имел спокойный и довольный вид.

5. The Master said, How deep is my decay! It is long since I saw the Duke of Chou { *Died 1105 b.c. He was the younger brother of King Wu, the founder of the Chou dynasty, as great in peace as the King in war. He was so bent on carrying out the old principles of government that «if anything did not tally with them, he looked up and thought, till day passed into night, and if by luck he found the answer he sat and waited for the dawn» (Mencius, VIII, 20).* } in a dream.

Философ сказал: Ужасно я опустился и давно уже не вижу во сне Чжоу-гуна.

6. The Master said, Keep thy will on the Way, lean on mind, rest in love, move in art.

Философ сказал: Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами.

7. The Master said, From the man that paid in dried meat upwards, I have withheld teaching from no one.

Философ сказал: Я никому не отказывал в наставлениях, начиная с тех, которые приносили гонорар из связки сушеного мяса.

8. The Master said, Only to those fumbling do I open, only for those stammering do I find the word. If I lift one corner and the other three are left unturned, I say no more.

Философ сказал: Неретивых я не просвещаю, не сгорающим нетерпением получить разъяснения не объясняю и своих уроков не повторяю тем, которые (по одному приподнятому углу не отгадывают 3-х остальных – не выведут соответствующего заключения) на основании одной, сообщенной им о предмете, идеи, не в состоянии обнять остальных его сторон.

9. When eating beside a mourner the Master never ate his fill. On days when he had been wailing, he did not sing.

Философ сказал: Когда Философу приходилось кушать подле лиц, одетых в траур, он никогда не наедался досыта. Он не ел в тот день, когда плакал.

10. The Master said to Yen Yuan, To go forward when in office and lie quiet when not; only I and thou can do that.

Tzu-lu said, If ye had to lead three armies, Sir, whom would ye have with you? No man, said the Master, that would face a tiger bare-fisted, or plunge into a river and die without a qualm; but one, indeed, who, fearing what may come, lays his plans well and carries them through.

Философ, обратясь к Янь-юаню, сказал: Употребляют нас в дело, мы действуем, устраняют нас от него, мы скрываемся. На это способны только мы с тобой. Цзы-лу сказал: Если бы Вы предводительствовали армией (3-мя дивизиями), то кого бы Вы взяли с собой? Философ сказал: Я не взял бы с собой того, кто бросается на тигра с голыми руками, или пускается (без лодки) по реке и умирает без сожаления. Я взял бы непременно того, кто в момент действия чрезвычайно осторожен и, любя действовать обдуманно, достигает успеха.

11. The Master said, If shouldering a whip were a sure road to riches I should turn carter; but since there is no sure road, I tread the path I love.

Философ сказал: Если бы богатства можно было домогаться, то, хотя бы для этого пришлось быть кучером (или погонщиком), я сделался бы им, а как его нельзя домогаться, то я займусь тем, что мне нравится.

12. The Master gave heed to abstinence, war and sickness.

Философ со вниманием относился к приведению в порядок своих помышлений пред жертвоприношением, к войне и к болезни.

13. When he was in Ch'i, for three months after hearing the Shao played, the Master knew not the taste of flesh.

I did not suppose, he said, that music could reach such heights.

Философ, во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао (Шуня), в течение 3-х месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна.

14. Jan Yu said, Is the Master for the lord of Wei? { *The grandson of Duke Ling, the Husband of Nan-tzu. His father had been driven from the country for plotting to kill Nan-tzu. When Duke Ling died, he was succeeded by his grandson, who opposed by force his father's attempts to seize the throne.* }

I shall ask him, said Tzu-kung.

He went in, and said, What kind of men were Po-yi and Shu-ch'i?

Worthy men of yore, said the Master.

Did they rue the past?

They sought love and found it; what had they to rue?

Tzu-kung went out, and said, The Master is not for him.

Жань-ю сказал: (спросил Цзы-гуна): Учитель за Вэйского государя, а? Хорошо, сказал последний, я спрошу его и, войдя к Конфуцию, он сказал: Что за люди были Бо-и и Шу-ци? Древние добродетельные люди, отвечал философ. Роптали ли они? Конфуций отвечал: они стремились к гуманности и обрели ее. Чего же им было роптать?

Цзы-гун вышел и сказал Жань-ю: Учитель не за Вэйского государя.

15. The Master said, Eating coarse rice and drinking water, with bent arm for pillow, we may be marry; but ill-gotten wealth and honours are to me a wandering cloud.

Философ сказал: Есть грубую пищу, пить воду и спать на согнутом локте – в этом тоже заключается удовольствие. Неправое богатство, и притом соединенное со знатностью, для меня подобно мимолетному облаку.

16. The Master said, Given a few more years, making fifty for learning the Yi {An abstruse, ancient classic, usually called the Book of Changes}, I might be freed from gross faults.

Философ сказал: Если бы мне прибавили несколько лет жизни для окончания изучения И-цзина, тогда у меня не было бы больших погрешностей.

17. The Master liked to talk of poetry, history, and the upkeep of courtesy. Of all these he liked to talk.

Философ сказал: Предметом постоянного разговора Философа служили Ши-цзинь, Шу-цзин и соблюдение церемоний; обо всем этом он постоянно говорил.

18. The Duke of She asked Tzu-lu about Confucius.

Tzu-lu did not answer.

The Master said, Why didst thou not say, He is a man that forgets to eat in his eagerness, whose sorrows are forgotten in gladness, who knows not that age draws near?

Философ сказал: Шэ-гун спрашивал у Цзы-лу о Конфуции. Тот не дал ему ответа. Тогда Философ сказал Цзы-лу: почему ты не сказал ему, что этот человек в своем энтузиазме забывает о пище, весел до забвения печали и не замечает приближения старости? Вот как следовало бы отвечать ему.

19. The Master said, I was not born to wisdom: I love the past, and sought it earnestly there.

Философ сказал: Я не тот, который обладает знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее.

20. The Master never talked of goblins, strength, disorder, or spirits.

Философ не говорил о чудесном, о физической силе, о смутах и о духах.

21. The Master said, Walking three together I am sure of teachers. I pick out the good and follow it; I see bad and shun it.

Философ сказал: Если идут вместе 3 человека, то между ними есть непременно мой учитель; я избираю из них хорошего и следую за ним, а дурной побуждает меня к исправлению.

22. The Master said, Heaven begat the mind in me; what can Huan T'ui {
*In 495 b.c., during Confucius wanderings, Huan T'ui sent a band of men to kill
him; but why he did so is not known.*} do to me?

Философ сказал: Коль скоро небо одарило меня (высокими) качествами, то что может сделать со мною Хуань-туй!

23. The Master said, My two-three boys, do ye think I hide things? I hide nothing from you. I am a man that keeps none of his doings from his two-three boys.

Философ сказал: Думаете ли вы, детки, что я скрываю от вас что-нибудь? Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я.

24. The Master taught four things: art, conduct, faithfulness and truth.

Философ учил четырьмя предметам: письменам, нравственности, преданности и искренности.

25. The Master said, A holy man I shall not live to see; enough could I find a gentleman! A good man I shall not live to see; enough could I find a steadfast one! But when nothing poses as something, cloud as substance and want as riches, it is hard indeed to be steadfast!

Философ сказал: Мудреца мне не удалось видеть; но если бы мне удалось видеть одаренных выдающимися талантами и нравственными достоинствами, и то ладно. Кто не имеет чего-либо и делает вид, что имеет, пусть и делает вид, что полон; беден и делает вид, что он богат, тому трудно быть постоянным.

26. The Master angled, but he did not wish with a net; he shot, but not at birds sitting.

Философ удил рыбу, но не ловил ее сетью, не метал стрел в сидячую птицу.

27. The Master said, There may be men that do things without knowing why. I do not. To hear much, pick up the good and follow it; to see much and think it over; this comes next to wisdom.

Философ сказал: Вероятно есть люди, которые делают что-либо, не зная почему. Я не таков. Я преуспеваю в достижении знаний, потому что знаю, как приобретать их. (Японск. толк.). Много слушать, избирать из этого хорошее и следовать ему; много наблюдать и запоминать — это второстепенное знание.

28. To talk to the Hu village was hard. When a lad was seen by the Master, the disciples doubted.

The Master said, I allow his coming, not what he does later. Why be so harsh? If a man cleans himself to come in, I admit his cleanness, but do not warrant his past.

С Ху-сянцами трудно было говорить (о добре), и потому, когда пришел представиться Ху-сянский мальчик, то ученики отнеслись к нему подозрительно. Тогда Конфуций сказал: человек пришел ко мне, очистив себя, и я допускаю, что он мог очиститься; но, конечно, не могу ручаться за его прошлое; я только допускаю его к себе, но не ручаюсь, что он не сделает чего-нибудь нехорошего по выходе от меня. Это уж было бы чересчур!

29. The Master said, Is love so far a thing? I long for love, and lo! love is come.

Философ сказал: Далеко ли от нас гуманность. (Нет). Когда мы хотим ее, то она у нас под руками.

30. A judge of Ch'en asked whether Duke Chao { *Duke Chao of Lu (+ 510 b.c.) was the duke that first employed Confucius. It is against Chinese custom for a man to marry a girl whose surname is the same as his.* } knew good form.

Confucius answered, He knew good form.

After Confucius had left, the judge beckoned Wu-ma Ch'i to him, and said, I had heard that gentlemen are of no party, but do they, too, take sides? This lord married a Wu, whose name was the same as his, and called her Miss Tzu of Wu: if he knew good form, who does not know good form?

When Wu-ma Ch'i told the Master this he said, How lucky I am! If I go wrong, men are sure to know it!

Философ сказал: Чэньский министр спросил Конфуция: Знает ли князь Чжао церемонии? Тот отвечал: он знает их. Когда Конфуций удалился, он, приветствуя, ввел У-ма-ци и сказал ему: я слышал, что благородный муж не партиожен. А ведь случается, что и он бывает партиожен? Государь взял жену в однофамильном с ним уделе У, и назвал ее У Мэн-цзы (первая госпожа из У). Если он знает церемонии, то кто же не знает их. У-ма Ци сообщил об этом Конфуцию, который сказал: как я счастлив! Если мне придется сделать ошибку, то люди непременно узнают об этом.

31. When anyone sang to the Master, and sang well, he made him sing it again and joined in.

Когда Конфуций бывал в компании с человеком, который пел, то, если пел хорошо, он заставлял его повторить, а потом уже сам аккомпанировал ему.

32. The Master said. I have no more reading than others; to live as a gentleman is not yet mine.

Философ сказал: В письменности я, может быть, и подобен другим. Что же касается личного исполнения мною того, что требуется от благородного мужа, то в этом я совершенно не успел.

33. The Master said, How dare I lay claim to holiness or love? A man of endless craving, who never tires of teaching, I might be called, but that is all.

That is just what we disciples cannot learn, said Kung-hsi Hua.

Философ сказал: На святость и гуманность я не смею претендовать; но что я ненасытно стремлюсь к этому и просвещаю людей, не зная усталости, то это можно сказать обо мне, но только это (*rien de plus*). Верно, сказал Гун-си-хуа, только мы не в состоянии подражать тебе в этом.

34. When the Master was very ill, Tzu-lu asked leave to pray.

Is it done? said the Master.

It is, answered Tzu-lu. The Memorials say, Pray to the spirits above and to the Earth below.

The Master said, Long-lasting has my prayer been.

Когда Философ заболел, то Цзы-лу просил у него дозволения помолиться духам (о его выздоровлении). Философ сказал: А существует ли это? Существует, отвечал Цзы-лу, — в одной эпитафии сказано: «молимся за тебя духам неба и земли. Тогда Философ сказал: Я давно уже молюсь».

35. The Master said, Waste makes men unruly, thrift makes them mean; but they are better mean than unruly.

Философ сказал: Расточительность ведет к непослушанию, а бережливость к скаредности; но лучше быть скаредным, чем непочтительным.

36. The Master said, A gentleman is calm and spacious; the small man is always fretting.

Философ сказал: Благородный муж безмятежен и свободен, а низкий человек разочарован и скорбен.

37. The Master's manner was warm yet dignified. He was stern, but not fierce; humble, yet easy.

Философ был ласков, но строг, внушителен, но не свиреп, почтителен, но спокоен.

BOOK VIII

1. The Master said, T'ai-po { *T'ai-po was the eldest son of the King of Chou. The father wished his third son to succeed him, so that the throne might pass later to his grandson, afterwards known as King Wen. To enable this plan to be carried out T'ai-po and his second brother went into exile.* } may be said to have carried nobility furthest. Thrice he refused all below heaven. Men were at loss how to praise him.

Философ сказал: О Тай-бо можно сказать, что он был в высшей степени добродетелен; он трижды (т.е. упорно) отказывался от императорского трона; но так как народу было это неизвестно, то он не мог прославлять его.

2. The Master said, Without good form attentions grow into fussiness, heed becomes fearfulness, daring becomes unruliness, frankness becomes rudeness. When gentlemen are true to kinsfolk, love will thrive among the people; if they do not forsake old friends, the people will not steal.

Философ сказал: Почтительность, не сдерживаемая церемониями (правилами), ведет к трусости; храбрость – к смутам, прямота – к запальчивости. Когда человек, занимающий высокое положение, крепко привязан к родным, то народ проникается чувствами гуманности; когда он не оставляет старых друзей, то народ не бывает скаредным.

3. When Tseng-tzu lay sick he called his disciples and said, Uncover my feet, uncover my arms. The poem says,

As if a deep gulf
Were yawning below,
As crossing thin ice,
Take heed how ye go.

My little children, I have known how to keep myself unhurt until now and hereafter. { The Chinese say: «The body is born whole by the mother; it should be returned whole by the son». }

Цзэн-цзы, заболевши, призвав своих учеников, сказал им: откройте мои ноги, откройте мои руки. В Ши-цзине сказано: (блуди себя) со страхом и трепетом, как будто бы ты стоял на краю бездны или ступал по тонкому льду. Теперь я знаю, что я сохранил мое тело (т.е. полученное от родителей) в целости. Да, мои детки!

4. When Tseng-tzu was sick Meng Ching { Chief of the Meng clan, minister of Lu. } came to ask after him.

Tseng-tzu said, When a bird is dying his notes are sad; when man is dying his words are good. Three branches of the Way are dear to a gentleman: To banish from his bearing violence and disdain; to sort his face to the truth, and to banish from his speech what is low or unseemly. The ritual of chalice and platter { For sacrifice } has servitors to see to it.

Когда Цзэн-цзы заболел, его навестил Мэн-цзин-цзы и осведомился о его здоровье. Цзэн-цзы сказал: когда птица при смерти, то пение ее жалобно; когда человек при смерти, то слова его добры.

Для человека, занимающего высокое положение, в правилах поведения важны три вещи: телодвижения свободные от грубости и небрежности, выражение лица, близкое к искренности, и тон речи, свободный от вульгарности и несообразности. Что касается (расположения) жертвенных сосудов (т.е. разных мелочей), то для этого есть специальные чины.

5. Tseng-tzu said, When we can, to ask those that cannot; when we are more, to ask those that are less; having, to seem wanting; real, to seem shadow; when gainsaid, never answering back; I had a friend { Probably Yen Yuan } once that could do thus.

Цзэн-цзы сказал: Будучи способным, обращаться с вопросами к неспособным, обладая многим (большими знаниями), обращаться с вопросами к мало имущим (знающим); иметь, как бы не иметь, быть полным, как бы – пустым, и не считаться за оскорбления – так поступал один мой друг.

6. Tseng-tzu said, A man to whom an orphan, a few feet high, or the fate of an hundred towns, may be entrusted, and whom no crisis can corrupt, is he not a gentleman, a gentleman indeed ?

Цзэн-цзы сказал: Не есть ли совершенный (благородный) муж тот, кому можно поручить малолетнего (6-футового) принца, вверить управление небольшим княжеством, и кого нельзя заставить отступить перед великим долгом? (т.е. готов пожертвовать собою для исполнения долга). Да, совершенный человек.

7. Tseng-tzu said, The knight had need be strong and bold; for his burden is heavy, the way is far. His burden is love, is it not a heavy one? No halt before death, is that not far ?

Цзэн-цзы сказал: Ученый не может не быть широкою натурой, твердым и выносливым, потому что обязанность его тяжела и путь его далек (т.е. путь самоусовершенствования). Гуманизм он считает своей обязанностью. Разве это тяжелое бремя? Только со смертью оканчивается эта обязанность – разве это не далекий путь?

8. The Master said, Poetry rouses us, we stand upon courtesy, music is our crown.

Конфуций сказал: Начинай образование с поэзии, упрочивай его церемониями и завершай музыкою.

9. The Master said, The people may be made to follow, we cannot make them understand.

Конфуций сказал: Народ можно заставить следовать должным путем, но нельзя объяснить ему почему.

10. The Master said, Love of daring and hatred of poverty lead to crime; a man without love, if he is sorely harassed, turns to crime.

Конфуций сказал: Отважный человек, тяготящийся бедностью, произведет смуту, точно также, как и человек, лишенный гуманности, если его чрез меру ненавидят, (под влиянием сильного к нему отвращения).

11. The Master said, All the comely gifts of the Duke of Chou, coupled with pride and meanness, would not be worth a glance.

Конфуций сказал: Пусть человек обладает превосходными талантами Чжоу-гуна, но если он тщеславен и скареден, то остальные качества его не заслуживают внимания.

12. The Master said, A man to whom three years of learning have borne no fruit would be hard to find.

Нелегко отыскать человека, который бы, проучившись 3 года, не стремился к жалованью.

13. The Master said, A man if simple faith. who loves learning, who guards and betters his way unto death, will not enter a tottering kingdom, nor stay in a lawless land. When all below heaven follows the Way, he is seen; when it loses the Way, he is unseen. While the land keeps the Way, he is ashamed to be poor and lowly; but when his land has lost the Way, wealth and honours shame him.

Конфуций сказал: Искренно веруй и люби учиться, храни до смерти (твои убеждения) и усовершенствуй свой путь.

В государство, находящееся в опасности, не входи; в государстве, обхвачтом мятежом, не живи; появляйся, когда во вселенной царит закон и скрывайся в эпоху беззакония. Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие.

14. The Master said, When out of place, discuss not policy.

Конфуций сказал: Не в свое дело не мешайся (букв.: не занимая известного поста, не рассуждай и о делах, относящихся к нему).

15. The Master said, In the first days of the music-master Chih how the hubbub { The last part of the music, when all the instruments were played together } of the Kuan-chü rose sea beyond sea! How it filled the ear!

Когда Конфуций, возвратившись из княжества Вэй на родину, приступил к упорядочению музыки, то капельмейстер Чжи только что вступил в отправление своих обязанностей.

16. The Master said, Of men that are zealous, but not straight; dull but not simple; helpless, but not truthfil, I will know nothing.

Конфуций сказал: Заносчив и непряма, невежествен и некроток, неспособен и неискренен – таких я не признаю.

17. The Master said, Learn as though the time were short, like one that fears to lose.

Конфуций сказал: Учись так, как будто боишься не достигнуть предмета, да еще опасешься потерять его.

18. The Master said, How wonderful were Shun and Yü! To have all below heaven was nothing to them!

Конфуций сказал: Возвышенны Яо и Шунь, которые, обладая вселенной, относились к этому безучастно.

19. The Master said, How great a lord was Yao! boundless! Men's words failed them. The wonder or the work done by him! The flame of his art and precepts!

Конфуций сказал: Как велик был Яо как государь! Как возвышен он! Только одно небо велико, и только один Яо соответствовал ему. Необъятен он (по своим доблестям) так, что народ не может изъяснить его. Высок он по своим наружным совершенствам.

20. Shun had five ministers, and there was order below heaven.

King Wu said, I have ten uncommon ministers.

Confucius said, «The dearth of talent,» is not that the truth? When Yü followed T'ang the times were rich in talent; yet there were but nine men in all, and one woman. In greatness of soul we may say that Chou was the highest: he had two thirds of all below heaven and bent it to the service of Yin.

Конфуций сказал: У Шуня было 5 министров, и вселенная наслаждалась порядком.

У-ван сказал: у меня 10 сановников, устрояющих порядок.

Конфуций сказал: Не правда ли, что трудно отыскать даровитых людей. Но в эпоху Тан и Юй (Яо и Шуня) их было больше (чем при Чжоу), когда была одна женщина и 9 министров (мужей). Вэнь-ван, несмотря на то, что обладал 2/3 вселенной (Китая), служил (подчинялся) династии Ин. Можно только сказать, что добродетели Чжоу были наивысшими добродетелями.

21. The Master said, I see no flaw in Yü. He ate and drink little, yet he was lavish in piety to the ghosts and spirits. His clothes were bad, but in his cap and gown he was fair indeed. His palace buildings were poor, yet he gave his whole strength to dykes and ditches. No kind of flaw can I see in Yü.

Конфуций сказал: В Юй'е я не нахожу никакого недостатка. Он употреблял скудную пищу, но в высшей степени был почтителен к духам; обыкновенное платье было у него плохое, но зато наколенники и корона отличались необыкновенной красотой; дворцовые комнаты были низкие, но зато он прилагал все старание к проведению каналов и арыков. Да, в Юй'е нет порока.

О графе Егоре Францевиче Канкрине и немного о возрождении

*Душа моя Павел,
Держись моих правил,
Люби то-то, то-то,
Не делай того-то.
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасный.*

А.С. Пушкин

Деньги – большое зло. И поэтому может показаться странным, что я хочу начать разговор о возрождении с рассказа об одном из министров финансов России.

Ну, а торговля нынче стала просто олицетворением греха. И поэтому читателю предоставляется право рассматривать цитату, с которой я хочу начать, не более как сентиментальную картинку из далекого прошлого.

Кто застал в Санкт-Петербурге прежний дом Таможни и все, окружавшее ее со стороны Биржи, тот помнит, какой жалкий вид представляли места и предметы, теперь поражающие нас красотой, роскошью, всеми признаками порядка, изобилия и удивительной деятельности. Это преобразование начато и совершено графом Е.Ф.Канкриным. С первых дней весны до глубокой осени теперь там непрерывное движение, говор, работа. Сюда всех приморских держав, произведения природы и фабрик всех стран, люди разных наций, хозяева и работники, прогуливающиеся и досмотрщики – все вместе перед вами мелькает, рябит в глазах и в то же время изумляет правильностью и прелестью живой картины. Чего нет на этом мысу Васильевского острова, обведенного здесь блестящею каймой порфирного гранита? Полукружием, одно за другим, по берегу двух рукавов Невы тянутся здания для складки разных товаров, для присутствия таможенных чиновников, для собраний биржевого купечества, для выставки изделий отечественных мануфактур и фабрик, для рисовальной школы – и в центре всего чугунною решеткой обнесенный сквер, в котором ясень, липа, каштановое дерево и итальянский тополь изумляют вас своей свежей, темной зеленью, своей стройностью и какой-то грацией ветвей своих. В первое время, когда открывается навигация, здесь сборное место высшего и среднего петербургского общества до переезда его на дачи. По аллеям сквера идут ряды привозных растений, клеток с птицами и других редкостей.

Оживленная, распространенная, возвышенная и, так сказать, облагороженная в своем положении и в отношениях своих, русская торговля сообщила благоприятный свет и тому сословию, которое до этих пор не вполне выставлено было на общее внимание и уважение.

Особенно учреждение выставки изделий отечественной промышленности показало характер и политическую значительность купечества. Действительными капиталами, и в его кругу, уж начали быть признаваемы нравственные достоинства, как-то: наибольшая доверенность к имени, равномерное стремление к совершенствованию производимых вещей, аристократическая честь в слове и деле.

Трудно отделить внешнюю торговлю от внутренней, но еще труднее представить себе слово «открытый», в котором выражены цель и суть существования нашего города, ассоциированным со словом «зона», которому наше время придало смысл, не предусмотренный древними греками.

Общее состояние как внешней, так и внутренней торговли можно было бы охарактеризовать совсем кратко: у нас нет ни того, ни другого. Появляется ощущение, что те люди, которые получают деньги совсем за другое, ставят своей основной задачей доказательство того, что наш народ не способен производить что-либо, что может заинтересовать другие народы. Стратегической линией становится осуществление умозрений Монтескье: «Народы Польши были бы счастливее, если бы она совсем не вела внешней торговли».

Но возвратимся к описанию Петербурга конца тридцатых годов прошлого века. Оно взято из воспоминаний П.А. Плетнева о графе Егоре Францевиче Канкрине, который, по словам Н.С.Лескова, «был отличный финансист». Высочайшего мнения о Канкрине был и его современник, граф Дмитрий Николаевич Блудов:

Канкрин вывел наши финансы и государственное хозяйство из самого бедственного состояния. Он организовал и привел в нормальное состояние наш бюджет, до того времени сильно страдавший от постоянно увеличивающегося дефицита; государственный долг, тяготивший над Россией в виде огромной массы ассигнаций (не говорю о внешнем долге), потряс до основания наш кредит, уронил курс до крайней степени, остановил торговлю и убил всякое доверие общества к правительству, которое нередко принуждено было, под разными предложениями, отклонять свои платежи: Канкрин рядом распоряжений, согласных с духом времени и обстоятельствами, вывел правительство из этого затруднительного положения.

Образованнейший человек, получивший степень доктора права, немец, не очень складно писавший по-русски, Егор Францевич Канкрин установил своеобразный рекорд, выдержав «на огненном стуле» русского министра финансов 21 год: с 1823 года, когда он сменил графа Гурьева, до 1844 года, когда тяжелая болезнь заставила его уйти в отставку. В рекламной статье невозможно дать обзор и, тем более, анализ его деятельности. Не стоит, наверное, увлекаться и перечислением его замечательных принципов, типа: «государственные долги не увеличивают народного благосостояния», ибо управление финансами относится

к тем сферам, где искусство реализации выходит на первый план.

Искусство Канкринина проявилось наиболее эффектно, как представляется, при реализации двух принципов, тесно связанных между собой: принципа единства государственного хозяйства в его многообразии, рассмотрения государства как единого организма, и английского принципа стрижки газонов, который формулировался им так: «Не ломать, а постепенно улучшать».

Производят впечатление именно мелочи. Какая-нибудь «ерунда», вроде выделки кож. Нынешнее состояние дел в этом вопросе таково, что страна превратилась в чистого импортера, в то время как во времена Канкринина по всей России было около 2 тысяч кожевенных фабрик — в Казани, в селе Катунки Костромской губернии, в Калуге, Владимире, Арзамасе, Болхове, Осташкове, Касимове, Муроме, Кузнецке, Тубайке и т.д.

Выпуск невыделанных кож возрос за период с 1823 года по 1844 год с 27 миллионов пудов до 48. В стране по самым грубым оценкам снизу ежегодно выделялось более 3 миллионов тулупов. И для этого не нужны были иностранные инвестиции. Наоборот, в эти годы возрос экспорт выделанных кож и стал составлять хоть и не главную, но значительную и стабильную статью доходов казны.

Впрочем, это лишь небольшой эпизод в реализации одного из принципов Канкринина: «Поднятие отечественной промышленности», без которого невозможно было бы осуществление другого — «Упрочение денежной системы».

Картина развития хозяйственной жизни России в послевоенные десятилетия первой половины прошлого века нуждается в тщательном воссоздании. И трудно сказать, какие детали в этой картине должны быть выделены. Быть может, это организация Нижегородской ярмарки, дававшей ежегодно до полумиллиона казенного дохода с оборота. Или введение в двадцатых годах системы запасных магазинов для продовольствия в неурожайные годы, сработавшей во время засухи в 1839 — 1840 годах. Или учреждение в Москве Коммерческой Академии, Строгановской школы, Прохоровского и других училищ.

Или такие «мелочи», как предоставление льгот кушцу Титову в Муроме, положившему начало улучшениям в выделке кож, высочайшие подарки в 1000 рублей каждому голландцам Тальбо и Шликуму, внедрившим на наших салотопнях новый способ топления сала; предоставление 10-летней льготы в платеже Францу Ребенку, учредившему в Москве красильню для окраски бумаги в адрианопольский цвет.

Трудно отделить финансы от торговли или промышленности. Трудно отделить заслуги Канкринина от заслуг других людей или от того, что развивается достаточно хорошо само по себе, если получит «режим благоприятствования». Тем более, что деятельность хорошего финансиста незаметна, и чем лучше финансист, тем незаметнее она. Ибо характеризуется она не такими странными категориями, как «социальная активность», а более простыми: глазомер, интуиция, опыт, вкус.

Трудно оценивать деятельность финансиста в ее процессе. Да и как оценить осуществление Канкрининым таких его принципов, как «Осторожность в пользовании государственным кредитом» и «Крайняя осторожность в установлении

новых налогов»?

Разве что по результатам. Одним из результатов было постепенное и бережное изменение структуры и направления болезненной и милитаризованной (по вполне понятным причинам) экономики.

Напомню, что совместные расходы министерств военно-сухопутных и морских сил за период с 1806 по 1814 год выросли с 59 до 301 миллиона рублей, а бюджет Министерства народного просвещения, наоборот, снизился с 2,8 до 2,4 млн. В 1813 году на содержание всех университетов, гимназий, уездных училищ и прочих учебных заведений в России казна потратила 1,5 млн. рублей — столько же, сколько, скажем, было потрачено на покупку полушубков для действующей армии. На нужды Императорской публичной библиотеки было истрачено 46 тысяч, а годовой бюджет Академии наук составлял 120 тысяч рублей — в 35 раз меньше, чем, было, например, израсходовано за год на содержание пленных.

За время управления Канкрин бюджет Академии вырос в три раза, если не считать многочисленных разовых дотаций, главной из которых была сумма в 2,5 миллиона рублей, выделенная на строительство и оборудование Пулковской обсерватории. Что же касается университетов и народного образования вообще, то это особая тема. Изменения здесь были столь существенны, что об этом невозможно говорить вскользь.

Мы совсем мало знаем о Канкрине. По этому поводу можно было бы вспомнить высказывание Александра I: «Людская благодарность так же редко встречается, как белый ворон». Но разговор о другом.

Разговор идет о возрождении, и обычно при обсуждении столь возвышенных тем серьезный разговор о деньгах представляется неуместным, а если и ведется, то, как правило, с целью подтянуть поближе финансовое одеяло. Но финансовая система не есть одеяло. Общество — организм, и функционирование финансов — это функционирование крови в нем. Всякие нездоровые явления в этой системе функционирования могут рассматриваться как причина болезней организма или как следствие, но всегда как характеристика.

К сожалению, мы не вынесли из уроков Древнего Рима ничего, кроме анекдота о двух Веспасианах, реализованного нами в карикатурном виде. Мы не имеем, по существу, убедительного ответа на вопрос, что происходило в период между двумя русскими революциями и почему финансовая система одной из самых богатых в мире стран оказалась парализованной в самый неподходящий момент.

Кажется глупым сравнивать состояние финансовой системы во Франции двести лет назад и в Китае полвека назад, а жаль. Есть много общих закономерностей, в которых неплохо бы разобраться, и если мы хотим быть действительно цивилизованной страной, а не «самолетопоклонниками», то нам нужно не только плодить новые банки, но и научиться отвечать на самые простые и естественные вопросы.

*Как государство богатеет,
И чем живет, и почему
Не нужно золота ему,
Когда простой продукт имеет.*

Комментарий к этим строчкам дал уже после смерти Канкрин, в 1849 году, профессор нашего университета И.Горлов:

Но кто бы мог подумать, что в рудопромышленности большие ценности дает не золото и серебро, а скромное, неблестящее производство — каменный уголь в Англии? По статистике Великобритании, изданной Моро де Жоннесом, видно, что в Англии ежегодно добывается с лишком 1.830 миллионов пудов каменного угля, который для потребителей имеет ценность 270 миллионов рублей ассигнациями. Англия получает от своих копей каменного угля столько дохода, сколько все Американские и Русские владения вместе от рудников благородных металлов.

Далее Горлов указывает, что от добычи золота и серебра Россия получала ежегодный доход, в денежном выражении равный 94 млн. рублей, а Америка — 180 миллионам. Правда, это было в начале сороковых.

Интересно проследить за динамикой роста добычи драгоценных металлов за «период Канкрин». Платину в России начали добывать в 1824 году на уральских заводах Демидова. В 1825 году добыча составляла 5 пудов, а к концу «периода» — уже более трехсот.

Но основную роль среди драгоценных металлов в России играло, конечно, золото. Его начали добывать в 1819 году на Урале, причем сначала только на казенных заводах. В первые годы добыча составляла тринадцать, двадцать, сорок пудов. В 1825 году — более 238 пудов, причем две трети приходилось уже на частные заводы.

В тридцатые годы начинается разработка Алтайских россыпей, и в 1842 году общая добыча золота в России составила 905 пудов против 933 в Америке. Еще через несколько лет Россия перегнала в этом отношении Америку.

Отмечу, кстати, и то, что часть, приходящаяся на казенные заводы, упала до одной шестой в относительном смысле, но также значительно выросла в абсолютном. Государственные предприятия не только не уничтожались или «приватизировались», но и совершенствовались, выполняя, кроме всего прочего, стабилизирующую и контролирующую функции. Так было и в других «стратегических» областях. Например, четверть всего выплавляемого железа (3 из 12 млн. пудов ежегодно) приходилась на казенные заводы.

С серебром дело обстояло по-другому. Добыча серебра тоже увеличивалась, в начале сороковых она составляла около 2 тысяч пудов в год, но, как нетрудно заметить из соотношений общих доходов, Америка добывала серебра значительно больше России. И именно использование «серебряного рубля» стимулировало приток серебра из-за границы в Россию, которая лишь на десятую часть обеспечивала внутренние потребности в этом металле за счет его добычи.

Серебряный рубль не Канкриным был введен. Его функционирование являлось проявлением интереса к цене на серебро и отражало не только степень обесценивания бумаг, но и конъюнктуру на мировом и внутреннем рынке серебра.

В 1805 году серебряный рубль покупался за 1 рубль 25 копеек ассигнациями, а в 1808 году — уже за два рубля, летом 1810 года за — три, а в декабре — уже за четыре и далее курс его испытывал значительные колебания около этого значения.

Во времена Канкринна серебряные рубли шире стали входить в обращение. Ими выплачивалось жалованье, исчислялся бюджет разных ведомств и т.д. Но лишь 1 июля 1839 года вышел манифест, в котором серебряный рубль был объявлен законною монетною единицей. Это был важный результат многолетней, повседневной, кропотливой и деликатной работы. Без выполнения множества предварительных условий эффект от подобного введения параллельной денежной единицы был бы ровно противоположным (что и продемонстрировала история значительно позже). Одним из таких условий является наличие «простого продукта».

Укрепление рубля является, так сказать, безусловной заслугой Канкринна, заслугой общепризнанной. Но существуют и традиционные, «общепризнанные» упреки в его адрес, которые становятся весомее и аргументированнее только потому, что повторяются двадцать раз, кочуя из справочника в справочник, из энциклопедии в энциклопедию.

Считается, что Канкрин был противником железных дорог. Он указывал на возможные отрицательные социальные, моральные и т.п. последствия. Почему это так уж плохо? Это сейчас мы, проектируя разного рода комплексы, не думаем о том, что люди созданы не только для того, чтобы разводить свиней и покорять расстояния, но и немножко еще и для того, чтобы жить. Жить у озера или у леса, в деревне или в городе, а не в «агропромышленной», «открытой», «закрытой» или «специальной» зоне.

Любое строительство имеет социальные последствия, и о них нужно думать. Но мало ли, о чем еще мог думать министр финансов? Паровозы придется покупать в Англии. Английский уголь в Петербурге и Одессе шел по 18 копеек серебром против 25 копеек за пуд угля с Украины. Нуждалось в финансировании развитие сети обычных шоссейных дорог. И так далее и тому подобное.

Россия — страна больших расстояний. Канкрин называл это особенностью страны, Николай I — язвою. Но так или иначе, строительство железной дороги из Петербурга в Москву и проектирование главного вокзала началось в 1843 году, а несколько позже были выстроены и остальные вокзалы, счастливым обладателем коих наш город остается до сих пор, при более чем десятикратном увеличении численности населения. Еще раньше, в 1836–1837, всего за два года, было осуществлено строительство железной дороги Петербург — Павловск вместе со всеми ее атрибутами.

В исторических обзорах деятельность финансиста обычно остается «за кадром». Мы не признаем в ней элементов искусства. И зря. Хороший глазомер,

умение предвидеть изменение обстоятельств и быстро реагировать на них, значит больше, чем нудно, годами составляемая смета, которая все равно никогда не выполняется и приводит либо к замораживанию строительства, либо к тому, что люди маются, не зная куда вложить деньги (только об этом реже сообщают).

Удачное финансирование значит очень много. Это и время реализации. Даже для такого очень нетривиального объекта, каким была Пулковская обсерватория, разница между временем создания комитета для разработки проекта и началом полноценного функционирования ее составила всего шесть лет.

Удачное финансирование — это и уровень реализации. Ни об одном объекте, к которому имел отношение Канкрин, нельзя сказать, что получилось нечто убогое. И это при том, что главным своим девизом он считал бережливость и экономию.

О стиле его работы немного пишет П.А.Плетнев:

Преобразовательная идея требовала и материальной помощи для прочного своего существования. Граф Е.Ф.Канкрин предупредил нужды производителей и торговли. Человек с разносторонними и основательными знаниями, он в своем министерстве не усомнился основать рассадники специальных сведений. Таким образом возникли: технологический институт, училище торгового мореплавания, высший коммерческий пансион и множество других училищ по разным предметам, которых успехам надобно было положить основание прочное и неизменное. Первое из этих заведений было любимым его детищем. Сам он, по уничтожении так называвшегося Волынского двора, выбрал там место для института, приготовил планы всех в нем строений и — почти ежедневно — приезжал свидетельствовать производившиеся работы, принужден был наконец подниматься на здания, когда их уже подводили под крыши.

Эти мелкие черты жизни, представляясь наблюдательному и опытному глазу, много зарождают в уме дум, когда предметом их министр финансов.

Например такую «думу», что и Университетская набережная многим обязана Канкрину. Вместе с А.Н. Олениным Канкрин занимался приведением в порядок здания Академии Художеств и вместе с С.С. Уваровым — здания Академии наук. Да и сама набережная не без его участия приобрела привычный нам вид.

Но есть и другая «думка», мысль, тема или линия, которая обычно не обсуждается при упоминании имени Канкрин, да и вообще не избалована взглядами с разных точек зрения. Она важна, и чтобы попытаться поточнее выразить мысль и ее отношение к «опыту быстротекущей жизни», начну издалека.

Во времена Канкрин, в 1842 году, была произведена перепись населения. Ее результаты любопытны сами по себе:

Санкт-Петербург — 476 383 жителя, Москва — 348 562 жителя.

Далее идут (по численности жителей в тысячах):

Рига — 71, Одесса — 55, Вильно и Кронштадт — по 53, Астрахань, Казань и Киев — около 45, Воронеж — чуть меньше, Кишинев и Саратов — чуть более

чем по 42 тысячи жителей.

Почти в сотне городов России насчитывалось от 10 до 40 тысяч душ, причем явно наблюдается некое устойчивое состояние, вокруг которого концентрируются численности городов, — 20 тысяч.

Социальная структура в те времена была такова, что Россия «жила в России», или, грубо говоря, население было «размазано» по стране. Неоднородно, конечно, но все-таки. Естественно, что Петербург выделялся. За следующие шестьдесят лет его население почти удвоилось и затем еще раз удвоилось за такой же срок. В 1960 году Ленинград насчитывал уже около 2 млн. жителей.

Это уже очень большой город. Такая численность населения у культурного центра, желающего сохранить свои традиции и свое лицо, уже чрезмерна и требует хорошо отлаженной работы всех городских структур. Но такова участь многих городов мира. Например, аналогичные проблемы и ту же численность имел Рим в шестидесятом. Но в Риме число душ осталось примерно на том же уровне, а вот в Ленинграде за очень короткий срок население выросло более чем на три миллиона и сейчас превышает 5 миллионов жителей.

Однако, чтобы проанализировать ситуацию, нужно вспомнить, что то же самое произошло и с другими городами, прежде всего с Москвой. Что же случилось в стране в то время, когда полетел в космос Гагарин, когда возрос авторитет советской науки и ряд ученых после длительного перерыва (и перед длительным перерывом) получили Нобелевскую премию, когда советские часы и фотоаппараты еще высоко котировались на мировом рынке, а советские люди еще знали, что такое мускат и бекон, вобла и сервелат.

Происходило в это время разное, были явления внушительные и совсем малозаметные, но с достаточно серьезным эффектом последствия. Но сейчас мы говорим о финансах и поэтому остановимся только на тех событиях, которые произошли в 1961 году в финансовой жизни страны.

Во-первых, это обмен денег. Само по себе изменение масштаба — операция нейтральная. Мы решили убрать лишний ноль, итальянцы, уважая традиции, решили сохранить три лишних ноля — дело вкуса. Но при этом была осуществлена еще и другая операция, заслуживающая внимания, — «срезка» «нечестным путем заработанных» денег.

Деньги — большое зло. Зло, если они управляют нами, а не наоборот. Плохо, когда они управляют нашими эмоциями, когда мы их ненавидим или обожаем.

С другой стороны, деньги это вещь простая, нужная и естественная. Как, например, вода. Как и многие вещи в природе, они обладают присущими им определенными свойствами. Деньги, скажем, как и драгоценности обладают свойством взаимного притяжения.

Свойства не бывают хорошими или плохими. Они бывают вредными или полезными, если мы сумеем их сделать такими. Процесс концентрации в соответствии с законом «Деньги к деньгам» должен иметь положительный КПД. То есть деньги, концентрируясь, должны совершать работу. Но так же, как течение воды в реке не строит на ней мельницу, так и движение денег само по себе не создает артели, кустарные промыслы, мануфактуры и нефтяные скважины.

Грустно, когда собранный по рублю капитал «бухают в дурацкое дело». Еще грустнее, когда «миллион меняют по рублю». Если государство хочет быть солидным, оно должно иметь дело с очень крупными суммами. И при этом быть осторожным.

Нет сомнения, что капиталы должны быть постепенно уничтожаемы, для положения преграды слишком великому и неравномерному их накоплению... чтобы восстановить нравственность от чрезмерных богатств и дурных от этого последствий, чего ужасающий пример представляют нам римляне в последние времена своего существования... Чрезмерность накопления капиталов сопровождается вредом для общества.

Это написал Е.Ф. Канкрин в своей статье «Экономия человеческих обществ», опубликованной вскоре после его смерти.

Контроль и учет не прерогативы социализма, а необходимое условие нормального функционирования всякого общества, будь то семья, союз архитекторов или государство. Чрезмерная концентрация «не находящихся в деле» денег в богатом государстве приводит к усилению социальной напряженности, в бедном – к стремлению богатств за границу, а в обычном — и к тому и к другому.

Есть различие между свойствами денег и свойствами носителей этих денег. О последних писалось очень много со времен Конфуция, Сына Сирахова и Соломона, и вроде бы следует порадоваться, что нашлись люди, сумевшие отличить «богатство, в котором нет греха», от «неправедного». Что вроде бы мои несколько сот рублей, накопленных за двадцать лет службы, становятся весомее.

Но это не так. После такого «обрезания» происходит «ажитажный» рост цен на золото, которого нельзя добиться даже многолетним выпуском «пустых» банкнот. И свое выражение это находит не только в чрезмерном увлечении «золотыми» и «бриллиантовыми» играми детей высокопоставленных особ, но и в проявлении неуважения к рублю. Интуитивная, и без того достаточно расплывчатая, оценка меры труда, вложенного в рубль, начинает меняться и, что хуже, меняться резко. И, что самое плохое, меняться неравномерно социально и территориально.

Во-вторых, в 1961 году произошло изменение цен. Само по себе увеличение цен на мясо и, немного, на молоко не сыграло значительной роли и, быть может, было бы даже полезно, если бы не дальнейшие действия правительства, основанные на теории «фиксированных цен», и проявляющиеся прежде всего в действиях Комитета по ценам, который должен был меня защищать. Защищать от кого? От внешнего врага, от своего же крестьянина или от собственной глупости?

Килограмм вырезки стал стоить столько же, сколько килограмм костей, пакетик индийского чая — столько же, сколько пакетик мусора, а книга серьезного ученого, в которую вложен труд его жизни и труд жизни его учителей, продается за ту же цену, что и право дважды справить малую нужду на вокзале.

Все это делается во имя моей защиты. Но я не вчера появился в этой стране и прекрасно понимаю, что если сегодня появляется статья о том, что нельзя повышать цены на то-то и то-то в два раза, то либо через пару дней они будут повышены в пять раз, либо я вообще не увижу это то-то и то-то, в соответствии с правилом: «Господа в благородстве соревнуются, а я без жениха останусь».

Наконец, речь вообще перестала идти о элементарном праве человека про-давать продукт своего труда по той цене, по которой он хочет и может продать. Оно не принадлежит к разряду «безусловных», но нельзя нарушать его в такой степени!

Во времена Канкрина цена на хлеб менялась в зависимости от места и времени. В 1843 году цена на куль ржи составляла рубль-два в Орловской и Курской губерниях, пять — семь рублей в С.Петербургской. Снизить колебания цен, особенно в зависимости от года, помогла система запасных магазинов. Ее нельзя понимать как некий набор складов, это, скорее, система госзаказов, цель которых чрезвычайно проста и понятна — покупать зерно в урожайные годы, когда цена на него падает, чтобы приостановить это падение и не дать разориться крестьянину, и продавать в годы неурожайные, чтобы сбить спекулятивный рост цен.

Аналогию этому можно найти и в ветхозаветной истории и в современном мире, но аналогию тому жесткому демпингу, который обращен внутрь страны, против своего же крестьянина, найти трудно. Лучше всякого бульдозера демпинговые цены на молоко и мясо срезают всякую возможность и всякую надежду на появление нормального и человеческого мелкотоварного сельскохозяйственного рынка.

В-третьих, в 1961 году был введен налог на содержание крупного рогатого скота в единоличном хозяйстве, который был эквивалентен запрету. Что побудило правительство к его принятию, я не знаю, но знаю мнение Д.Н. Блудова, высказанное им по аналогичному поводу:

Правительства, также как и частные лица, делают ошибки, упущения или, выражаясь настоящим словом — глупости, которые можно сравнить с ядрами и пулями на войне: многие из них пропадают безвредно, но иные ранят, а есть такие, которые убивают.

Высказывая свое отношение к проблеме, Канкрин усиливает предостережение своим первым словом:

Крайняя осторожность в установлении новых налогов.

Главное даже не в том, что общее поголовье крупного рогатого скота за один год в стране существенно снизилось, хотя этот факт сам по себе достоин возвышенных эмоций. А в том, что корова — точка опоры крестьянского двора, то без чего не живет семья в деревне и сама деревня.

Потеряна точка опоры, и дальше уже можно добывать — соблазнами городской жизни и северных денег, нищетой или окладами «за службу», попрошайничеством и экономическими теориями. В 1961 году начался очередной из решительных боев с крестьянским сословием, в котором мы победили, то есть оказались в дураках. И сейчас заравниваем поля сражений бульдозером

демпинговых цен.

Начиная с 1961 года люди стали уезжать. Из деревень в города из городов в столицы, из столиц за границу. Мы сами создали в России ненормальную жизнь и теперь отгораживаемся от нее прописками, талонами, заставами на дорогах.

Считается, что Канкрин был одним из авторов реализованного проекта освобождения крестьян. Это так и не совсем так. Не Канкрин принимал политические решения. Но он предпринял все возможное, чтобы обстоятельства позволили сделать это наиболее естественным и безболезненным образом.

Мы же сейчас толкаем обстоятельства ровно в противоположную сторону. Все это имеет прямое и печальное отношение к судьбе нашего города, который постепенно превращается в зону, как болезненная опухоль поглощающая живые ткани, когда-то окружавшие и питавшие его.

Таблицы и цитаты, приводимые ниже в приложении, а также множество других интересных вещей можно найти в следующих изданиях:

Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. т. II, СПб, 1865 г. Ученые записки Казанского университета, Казань, 1840. (О Тагильских заводах Демидова). Материалы для статистики. СПб, 1841 г. (Об Оренбургских заводах). Журнал Мин. Внутр. Дел., 1844, Янв-Март. Записки С.Петербургской АН. 1822, VIII. Обзорение экономической статистики России, сост. проф. СПб. Университета И. Горловым. СПб, 1848. Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России. тт. I-II, СПб, 1862. Вл. Бурнашев. Очерк истории мануфактур в России. СПб, 1833.

. . . Кто откроет новую отрасль торговли и промыслов, изобретет новую полезную машину, заведет фабрику в новом роде или в лучшем устройстве с большим действием или меньшим расходом и, наконец, всяк, кто представит по этим предметам сочинение, на твердом умозрении и опыте основанное, да будет удостоверен в достойном возмездии и награде, пользам изобретений его соразмерной.

Александр

С.Петербург, 7 Августа 1801 г.

Господину Тайному Советнику Уварову

Приемля во уважение причины, побудившие Вас просить увольнения от должности Директора Департамента Мануфактур и Внутренней Торговли и удовлетворяя сему прошению для облегчения Вашего при других возложенных на Вас должностях, Я почитаю справедливым изъять Вам Мое особенное благоволение за труды и усердие, оказанные Вами в прохождении звания Директора помянутого Департамента.

Пребываю впрочем Вам благосклонный

Александр

С.Петербург, 21 Ноября 1824 г.

**Развитие фабричной промышленности в России
с 1820 по 1825 год**

	1820		1825		% про-ва
	фабрик	рабочих	фабрик	рабочих	
Суконных	304	52703	324	63603	778 / 531
Шелковых	159	9304	184	10204	227 / 177
Шляпных	77	1249	69	954	255 / 174
Кожевенных	1726	8591	1784	8001	252 / 297
Мыловаренных	185	952	226	680	274 / 239
Свечных	211	734	295	835	303 / 302
Салотопных	318	2098	469	3481	1553 / 833
Воскобойных	41	133	33	109	109 / 35
Бумаготкацких	440	36071	484	47021	422 / 347
Полотняных	214	22653	196	26832	157 / 146
Писчебумажных	87	8096	87	8272	945 / 283
Красильных	52	305	66	506	286 / 221
Канатных	95	2620	98	2503	640 / 447
Поташных	122	1404	218	2215	336 / 162
Сахарных	38	1117	47	1374	1090 / 612
Селитряных	18	336	40	854	260 / 128
Сталь, жел. и чугу.	88	12917	170	17000	332 / 110
Хруст. и стеклянных	152	14416	160	10765	197 / 206
Фарфоровых и фаянсовых	28	1516	45	1645	265 / 144
Медных	79	1138	104	1713	46 / 74

Химические заводы в России с 1820 по 1825 год:

В 1820 году на 18 химических заводах выработано продуктов 33 512 пудов, рабочих – 114 человек.

В 1825 — 31 завод, 80 141 пуд, рабочих – 220 человек.

В 1830 — 55 заводов, 139 951 пуд, рабочих – 790.

В 1835 — 100 заводов.

Начали производить:

Уксусно-кислая известь, хлоровая известь	1820 год
Селитроокислый свинец и калий	1820 год
Очищенная уксусная кислота	1821 год
Ярь медянка	1822 год
Хромоокислый поташ	1827 год
Содовое мыло	1828 год
Белый купорос	1829 год

Были еще клееночные, табачные, табакерочные, лаковые, косметические, уксусные, позументные, красочные фабрики.

Всего:	1820 год	—	4567 фабрик	179 696 рабочих
	1825		5257	210 128

Заведения частных бумагопрядилен начались не ранее 1823 года, и первый показал тому пример тайный советник Рахманов, устроивший подобное заведение и лично наблюдавший за ходом его; он довел дело до того, что в 1830 году производил до 4 000 пудов бумажной пряжи низких и средних номеров. Равно и прядильни гг. Ренненкампа, Горяновых, Пушкина, Курманалеева, Огаревой, Претра и Вандергюста прилагали свое старание к водворению в России бумагопрядения. В 1828 году устроена г. Похвистневым довольно значительная бумагопрядильня.

Для более успешного развития промышленности правительство постоянно принимало различные меры; между прочим, учреждена Коммерческая академия в Москве; в 1825 году устроена школа для рисования графом Строгановым, — учреждение, давшее весьма благодетельные результаты для промышленности. Также г. Прохоровым, фабрикантом набивных изделий, было заведено при своей фабрике училище на 40 воспитанников, в коем обучались

механике, рисованию, началам химии, немецкому и русскому языкам и Закону Божию; оно стоило г.Прохорову ежегодно до 2 000 рублей. Еще школа для рисования князя Львова, находившаяся в Кремлевском арсенале, имела до 80 учеников.

До 1830 года выписывалось из-за границы до 27 000 пудов красной пряде-ной бумаги; с развитием химических заводов в 1835 году в окрестностях Моск-вы уже красилось бумаги в адрианопольский цвет до 18 000 пудов. Франс Рабе-нек, содержатель обширной красильни в Эльберфельде, снабжавший Россию своею пряжей, окрашенной в адрианопольский цвет, в количестве ежегодно до 3 000 пудов, в 1828 году учредил в Москве красильню для окраски бумаги в этот цвет; правительство предоставило ему по этому случаю 10-летнюю льготу в платеже по 2-й гильдии повинностей.

В 1830 году прибыли в Россию иностранцы Тальбо и Шликум с целью введения нового способа топления сала, на который получили 10-летнюю при-вилегию. По испытании сего способа найдено было в нем много преимуществ против существовавшего на наших салотопнях. Тальбо и Шликуму за откры-тие сего способа даны были Высочайшие подарки в 1000 рублей каждому.

Вообще промышленность в России в период 1829 — 35 гг. показала значи-тельные успехи, усилившись в развитии почти на 1/3 противу прежнего, чрез что и цены на все предметы уменьшились почти на 30%. Тот сорт сукна, за который в 1829 году платилось по 20 рублей асс. за аршин, в 1835 году сто-ил уже 16 рублей. В 1830 г. в России выпрядалось в год 50 000 пудов пряжи из хлопка, в 1835 г. количество это возросло до 113 000. Г. Волков продавал отличную свою пряжу только 2% ниже английской. В выделке химических продуктов с замечательным успехом занимался г.Бесс.

.....

Фабрикация сукон также делала замечательные успехи: в Китай было про-дано до 24 000 кусков. Из них только 4 000 принадлежали польским фабрикам. В фабрикации шелковых тканей равным образом заметны были успехи и осо-бенно в смешанных материях шелка с шерстью и в изделиях шалей, совершен-ство выработки коих не уступало парижским. Вообще в Москве на изделия употреблялось до 30 000 пудов шелка, в том числе русского 20 000 пудов.

Фабрики в Москве, появившиеся в это время:

	рабочих	тыс. год. пр-ва	год
Рогожинно-шелковая	1 500	1 200	1822
Щеглова	150	130	1825
Доброхотова — Майкова	200	200	1827

Суконных изделий:

Кн. Трубецкого и купца Дафрена	500	400	1825
Алексеевых	1 000	500	1826
Александрова	400	400	1828

Владимирский фабрикант полотен (в г. Вязьме) Ефим Елизаров первый выписал через посредство Департамента мануфактур из Англии льнопрядильную машину. Машина была введена на фабрике г. Елизарова в употребление, и результаты были весьма благоприятны, и г. Елизаров, по совершении опытов в 1834 году, писал в Департамент мануфактур, что ткачество тонких полотен по неnavыку еще затруднительно и ценность заработной платы ткания равняется ценности материала, но, отдавая должную справедливость невероятной предприимчивости русских мастеров, он убеждается, что русские полотна не замедлят стать наравне с иностранными в ткачестве и ашретуре.

Выделка кожи

Выпуск невыделанных кож в России составлял:

1824 год	—	28 млн. пудов;
1829	—	33;
1834	—	38;
1839	—	43.

По собранным в 1835 году сведениям, в России выдывалось:

в Казани до 500 000 кож, большей частью козловых, в селе Катунки Костромской губ. — до 500 000, в Калуге, Владимире, Арзамасе, Болхове, Остапкове — по 200 000. В Касимове, Муроме, Кузнецке, селе Тубайке — по 100 000.

Купец Титов в Муроме первый положил начало улучшениям в выделке кож...

Вывозилось за границу приблизительно 200 тыс. пудов ежегодно.

Ежегодно выдывалось около 3 млн. тулупов (оценка снизу). Каждый тулуп в среднем стоил 4 руб. серебром.

Добыча драгоценных металлов

Добыча **платины** (добывалась на уральских заводах Демидова с 1824 года) в России составляла:

1825 год	5 пудов
1827	23
1828	90

Золото промышленным образом Россия начала добывать с 1819 года на Урале и с 1829 года в Сибири (Алтай). Данные в таблице указаны в пудах.

	Уральские заводы		Сибирские заводы	
	Казенные	Частные	Казенные	Частные
1819	13	—	—	—
1822	25	28	—	—
1825	65	171	—	—
1827	89	192	—	—
1831	156	200	5	5
1837	131	178	26	95
1841	134	168	37	318

Общая добыча золота из Уральских и Алтайских россыпей в 1842 году составила 905 пудов или в денежном выражении (полагая 50 000 руб. ассигнациями за пуд) – 86 100 000 рублей. В том же году в Америке – 933 пуда.

Через несколько лет добыча золота в России резко возросла и в денежном выражении (из соотношения 50 000 руб. асс. за пуд) составляла 86 млн. руб. асс. против 47 млн. руб. асс. в Америке.

Серебро добывалось в значительно меньшем количестве, чем в Америке, около 2 000 пудов в год.

	Россия	Америка
Золото + Серебро	94 100 000	180 510 000

Но кто бы мог подумать, что в рудокопстве большие ценности дает не золото и серебро, а скромное, неблестящее произведение – каменный уголь в Англии? По статистике Великобритании, изданной Моро де Жоннесом, видно, что в Англии ежегодно добывается с лишком 1 830 миллионов пудов каменного угля, который для потребителей имеет ценность 270 000 000 рублей ассигнациями. Англия получает от своих копей каменного угля столько дохода, сколько все Американские и Русские владения вместе от рудников благородных металлов.

Добыча каменного угля

Тем не менее, в 1845 году в России добывалось лишь немногим менее, – 1,5 млн. пудов угля.

В Одессе, например, продавался и тот, и другой. В 1842 году английский шел по 18 коп. серебром, а новороссийский — по 25.

«Недостача» объясняется еще и тем, что на многих сталеплавильных заводах использовался древесный уголь, который (при тогдашней технологии) зачастую предпочитался каменному.

Железо

Казенные заводы давали до 3 млн. пудов ежегодно, частные – до 9 млн. пудов.

С конца 30-х годов Демидовы начинают производить сталь и используют различные способы литья.

Хлеб

Цена на хлеб менялась в зависимости от зоны (губернии) и от года. Так, например, в 1843 году цены на куль ржи (низшая и высшая) составляли:

С.Петербургская губерния	5,50 – 6,92 руб.
Московская	2,42 – 4,13
Ярославская	3,33 – 3,93
Орловская	1,30 – 2,15
Курская	0,90 – 1,70

В 1822 году была введена система запасных магазинов для продовольствия в неурожайные годы. Вначале в 41 губернии, а с 1834 года повсеместно. В 1839 – 40 годах эта система сработала, но тем не менее решено было ее усилить во избежание последствий более продолжительного неурожая.

Нижегородская ярмарка

(данные приведены в тысячах рублей ассигнациями)

	Привезено товара	Продано	Казенный доход
1824	83 186	40 514	378
1827	91 296	52 411	408
1832	138 208	116 159	409

У В А Р О В

и другие

Кроме того, — пусть правда, что человеку нужен барин, понимая это слово в самом широком смысле — будь то власть, умственный авторитет, идея... но ведь правда и то, что человеческая душа не может забыть своей крылатой природы и не легко мирится, когда этот барин — деньги.

*В. Лапчинская. Из жизни американского рабочего.
1905 г.*

Разговор о Канкрине и печатании денег

Редактор: Не совсем понятно, Александр Васильевич, зачем Вам понадобилось перепечатывать старую статью. Хороший человек был Канкрин, кто бы спорил... И маленькие города мы все любим. Моей душе понятна и близка Ваша забота о маленьких городах, очень приятно это читать. Кто только о них в России не заботился!

А.В.: Я говорю только лишь о том, что во времена Канкрина маленькие города развивались. И правительство делало нужные шаги в этом направлении.

Редактор: Ну, если, например, ссылка в маленький город является нужным шагом для его развития, то да... Впрочем, ведь сохранились описания жизни в Ваших любимых маленьких городах в России времен Канкрин — Уварова. Не нравится Салтыков-Щедрин — возьмем Гоголя. Будем цитировать?

А.В.: Неужели мы, как школьники должны фарс принимать за описание жизни?

Редактор: Не только школьники грешили этим.

Во Франции, где автору, без сомнения, было бы невозможно найти прототипы для своих действующих лиц, цензура, конечно, запретила бы представление подобной пьесы. В России же, быть может, из-за правдивости выведенных типов автор не испытал никаких препятствий, и его пьеса была сыграна на сцене. В самом деле, правительство, бессильное уничтожить злоупотребления, страдая от общего разложения, должно было согласиться на содействие такого полезного помощника, как г. Гоголь. У нас, где правительственные чиновники окружены живым и деятельным наблюдением, да к тому же имеют такого строгого судью, как пресса, эта комедия явилась бы пасквилем без реального основания. В России ее приветствовали аплодисментами; из этого следует заключить, что картина, ею являемая, представляет собой верное изображение печальной действительности.

Проспер Мериме. Николай Гоголь

А.В.: Ну, не знаю... Такой плоский текст. Добро бы критик записной, а то Мериме!.. Умом не понять ни Россию, ни Францию.

Почувствовать и угадать дух славянский — это уже слишком много и почти невозможно для француза: по природе своей эти две нации не сходятся между собою в характерах; к тому же французу трудно забыть на минуту, что он француз. С этой-то стороны Мериме является в своих созданиях далеко выше своих писателей-соотечественников.

Николай Гоголь. Проспер Мериме

Редактор: Виноват, что затронул Ваши чувства патриотического патриота. Не узнаете ли Вы себя в портрете Кифы Мокиевича?

А.В.: Неясно еще, кто из нас больше патриот.

Редактор: Вот Вас бы в правительство... Сколько нужных шагов в нужном направлении Вы смогли бы сделать!

А.В.: С чего это Вам пришло в голову?

Редактор: А и действительно, с чего? К тому же и олигархам Вы совсем не понравились бы, Вы их усыпите.

*Там не тебе, друг, чета им рабы подчиненные служат;
Нет! Но проворные, в платьях богатых, в красивых хитонах,
Юноши, светлокудрявые, каждый красавец — такие
Служат рабы им.*

Гомер. Одиссея

Нет, Вы больше подходите на роль Манилова. Вам бы небольшое именье, душ в триста, постройте там храм уединенного размышления, где будете думать о том, как бы Петербург засадить каштанами да липами. А по вечерам будете с Виктором Петровичем пить чай на открытом воздухе и рассуждать о каких-нибудь приятных предметах — об Уварове там или о приращениях насчет сумм нежно любимого отечества. А когда скучновато станет, будете ездить к соседу Ноздреву, поговорить о щенках.

А.В.: Лучше уж слушать про щенков, чем про прокладки.

Редактор: Вот-вот. И в шашки поиграете.

А.В.: Не понимаю. А чем еще Ноздрев должен был развлекать гостя? Разговорами про стеклопакеты? Или стенаниями про «Нарру land?»

Редактор: Какая славная у вас гармония получится! Под бургоньон с шампуньоном. Только смотрите не спейтесь. Вы ведь не такой увертливый, как Павел Иванович.

А.В.: Странная какая-то увертливость. Или тарелка странная, в которую Чичиков стакан за стаканом опрокидывал. Большая, должно быть, тарелка была.

Придурочная провинция, придурочные мужики, придурочное светское общество, не говоря уже о губернаторах. Что за люди! Нашли в какой-то деревне доживающую свой век старуху и давай хихикать. Назвали это зеркалом. Самито отражаются в зеркале? Превратились в толпу теней, которая просачивается молча через турникеты мимо бессмысленных ларьков и игральных автоматов. Племя, которому вымирать не больно.

Но тусоваться все почему-то едут в ту часть города, которая построена была Маниловыми да Фамусовыми.

Редактор: Да чего ж Вы рассердились так горячо? Знай я прежде, что Вы такой сердитый, да я бы совсем Вам не прекословил.

А.В.: Есть из-за чего сердиться! Вздор этот яйца выеденного не стоит, а я стану из-за него сердиться!

Редактор: Ладно, уговорили. И Ноздрев — герой двенадцатого года. Что же Уваров? Сподвижник Кифы Мокиевича по «приращениям насчет казенных дров»?

А.В.: Зачем повторять чужие оскорбления? Какие причины были у Пушкина писать чепуху про казенные дрова — это другой вопрос. Но у Вас-то какие основания так говорить?

Уварова я вспомнил, поскольку он несколько лет был директором департамента мануфактур и внутренней торговли и исполнял свои обязанности не так уж и плохо, что я и пытался показать, приводя в приложении соответствующие таблицы. При этом я беру промежуток времени «с запасом», ибо мне кажется, что тот факт, что и после его отставки дела шли нормально, должен свидетельствовать также в его пользу.

Можно сколько угодно иронизировать по поводу того, что «не в свои сани...» и т.д. — и это, по-видимому, действительно было в каком-то смысле «не его амплуа», — но я не могу согласиться с иронией, если человек оставил после себя дела в более приличном состоянии, чем они были, когда он дела принял.

Редактор: Положим... Однако зачем Вам понадобилось вновь публиковать статью? Кто Вам будет возражать? Канкрин сейчас упоминается в исторических заметках как уважаемый государственный деятель вместе с такими фигурами как Сперанский. И политики ссылаются на него. Я, например, прочел в эпитафии одной из политических газет, что дефицита бюджета при Канкрине не было. Даже требовавшему денег царю министр умел сказать: «Нельзя, Ваше Величество, никак нельзя».

А.В.: Не могу понять. Это какой-то апокриф. Такой разговор я не могу себе представить. Мало того, что это против всяких правил, но просто и не в стиле ни Канкрин, ни Николая I.

Редактор: Вы считаете, что в России такой разговор был невозможен?

А.В.: Нет, почему же? Например, хоть и не в такой вульгарной форме, но можно представить себе такую сцену с Витте в роли министра финансов. Что и привело к тому, что император богатейшей страны просит в долг через секретаря канцелярии Ренненкампа у банкира Полякова денег на содержание двора.

Одного английского банкира — звали его не то Сер, не то Сейр — обвинили в заговоре, цель которого похитить и увезти в Филадельфию короля (Георга III). Представ перед судом, он заявил: «Я отлично знаю, зачем королю нужен банкир, но не понимаю, зачем банкиру может понадобиться король».

Шамфор

Редактор: То есть Вы утверждаете, что Канкрин мог разрешить императору печатать столько бумажных денег, сколько ему нужно, не беспокоясь об их обеспечении.

А.В.: Это странный подход. Разрешает не министр финансов, а царь. И бумажные деньги обеспечиваются, кроме всего прочего, его авторитетом и верой в устойчивость движения хозяйственного механизма. И не так важно, сколько печатается бумажных денег, важнее, что с ними потом происходит. Если они

стремятся собраться в кучу, если сильны центростремительные силы, существует «всасывающий эффект», то, конечно, вы получите инфляционную воронку. Можно, конечно, создать иллюзию, что вы боретесь со смерчем, уменьшая количество предметов, которые в него попадают, но, боюсь, это останется иллюзией. Если общество вместе с правительством довольны тем, что врачи и научные сотрудники получают столько, сколько они сейчас получают, то все в порядке.

Редактор: Не очень я понял про царское обеспечение бумажных денег. Как же все-таки с инфляцией? Сейчас, как было объявлено, она составляет около 0,6% в месяц. Занимая такую «либеральную позицию» в отношении возможности печатать денег столько, сколько нужно центральной власти, Вы не боитесь повторения тех кошмаров, которые мы все переживали недавно?

А.В.: Я боюсь не обесценивания денег, а обесценивания жизни. Делать «пугалки» из иностранных слов — это плохой метод. Я уж не говорю про то, что существует и в экономике «принцип неопределенности» и оценивать инфляцию в десятых долях процента нельзя. Я подозреваю, что оценивается таким образом не инфляция, а просто цена доллара. Чтобы понять, в чем разница, возьмите двух «одинаковых» по статусу и уровню в разных странах рабочих, врачей или научных сотрудников — кого хотите. Пусть, например, им по 30 лет. После того как проходит лет 20, в одной из стран статус, положение, доходы рассматриваемой персоны существенно изменились. В другой они остались на прежнем уровне, хотя взаимная стоимость валют может оставаться той же.

Другая сторона медали — проблема сбережений. К сожалению, и это характерно для нынешней экономики, перевод сбережений в доллары и далее в чулок — преимущественный способ их хранения сейчас. А ведь это плохо.

Редактор: Ужасно. И Вы свои сбережения вкладываете в банки, а не храните в долларах под матрасом?

А.В.: У меня такой проблемы нет. Но вот то, что банк в лучшем случае превращается в хранилище, причем с нас берут постоянно большие проценты за это хранение — это-то и есть плохо. Деньги должны вкладываться в производство и давать прибыль. То есть, нельзя закапывать серебро в землю в соответствии с евангельской притчей.

Редактор: Не уверен, что эта притча про деньги. Вряд ли Господина, о котором идет речь, интересуют те ценности, вокруг которых мы пляшем.

А.В.: Тем не менее, и здесь прослеживается некоторая аналогия. Невозможно сохранить сбережения, не пуская их в производство. Попросту говоря, если фабрики не работают, то всякое отсутствие инфляции — лишь видимость. Конечно, нарушая первый принцип Конфуция, мы можем продержаться какое-то время, однако недолго.

Редактор: Вы или не понимаете вопрос, или делаете вид, что не понимаете? Я ведь спрашиваю о печатании денег. Канкрин давал свое согласие на излишнее печатание денег? Вы ведь сами цитировали графа Блудова на этот счет.

А я процитирую другой фрагмент. Из журнала «Дело» за 1876 год. Из статьи «Что спасает Турцию?»

Если министр финансов отказывал султану в деньгах — он слетал с места. Вследствие этого приходилось так или иначе изворачиваться и делать внешние займы... Ограничить требования султана, отказать ему в выдаче денег — никто не имел права. Султан стоял выше всяких ограничений, выше всяких государственных нужд и целей.

Так что делать? Печатать деньги, чтобы угодить тем, кто требует повышения зарплаты научным сотрудникам?

А.В.: Упрощенно говоря, существует два подхода к экономике. У вас есть пять рублей. Вы можете купить килограмм картофеля, посадить, а осенью собрать три. Никому от этого вы хуже не делаете. А можно пойти и сыграть на бирже. Или в карты. А вдруг выиграете. Но при этом кто-то проиграет. Вы стали богаче за счет того, что кто-то стал беднее. В первом случае говорят, что богатство от Бога, а во втором — от черта. Государству вроде бы второй вариант даже выгодней, если все происходит в официальном игорном доме и платятся налоги.

Кстати говоря, одним из первых указов Александра I был указ о запрещении азартных игр. И не только Александра I, насколько я знаю.

Редактор: А Германн — бред пустой, бессмысленной молвы? Интересно проследить, каков был эффект от действия этого указа.

А.В.: Ну разумеется, государство не может запретить частным лицам в частном порядке проигрывать свои сбережения и свое личное имущество. Однако это было «объявление о намерениях». Государство объявляло, что не на этом оно собирается строить свое благосостояние.

Редактор: И государству было лучше оттого, что Достоевский проигрывал деньги жены в Висбадене, а не в Тамбове? С паршивой овцы хоть шерсти клок.

А.В.: И много вы набрали шерсти с этих овец за последнее время? Или, быть может, Тамбов расцвел, как Монте-Карло.

Редактор: Вы считаете, что игорный бизнес не приносит казне ощутимого дохода?

А.В.: Ну и какой доход получает казна от игорного бизнеса в процентах от доходов самих организаторов? Каков этот процент в других странах? Например, в Финляндии. Куда и как распределяются там средства от игорных автоматов и лотерей?

Впрочем, проблема в том, что вся экономика стала игровой. Играем в покер, только вместо шестерок и девяток акции и облигации.

Редактор: В известном смысле вся современная мировая экономика — это игра в деньги.

А.В.: До некоторой степени. И нас интересует лишь эта ее часть. Вписаться в мировую экономику в качестве производителей товаров и услуг не то что не удается — нет даже и такой проблемы. Обидятся даже люди, если им скажешь об этом.

Редактор: Американцы всегда хорошо вписывались в мировую экономику в указанном качестве, но это не избавило Соединенные Штаты от великой депрессии. Кстати говоря, в те времена, которые Вы считаете благословенными, Россия вписывалась в мировую экономику и, тем не менее, вот один из кризисов России, описанный Некрасовым:

*Сокрушаются Николс и Плинке,
Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь — откройте кредит!).
Не развезят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра,
И звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.

Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!
Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.

Кто, бывало, дурия с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей

И уходит походкой печальной
В Думу, в земство и даже в семью
Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.*

Н. Некрасов. 1866 г.

Как видите, это один из тех кризисов, который был связан с элементарной «нехваткой денег в обращении». И Вы считаете, что, «подпечатав» некоторую сумму, правительство могло вывести страну из кризиса?

А.В.: Кризисы бывают разные, как и болезни людей. Есть неприятные, но простые, как простуда, а есть очень сложные, но такие, что жить с ними можно. В данном случае речь идет больше об эффекте, а не причине. Причины надо искать все-таки в чрезмерном укрупнении капитала, образовании финансовых структур, видимых и невидимых, в чем-то еще. Наверное, еще и в том, что ряд банков устроил денежные игры. Вроде тех же пирамид, что повлекло негативную реакцию «общественности». Это те эффекты, о которых предупреждал Канкрин и которые усилились после крымской войны. Они могут иметь и глобальные проявления – в виде великой депрессии, и локальные, которые мы и наблюдаем постоянно.

Характерный пример: вы выходите с железнодорожного вокзала и попадаете на площадку, где стоят сутками легковушки в ожидании пассажиров. Толпа с тюками и чемоданами проходит мимо мужиков, играющих ключами.

Ситуация патовая – одни не могут, другие не хотят. И тем и другим она не выгодна, но выйти из нее невозможно.

Так и со специалистами. Они вроде бы и нужны стране, а с другой стороны использовать их не получается. И это продолжается не год и не два. Власть должна отчетливо объявить людям: «Все! это то, что общество (или власть) может и хочет вам пожаловать. Такова сравнительная оценка вашего труда и его значимости для общества». Если таковое объявление состоится, — а это де-факто и происходит, поскольку не объявляется противоположное, — то, стало быть, все в порядке. Если в стране отрицается или деформируется понятие «общественный договор», то и печатать ничего не надо. А если и печатать, то все уйдет в воронку.

Редактор: Опасный поворот Вашей мысли.

А.В.: Никуда моя мысль не поворачивает.

Редактор: В статье о Канкрине, Вы неявно делаете упрек в адрес тогдашнего министра финансов Валентина Павлова именно за денежные игры.

А.В.: Очень жаль, что мой текст так воспринимается. Не Павлов создал финансовые проблемы в стране, не говоря уже об остальных. Я говорил о том, что введение талонной системы в Москве и Петербурге — явление позорное и не решит социальных проблем, а следовательно, и экономических.

Сейчас же я хотел бы поговорить о принципах Канкринина, если уж мы кол-лекционируем принципы и о феномене, который достиг утрированной формы: при наличии разного рода апокрифов и внешнем уважении к имени Канкринина ни один из принципов Канкринина не то, что не выполняется, но происходит нечто обратное. Я стараюсь понять, почему.

Редактор: А я стараюсь понять, каков Ваш ответ на мой вопрос. Печатать или не печатать?

Для того чтобы дать более или менее точную картину того, что происходило с нашей финансовой системой несколько лет назад, как я это оцениваю, я привожу в приложении часть статьи из журнала «Дело». Это Вас не пугает?

А.В.: Но Россия все-таки не Турция.

Редактор: Для экономических законов нет ни эллина, ни иудея.

А.В.: С этим я почти согласен и даже был бы готов согласиться с тем, чтобы представить эту фразу в качестве одного из принципов консерватизма, если бы знал пример хотя бы одного экономического закона.

Редактор: Не воруй?

А.В.: Это заповедь, а не закон. Требование, выполнение которого зависит от воли субъекта. В отличие от, скажем, закона сохранения энергии, который выполняется всегда, даже если бы я и очень хотел его нарушить.

Редактор: А принципы Канкринина?

А.В.: Это рецепты, которые рекомендуется применять. И мера этого применения уже зависит от искусства тех, кто применяет, и от традиций страны и от ситуации. В данном случае и традиции другие, и болезнь все-таки другая.

Редактор: Есть, конечно, особенности. Например, в Турции не было той нефти, которая еще как-то удерживает Россию на плаву. Представьте себе положение России в настоящее время при отсутствии доходов от нефти и Вы получите картину, которая вряд ли сильно отличалась бы от той, что нарисована в обсуждаемой статье.

А.В.: Сильно или нет, но одна из центральных проблем России сегодня – финансовые потоки, которые направлены наружу, на высасывание. Один из таких потоков направлен в Турцию, которая снабжает Россию предметами легкой промышленности, в первую очередь кожевенной.

Не самый, быть может, крупный поток, но значительный. Вообразите себе, что у вас на границе стоит станок, который выдает каждую секунду в соседнюю страну стодолларовую банкноту. Днем, ночью, в плохую или хорошую погоду, месяц, два, год, десять лет... На границе с Турцией пять-шесть таких станков, на границе с этой страной, с другой, третьей...

Редактор: Мне нравится созданный Вами образ паразитов-станков, высасывающих финансовую кровь из нежно любимого отечества, но Вы не ответили, что делать с инфляцией.

А.В.: Смотря какую задачу вы ставите. Если задача финансовой дисциплины сама по себе, трудно что-либо советовать.

Если же общество не мирится с тем, что врач или научный сотрудник получает столько, сколько он сейчас получает, то наверное, оно найдет, что делать.

Редактор: Удивительное дело. При таком количестве ярких, блестящих, умнейших, красиво рассуждающих экономистов, которые все любят Канкрин, экономика находится в хорошо известном месте.

А.В.: Мало ли кто кого любит, но делает по-своему. Я не заметил, чтобы кто-то цитировал Канкрин. Ссылаются? — Да. Но при этом они ссылаются и на Бога и на черта и на того, кто под руку попадет.

Редактор: Не то что мы, классные парни. Брали бы с нас пример.

А.В.: Ладно, виноват. Однако в то время, о котором идет речь в моей заметке, не так уж и много было профессиональных экономистов в стране, и имена их были не столь уж известными и яркими. Результаты показаны в таблицах. Хорошо или плохо, но принцип «поднятие отечественной промышленности» осуществлялся. Другое дело, что сильная концентрация капитала уже происходила, этот капитал «отрывался» от промышленности и становился «вещью в себе». Появляется эффект конденсатора, который может привести к неприятным последствиям. Об этом и пишет Канкрин.

Редактор: И это, я чувствую, легло Вам на душу. Причем так удачно, что Вы начали повторяться, и от этого тезисы представляются Вам все более и более убедительными. Вас уже не интересуют мнения других исторических персонажей, тех, которые полагали, что нет никакого вреда, если люди богатеют. Например Сперанского, который считал, что *всякое стеснение частных польз есть подавление пользы общей*.

А.В.: Сперанский, конечно, был высококлассным специалистом по риторике. Изобретение красивых формул было его коньком. Только мне они не слишком понятны.

Редактор: Вообще-то принято считать, что М.М. Сперанский был не профессором риторики, а видной государственной фигурой первой половины XIX века. При этом имя его было и известным, и ярким.

А.В.: М.М. Сперанский — фигура действительно видная, но для меня скорее «туманная», чем яркая.

Редактор: Сходите, пожалуйста, в Питере на Исаакиевскую площадь, аккуратно перейдите на островок среди шумного движения, где стоит памятник Николаю I. На его цоколе с четырех его сторон находятся рельефы с изображением ключевых сцен времен царствования Николая. На картинке, что обращена к Мариинскому дворцу, можно увидеть нашего героя, которому монарх вручает орден Андрея Первозванного с алмазами. И Вы не знаете, за что государь столь высоко оценил деятельность Сперанского? Подскажу: за Свод законов Российской империи. Может быть, Вы не знаете также, как Александр I относился к Сперанскому?

А.В.: Знаю и прочитал не только многое из того, что написано о Сперанском, но еще и сам Свод законов. Вы-то его читали?

Редактор: Я привык считать это шагом вперед в построении того, что теперь модно называть «правовым государством».

А.В.: Не очень я понимаю, что означает «шаг вперед», «шаг назад». Если леший водит по лесу, то и придете вы на ту же полянку, с которой ушли, но с другой стороны. Все то же самое, только одежда уже изорвана да сапоги стоптаны.

И анекдот про отнятую руку Александра знаю. Этот эпизод мне напоминает сцену из фильма Бертолуччи «Последний император», в которой маленький властителя отнимают от груди кормилицы.

Или, скорее, афоризм Конфуция: *«Трудно с женщинами и сановниками. Приблизить их — возгордятся, отдалить — ропщут».*

Редактор: Чем-то Вам не нравится Сперанский. Не пойму пока чем. Грибоедов не нравится, Гоголь, Сперанский...

А.В.: С чего это Вы решили, что мне не нравится Грибоедов? И «Горе от ума» великое произведение, только вот Чацкий не Гамлет, и играть его следует иначе. И Сперанский далеко не Гамлет, и не стоит перебарщивать с его страданиями, а то история становится больше похожа на представление мольеровского «Тартюфа», в котором биографы Сперанского играют роль госпожи Пернель. Попало Армфельду, Балашову, Ростопчину, Розенкампу, Карамзину, великой княгине Екатерине Павловне и ее мужу и походя всем остальным, «жадной толпой стоящим у трона». Классическая ситуация, когда достоинства действующих в комедии лиц определяются их отношением к рассматриваемой персоне.

Про личные финансовые страдания Сперанского я не говорю — это просто песня: *Потупив кротко взгляд, Две куропатки съел и съел бараний зад. — Ах бедный!*

А как следует понимать изображение всей этой истории с судом и приговором декабристам? Напомню, что Сперанский голосовал вместе с большинством членов Верховного суда за то, чтобы четвертовать подсудимых, которые не входят в общие разряды и казнить смертью подсудимых первого разряда. И это ведь не просто абстрактные преступники, а живые люди, с которыми он общался.

Редактор: Как я понимаю, Сперанский на суде не просто от себя выступал. Он, если так можно выразиться, олицетворял собой формально юридический подход к процессу. То, что он предложил, было тогда правовой нормой во всем мире. Суд показал, что восстание не было простым выступлением людей, протестующих против нелегитимности перехода власти, то есть имела место государственная измена. Это было, повторяю, нормой и в Европе, и в Соединенных Штатах Америки, где новый кодекс, появившийся после приобретения независимости, для лиц, уличенных в государственной измене предусматривал наказание в виде смертной казни через повешение и четвертование, а также конфискацию земель и имущества. Смотри, например, книгу Томаса Джефферсона «Записки о штате Вирджиния». Я понимаю, что Вам хотелось бы гуманизма и специального отношения Сперанского к происходящему, однако здесь он был не обычным представителем «аристократии», как многие, а «законником».

А.В.: Может быть. Но ведь какой гуманист: не раз его дочь *замечала слезы на его глазах во время этой страшной работы, от которой Сперанскому все время хотелось уклониться*. И в день вынесения приговора он был такой бедный, такой грустный, и даже *как будто слеза выпала из глаз его*.

Я не про оценку поведения Сперанского, а про изображение этого поведения, окаймленное его же словесным треском про «отрение слез последнего из подданных», про «милость и мир» и т.д., описанием того, как его слезы душили и капали в тот день, когда он подписывал протокол о четвертовании. Если это не Тартюф, то кто тогда Тартюф? И венцом является изобретенная историками формула, которая не пришла бы в голову даже Мольеру: «Участие Сперанского в суде является его личной трагедией».

Редактор: Вас, видимо, когда-то разбудили декабристы, и с тех пор Вы испытываете к ним сочувствие. Раньше это сочувствие было тотальным, но с тех пор мода не может решить меняться ей или нет, а Вы решить, уместно ли это сочувствие выражать напрямую.

Однако симпатичны Вам декабристы или нет, это был заговор с целью свержения существующего строя, совершенно отчетливое преступление, а Сперанский был человеком государственным, частью государственного механизма, которая должна четко работать. Если угодно, он считал себя главным законником страны, и отказ от участия в главном политическом процессе того времени однозначно означал бы для него отказ от роли лидера, а тогда и

терялся бы всякий смысл его присутствия при центральной власти, поскольку на другие роли хватало актеров и без него. Некоторые из декабристов ему были симпатичны как люди, но отказаться он уже не мог. Ну, а если уж не отказался... *Закон не должен быть пугало из тряпицы, на коем наконец уже садятся птицы.*

А.В.: Вы очень кстати процитировали. А вот и портрет человека, который произносит эти слова:

*. . . муж опытный, не новый
В искусстве властвовать, обычаем суровый,
Блестящий в трудах, ученьи и поете,
За нравы строгие прославленный везде,
Стеснивший весь себя оградой законной,
С нахмуренным лицом и с волей непреклонной.*

А.С. Пушкин. Анджело

Редактор: ???

А.В.: Ну, а с чего бы Пушкину в 1833 году, когда призрак «правового государства» бродил по Европе, а в России воплотился в тот самый Свод законов, давать «почти перевод» не самой популярной пьесы Шекспира.

19 января 1833 г. Государственный Совет был созван в чрезвычайное собрание. На столе советской залы лежали 60 томов конченных изданий. Сам Государь открыл заседание, объяснил дело, и в заключение, обняв Сперанского, снял с себя Андреевскую звезду и надел на него. Этот момент изображен на монументе императору Николаю.

М. Погодин. «Сперанский». РА. 1871

При этом Пушкин считал ее одной из лучших своих пьес. Кстати, фраза, которую Вы привели, является буквальным переводом, а портрет несколько подкорректирован. Как будто художнику кто-то позировал. Вам это не кажется интересным?

Редактор: Почему же. Интересно. Вы говорите, говорите... Я по природе своей отношусь к типу людей, которых называют ротозеями. Люблю иногда считать ворон, удивляться, как это дети увидели в облаках верблюда, наблюдать, как на улицах критикуют слонов...

А.В.: Это Сперанский-то слон? А кого же еще Вы за слона приняли? Наполеона, что ли? Потому что он на Елисейских полях травку кушал? Впрочем, ладно. Итак, два слона встретились в сентябре 1808 года в Эрфурте, куда Александр взял с собой Сперанского. Наполеон с ним беседовал несколько раз, и оба остались в восхищении друг от друга, а я, стало быть, должен остаться в восхищении от их восхищения. У них восхищение, а у нас? Сперанский все-таки был госсекретарем России, а не Франции. Должностное лицо, обязанности которого трудно формализуемы, но отчетливы.

Редактор: Я привык думать, что отчетливость — это и есть формализуемость.

А.В.: Это как запах. Невозможно формализовать, но запах отчетлив. В одном доме пахнет духами, в другом — воровством, одним запахом нравится, другим от него дурно. Запах, который стоял в это время в Европе, каждый сможет легко сам себе представить, если вспомнит, что такое 1809 год. Наполеон делает что хочет и малейшая помеха вызывала его раздражение. А тут — полное его счастье.

Выражение восхищения далеко не всегда лестно. Восхищаются игроком, который идет на мизер с тремя дырами: «Во, мужик, давай, это по-нашему, по-русски!» Восхищается президент дружественной державы, побывавший в новом Кремле: «Ни чего себе! У них врачи и ученые сидят в одном месте, а правительство, оказывается, в другом. Вот это русские!»

Александр — тот едал кое-что и послаще этой репы, так Сперанскому неудобно было выражать свое восхищение по-детски, он и придумал на простой вопрос императора, как ему понравилось за границей, хитромудрый ответ: «У нас люди лучше, но здесь лучше установления».

Редактор: Вы так не думаете.

А.В.: Так не думал Сперанский. Все его замечания, письма, воспоминания разных лиц, впрочем, как и многочисленные подобострастные описания его жизни пронизаны томным страданием человека с «феноменальным умом», несущего свой крест, вынужденного жить среди «завистников», «в толпе подъячих», «окруженного сплетнями», «интригами», «бесхозяйственностью», «местными сатрапами», незаслуженно возвышенными «мерзавцами-придворными» и т.д. и т.п.

Возьмем «Автобиографию» Джефферсона, которого Вы упомянули. Это было для американцев тоже далеко не самое простое время. Проблемы, о которых он писал, похожи на проблемы России, и свойства людей, думаю, мало отличаются.

Например, я читаю о работе одного из комитетов Конгресса: *Вскоре члены его перессорились, разделились на две партии, покинули свои посты и до следующего заседания Конгресса оставили страну без реального руководства.*

Однако я попытался найти в тексте автобиографии какое-либо указание на то, какими именно уродами были политические противники Джефферсона. Нашел только одно место, указывающее на личные разногласия: *Я с неохотой уступил вкусу Клериссо, отдававшему предпочтение...*

Я хочу заметить, что автор «Автобиографии» и «Заметок о штате Виргиния» не нуждается ни в каких костылях поддержки типа «феноменальный ум», «колоссальная работоспособность» и т.д. И при этом у меня после чтения книг Джефферсона, в отличие от чтения биографий Сперанского, не осталось назойливого и неприятного ощущения, что все остальные политические деятели Америки, кроме автора и двух-трех его сподвижников, жили в лесу, молились колесу.

Редактор: Быть может, потому, что этого и не было? Передо мной цитата из письма уважаемого Вами С.С. Уварова.

Нет ничего неблагодарнее или, точнее, невозможнее моих здешних занятий. Я не мечтатель, как вы знаете; я люблю дела и находился при них, так сказать, с самого моего детства; Вам известны мои убеждения, мои воззрения; несмотря на все это, я доведен до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на том пути, который я себе начертал, и от коего никогда не отступлю, не жертвуя тем, что мне дороже всего на свете, честью, здоровьем, убеждениями, вещественным благосостоянием.

– Не думайте, чтобы в моих словах было хотя бы малейшее преувеличение. Я спокоен до того, что изумляю всех меня окружающих, но в душе у меня отчаяние. Состояние умов теперь таково, что путаница мыслей не имеет пределов. Одни хотят просвещения безопасного, т.е. огня, который бы не жёг; другие (а их всего больше) кидают в одну кучу Наполеона и Монтескье, Французские армии и Французские книги, Морб и Розенкамфа, бредни Ш... и открытия Лейбница; словом это такой хаос криков, страстей, партий, ожесточенных одна против другой, всяких преувеличений, что долго присутствовать при этом зрелище невыносимо. Кидают друг другу в лицо выражениями: религия в опасности, потрясение нравственности, поборник иностранных идей, иллюминат, философ, фран-масон, фанатик и т.п.

Словом, полное безумие. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сделаться исполнительным орудием самых преувеличенных страстей. Вот среди какого невежества находишься вынужденным работать над зданием, подкопанным у основания и со всех сторон близким к падению.

Письмо С.С. Уварова к барону Штейну. СПб, 1813 г.

А.В.: Конечно, живой организм...

Какая пестрая куча толков! Счастье комику, который родился среди нации, где общество еще не слилось в одну неподвижную массу, где оно не облеклось одной корой старого предрассудка, заключающего мысли всех в одну и ту же форму и мерку, где что человек, то и мнение, где всякий сам создатель своего характера. Какое разнообразье в этих мнениях и как везде блеснул этот твердый, ясный русский ум! и в сем благородном стремлении государственного мужа! и в сем высоком самоотвержении забившегося в глушь чиновника! и в нежной красоте великодушной женской души! и в эстетическом чувстве ценителей! и в простом, верном чутье народа. Как даже в сих недоброжелательных утверждениях много того, что нужно знать комику! Какой живой урок! Да, я удовлетворен. Но отчего же грустно становится моему сердцу?...

Н.В. Гоголь

Не становись политиком, если тебя постоянно выводит из себя то, что не всем нравится твоя политика, однако хочу заметить, что и уважаемый Николай Васильевич переживал страшно от того, что не всем был приятен его смех. Все сетуют, но как-то по-разному.

Впрочем, должен согласиться, Вы удачно возразили. Не знаю, быть может, я и переусердствовал несколько в критике Сперанского.

Редактор: Мягко говоря.

А.В.: А что, очень заметно?

Редактор: Куда Вас понесло? Кидаете в одну кучу генерала Моро и бредни философов, правовое государство и принципы Канкрина, Наполеона и Мольера. Чем мы вообще занимаемся? Это не я придумал обсуждать экономику. Вместо этих обсуждений Вы откровенно развлекаетесь, зная, что серьезные люди с Вами спорить не станут. И так страна полна людьми, которые на седьмой день лихорадки стали трагиками.

А.В.: Ну и ладно. Будто нельзя поразговаривать. У нас ведь не научный журнал.

Редактор: Бога ради. Впрочем, если Вы предполагаете далее сменить пластинку и начать беседу про «ясный русский ум» и «простое, верное чутье народа», то я бы предпочел, чтобы Вы и дальше консервировали Сперанского.

А.В.: Да я не про Сперанского, а про все тех же его биографов, о которых Лукиан пишет, что *«они своими преувеличениями ставят под сомнение весь труд историков... Похвала приятна только тому, кого хвалят, остальным же она надоедает, особенно если в ней есть чрезмерные преувеличения»*.

Редактор: Вот Сперанский, зная Лукиана, и не надоедал никому похвалами в адрес людей, которые его окружали. Разумеется, Вы, вооруженный пониманием того, как надо писать историю, представите нам вскоре биографию более достойную. А пока позвольте мне довольствоваться тем, что есть. Если Вы с Виктором Петровичем считаете, что экономика — это наука о том, как обустроить дом, то я говорю спасибо человеку, который взялся соорудить в этом доме печку.

А.В.: Ну, конечно. Печку, которой лучше не пользоваться. Все стараются поближе быть, пока печку не затопят. А затопят — так врассыпную. Кто не успел — угорел.

Редактор: Не понял.

А.В.: Что тут понимать? Речь идет о законах, которыми лучше не пользоваться. А если кто-то по рвению своему вдруг действительно захотел бы «привести в движение ржавые пружины?» Такой шум начинается про ужасное самодержавие!

Есть множество вещей, которые заставляют меня думать о своеобразии «феноменального ума» Сперанского, но сейчас я хотел бы обратить внимание на раздел из Свода законов, из которого я цитирую две статьи, которые в совокупности представляют собой характерное «дао».

184. Кто в публичном месте, при собрании более или менее многочисленном, дерзнет с умыслом порицать христианскую веру или православную церковь, или ругаться над священным писанием или святыми таинствами, тот подвергается:

лишению всех прав состояния и ссылке в каторжную работу на заводах на время от шести до восьми лет, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и наказанию чрез палачей в мере, определенной статьею 21 сего Уложения для шестой степени наказаний сего рода, с наложением клейм.

Когда сие преступление учинено не в публичном собрании, но однако же при свидетелях и с намерением поколебать их веру или произвести соблазн, то виновный приговаривается:

к лишению всех прав состояния и к ссылке на поселение в отдаленнейших местах Сибири, а если он по закону не изъят от наказаний телесных, и к наказанию плетью чрез палачей в мере, определенной статьею 22 сего Уложения для первой степени наказаний сего рода.

132. Виновные в недонесении о содеянном уже преступлении приговариваются, смотря по важности и обстоятельствам дела, или к заключению более или менее продолжительному в крепости, с ограничением некоторых особенных, на основании статьи 53 сего Уложения, личных прав и преимуществ, или без сего ограничения, или же к заключению в тюрьме, или к аресту также более или менее продолжительному, или наконец токмо к выговору, замечанию, внушению, или к денежному взысканию.

Слава Богу, что той самой печкой тогда практически не пользовались, не умели пользоваться, да и не очень понимали, зачем она нужна. В двадцатом веке начали кочегарить, так немало народу угорело.

Редактор: Весьма приятный и благородный прагматизм. «Таково большинство историков: они заботятся каждый о сегодняшнем дне и о пользе, которую надеются извлечь из истории. (Лукиан)».

Во-первых, мне совершенно неясно, являются ли процитированные Вами тексты статей законов изобретением Сперанского. Во-вторых, легко быть либералом сейчас, но тогда таков был порядок вещей и правовые нормы, принятые в то время многими государствами. Много, что сейчас принято считать нормой закона, через сто лет будет казаться ужасным. Однако не я, а Вы называете себя консерватором.

А.В.: «Порядок вещей» в разных странах тогда был разный. Если мы уж вспомнили Джефферсона, то хочу заметить, что его «Записки», в которых обсуждаемая тема была одной из центральных, были опубликованы лет за пятьдесят до «Свода законов» Сперанского и если последний их не читал, то

не стоило бы преувеличивать его эрудицию. Если же читал, то его биографам следовало бы прокомментировать такое несоответствие.

... наши правители могут иметь лишь ту власть над нашими естественными правами, какую только мы передали им. Прав свободы совести мы никогда им не передавали и не могли передать. За них мы отвечаем перед нашим Богом...

Лишь одно заблуждение нуждается в поддержке правительства. Истина стоит сама по себе. Подвергните мысль насилью — кого вы изберете при этом в судьи?...

К чему приводит принуждение? Одна половина человечества превращается в дураков, а другая — в лицемеров. Поощряется мошенничество и обман во всем мире...

Т. Джефферсон. «Заметки о штате Виргиния»

*Но у подножия теперь креста честнова,
Как будто у крыльца правителя градскова,
Мы зрим — поставлено на место жсен святых —
В ружье и в кивере два грозных часовых.
К чему, скажите мне, хранительная стража?
Или распятие казенная поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать царю царей?
Иль покровительством спасаете могучим
Владыку, тернием венчанного колючим,
Христа, предавшего послушно плоть свою
Бичам мучителей, гвоздям и копию?
Иль опасаетесь, чтоб чернь не оскорбила
Того, чья казнь весь род Адамов искупила?
И чтоб не потеснить гуляющих господ,
Пускать не велено сюда простой народ.*

А. С. Пушкин. 1836 г.

Редактор: Свистнуто, не спорю. Красиво свистнуто. Только в законах речь идет не о «правах свободы совести», а об оскорблении веры.

А.В.: Но ведь с разговора о наказаниях и начинается у Джефферсона тема «свободы совести».

Редактор: Не понял, правда, да ну что ж. Витийствуйте, ищите прав свободы. Только сначала позвольте заметить, что свобода — не тетенька, а состояние личности, в котором она чувствует себя естественно, то есть так, как задумано природой.

Во фразеологизме «права свободы» не больше смысла, чем в словосочетании «права природы». И уж совсем бредом является выражение «свобода совести».

А.В.: «Свобода совести» есть термин для обозначения права личности самому выбирать религию или божественный авторитет.

Редактор: Странная терминология. И тем более странное право выбирать религию. Что это, обувная лавка, что ли? Ну, был на Невском проспекте «парад конфессий». И чем это кончилось? Тем же закончилась бы и судьба городка, в котором жил Том Сойер, если бы вдруг совесть его жителей стала «свободной».

Прекрасно американцы пользуются теми же кнутом и пряником в отношении тех, кто не разделяет их чисто религиозного отношения к своей системе ценностей. Все это «слова, слова, слова». Боюсь, что мы с вами попадаем в ту область, где не поймешь, бреет себя брадобрей или нет, а все жители лжецы, но если они признаются в этом, то они совсем уже не лжецы, а кокетки.

Однако я хочу напомнить, что Ваш Канкрин заскучал. Это надо было опубликовать про него еще раз статью, чтобы потом петь песни про Джефферсона?

А.В.: На самом деле не вредно было бы поговорить о Джефферсоне. У него можно найти немало и чисто экономических принципов. Например:

Долги, сделанные в азартных играх, считаются недействительными, и деньги, фактически выплаченные в погашение таких долгов (если они превышают 40 шиллингов), могут быть получены обратно плательщиком в течение трех месяцев, или любым другим лицом позднее.

Редактор: Забавно думать, что Америка жила, используя этот принцип.

А.В.: И в Америке, как и везде, черти с ангелами сражаются. Всякое можно найти, если пожелаешь. Я думаю, что голливудские боевики — не лучшее пособие по изучению социальной атмосферы Америки в то время.

Но мы говорили не столько о Джефферсоне, сколько о понятии «правового государства». Изменение в понимании этого понятия сопровождается изменениями экономического уклада общества. Я хочу отметить, что, во-первых, наличие в стране подробного и детального перечня наказаний за совершенные преступления — сколько гривен за кражу овцы, а сколько за кражу барана — вряд ли может служить признаком здорового общества. Кажущаяся отчетливость законодательства не спасла Рим. Точно так же, тот факт, что роспись бюджета страны не уместается в две коробки из под ксерокса, не является слишком обнадеживающим.

*Гибнущее государство имеет множество законов.
Тацит. Анналы*

Во-вторых, наказания, как и награды, не выстраиваются в линейку. Для одного тюрьма — дом родной, другой предпочтет отсидеть год во французской

тюрьме, нежели месяц в российской, а вот великий Шамфор, например, предпочел смерть месячному заключению. Точно так же польза от экономической деятельности предприятия далеко не всегда измеряется прибылью, которое это предприятие получает.

В-третьих, при чрезмерном увлечении понятием «правового государства» слишком часто возникает «покерный эффект». Он заключается в том, что даже если вы играете против участника, который заведомо неправ, на каком-то круге вы прекращаете игру, поскольку не способны поддерживать банк. Субъект, не обладающий достаточно большим «задним карманом», не должен садиться играть в покер, хотя бы он и был большим мастером вычислять расклады. Точно так же тот, кто хочет организовать то или иное производство, имея обычный капитал, даже если он и может привлечь хороших мастеров, рано или поздно сойдет с дистанции.

Я нигде не видал столь скорого, столь точного и столь нелицемерного исполнения законов, как на карточных столах. — Пропусти два, три закона, подведи ложную справку и, будто ненарочно, обвини правого — сойдет с рук. Судьи, председатели и проч. и проч. скажут: «Просмотрели, ослышались, что за беда!» Но попробуй пойти не с той масти, не заплатить за полное число углов: тотчас укоряют в невежестве, уличат в обмане и тут же без проволочек суд и расправа! То и другое коротко и ясно; ибо карточные законы соблюдаются строго!.. Проиграл и не заплатил: как стыдно! Занял и не отдал: так водится!

Ф.Н. Глинка. Мысли

Редактор: Так что же, принятие Свода законов помешало Канкрину?

А.В.: Подождите, я бы хотел все-таки перечислить ряд проблем, связанных с понятием «правовое государство».

Редактор: Если Вы избавите меня и читателей от этого, я буду признателен. Желаящих и умеющих показать, что страна превратилась в большой лохотром, и без Вас более чем достаточно. Я жалею, что сбил Вас в начале разговора с темы. Вы так хорошо начали в своей статье про стрелку Васильевского острова и блестящую кайму порфириного гранита. Вот и бухтели бы дальше про итальянский тополь и каштановое дерево, которым мы засадим просторы Большого театра.

А.В.: Я перепечатал свою статью, для того, чтобы поудивляться, как это так вышло, что его принципы не то, чтобы плохо работают, а совсем не работают. Даже совсем противоположное что-то получается.

Если вернуться к Сперанскому, то можно заметить, что он и Канкрин представляли два разных подхода к проблеме экономического развития. Мне иногда кажется, что Канкрин формулировкой своих принципов хотел возразить Сперанскому и что если бы страна стала развиваться по Сперанскому, то экономические проблемы были бы много серьезнее.

Редактор: А Витте, если следовать Вашей логике, был последователем Канкрина. Канкрин ввел серебряный рубль, и страна потерпела сокрушительное поражение в крымской войне. Витте ввел золотой — поражение в японской.

А.В.: Да ну уж! Зачем же так. После смерти Канкрина прошло десять лет до начала крымской войны. Между введением золотого и серебряного рубля тоже разница большая. Золото как одна из мер стоимости сгодится, но использовать его для исполнения других функций денег следует весьма осторожно. Золото в большей степени, чем любой другой металл обладает способностью собираться в кучу. Почему, например, Канкрин рассматривал платину как один из вариантов металлических денег, но «перескочил» через золото?

Чжуан-цзы: *Мастер игры со ставкой на черепицу станет волноваться при игре на серебряную застезжку и потеряет рассудок при игре на золото. Искусство одно и то же, но стоит появиться ценному, и внимание перейдет на внешнее.*

Редактор: Трогательно! Канкрин перескочил через золото, а мы со Сперанского перескочили на Витте. Кого из американских президентов будем цитировать на сей раз? Кто тогда был президентом? Рузвельт?

А.В.: Рузвельта не будем цитировать. Рузвельт встречался с Витте и «остался в восхищении». Это и так понятно. На русского не нужен нож... Это уже стало приметой. Если президент Америки остался в восхищении, то, стало быть, жди, что что-нибудь у нас начнет сокращаться. Я цитирую одну из книг, посвященных дипломатической деятельности Витте: *27 августа Витте нанес прощальный визит Рузвельту в имени президента «Сагамор хил» и сообщил о решении царя в знак признательности за добрые услуги прекратить взимание повышенных пошлин с продукции американской машиностроительной и железодельной промышленности. Президент был доволен.*

Фактически это означало конец политики, которая и привела к знаменитой стабилизации рубля 1897 года:

Но внимательный уход за новыми промышленными ростками, насаждаемыми таможенным тарифом и умелый подбор еще долго будут неизбежно необходимы. Плоды придут только в награду за приложенные усилия...

Поэтому я и полагаю, что вызывающий, твердый протекционизм, принятый таможенным тарифом 1891 г., совершенно и прозорливо соответствует историческим задачам России и ее современным, настоящим, насущным и всенародным надобностям. В развитии уже начавшейся кое-где сложной промышленной жизни должно видеть единственный путь для завершения синтеза России, как одной из крупнейших мировых единиц.

Д.И. Менделеев. «На пороге индустриализации»

Эта политика была прекращена в знак признательности за «добрые услуги», что означает, что дали займы.

Редактор: Странные упреки. С.Ю. Витте был учеником и поклонником Д.И. Менделеева. Сам же Витте считал Д.И. Менделеева своим лучшим другом, «сподвижником». И политику, о которой Вы говорите, осуществлял именно Витте.

А.В.: И так получилось, что именно он ее и закончил. После чего получил титул графа. Так или иначе, но в последнее время в России установилась традиция любого государственного деятеля, которому удалось взять в долг, воспринимать как национального героя, спасителя отечества.

Редактор: А в девятнадцатом веке этого не было?

*Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поестъ,
Но взглядишь: при наружном различье
В нас единство глубокое есть:*

*Нас безденежье всех уравнило –
И великих и малых людей –
И на каждом челе начертало
Надпись: Где бы занять поскорей?*

Н. Некрасов 1866 г.

А.В.: В девятнадцатом веке тоже было, но этого как-то еще стеснялись. И уж во всяком случае понимали, что государственные долги не улучшают положение народа. Брать в долг, чтобы бороться с бедностью в стране — это казуистика, придуманная впервые, наверное, Витте:

– Без внешних займов наша бедность становится еще более чувствительной; внешние займы и приток иностранных капиталов — своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обойтись без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности.

В экономической истории тьма примеров того, что страны брали займы под благовидным предлогом. Брали в долг Турция, Египет, Бразилия, Боливия, Заир, множество стран. Я допускаю, что в одном случае из ста это привело к стабилизации экономики страны. Но я, к сожалению, с примерами такого рода плохо знаком. Тем более меня удивляет такое подчеркнутое противопоставление.

Канкрин говорит, что государственные долги не улучшают народное благосостояние, а Витте — что это великолепное средство против бедности. И оба притом — министры финансов. Только Витте более популярен среди специалистов по истории экономики, нежели Канкрин. Если мы имеем столь сильное

разночтение, то надо разбираться. Представим себе двух выдающихся физиков, из которых один утверждает, что энергия не возникает ниоткуда, а другой — что энергия замкнутой системы, например, увеличивается в процессе работы придуманного им агрегата. Что бы это была бы за физика? Все-таки, экономика — наука или не наука? Должны же быть хоть какие-то законы общего характера.

Редактор: Ну, конечно. Разве мы не патриоты? Да и с другой стороны: Вот, например, зверь родится нагишом. Почему не так, как птица?

Как, право, того... совсем не поймешь натуры, как побольше в нее углубишься!

А.В.: Дался Вам этот Кифа Мокиевич! Вот ведь прицепились. Сначала людей поставят в дурацкое положение, а потом еще и обзывают. Впрочем, так всегда происходит в известные времена. Сестра Есенина засела за изучение «Капитала». Очень ей это надо было!

Один офицер прислал нам из действующей армии своеобразную жалобу. Рассказывает, что приходит к нему как-то унтер-офицер, приносит с собой столичную газету и чуть не со слезами на глазах просит объяснить смысл статьи под заглавием «Поимущественный налог». «Так хотелось знать, что за налог такой, но не могу прочесть, — заявляет унтер, — слова все какие-то!».

Офицер начал читать. Старый полковник, сидевший тут же, тоже принял участие в предприятии. И оба долго бились, уясняя газетный язык и объясняя унтеру смысл статьи. Как сообщает офицер, в статье заключались следующие слова: «Фиск» (повторялось два раза). «Стимул. Концепция. Циркулирующие капиталы. Консолидированные капиталы (два раза). Спекуляция. Рантье. Гонорар. Базис. Принцип дискриминации. Фундированный капитал. Нефундированный капитал. Корректив. Структура. Минимум. Фискальный аппарат».

Как передает офицер, старый полковник не выдержал, плюнул и ушел в траншею. Унтер же долго и терпеливо слушал, но видно было, как обильный пот капал с его лба. (В. Вр. 28 июля 1917).

С.И. Поварнин. «Искусство спора» (Петроград. 1924)

Редактор: Ну, что ж. Так происходит не только в «известные времена». Это один из способов ухода от ответа или ответственности. Можно использовать поток иностранных слов, а можно и поток сознания. Я спросил, можно ли печатать деньги, а вместо ответа Вы мне предлагаете новомодный шлягер с множеством замысловатых и тонких аллегорий, которые все нужно разгадывать. Теперь та же песня про долги. Что же Канкрин? Оставалась стран в долгах или нет?

А.В.: Есть долг и долг. Канкрин не говорит, что нельзя брать в долг. Я не говорю, что противоречие в структуре утверждений. Быть может, противоречие в неопределенности терминов. Долги могут быть разными и разное

отношение к ним. От и до. В одном случае человек, дающий в долг, действительно выручает и мы ему очень признательны, в другом — мы относимся к нему с презрением. Это понятие слишком растянуто. Но, кроме всего прочего, самое интересное, что я хотел бы, чтобы у меня взяли в долг те, кто умеет использовать мои деньги для дела. Все-таки поменять бы надо понятия местами: цель экономики — не создание банков, а поднятие промышленности. А банки являются средством для этого, а не наоборот.

Редактор: Так в чем же длинной речи краткий смысл? Страна имела государственный долг или нет после ухода Канкрина?

А.В.: Долг был, поскольку были конкретные проекты, которые нуждались в финансировании. Если, например, две страны — Франция и Англия — хотят осуществить строительство тоннеля под Ла-Маншем, они организуют нечто вроде акционерного общества, которое собирает капитал. После открытия тоннеля акционеры получают дивиденды, что и есть возврат долга. Поскольку все происходит под гарантией правительства, то получается, что, вроде бы, правительство, то есть страна, берет в долг.

Это нормальная практика. Другой путь — накапливание достаточного капитала перед тем, как начинать реализацию проекта. Но поскольку в этом случае деньги некоторое время лежат без движения, накапливаясь, такой путь не всегда лучший.

Редактор: Так и не понял, то ли плохо то, что дают в долг, то ли то, что не берут в долг, но чувствую, что этим не ограничится. Сейчас заговорите про мамону. Еще никто этого не избежал.

А.В.: Будто бы мамона не имеет к этому отношения!

Евангелие Жан Жака и большинство других учений потеряли доверие людей, и что же еще оставалось им, как не вернуться к старому евангелию мамоны? Общественный договор не то правда, не то нет; «братство есть братство или смерть», а на деньги всегда можно купить стоящее денег; в хаосе человеческих сомнений одно осталось несомненным — это то, что удовольствие приятно. Аристократия феодальных грамот рухнула с треском, и теперь мы пришли к аристократии денежного мешка. Это путь, которым идут в этот час все европейские общества. Значит, это более низкий сорт аристократии? Бесконечно более низкий, самый низкий из всех известных.

... Мамона, кричит великодушное сердце во все века и во всех странах, самый презренный из всех богов и даже из известных демонов. Какое в нем достоинство, перед которым можно было бы преклоняться? Никакого. Он не внушает даже страха, а, самое большое, внушает омерзение, соединенное с презрением!

... Знай также, что из мира безрассудства ничего не может выйти, кроме безрассудства. Приведи его в порядок, построй из него конституцию, просей через баллотировочные ящики, если хочешь, — оно есть и останется безрассудством — новая добыча новых шарлатанов и нечистых рук, и конец его будет едва ли лучше начала. Кто может получить что-нибудь разумное от неразумных людей? Никто.

Томас Карлейль. Французская революция

Редактор: Я совсем растерялся.

И еще, полный недоумения, неподвижно стою я, а уже главу осенило грозное облако, тяжелое грядущими дождями...

Н.В. Гоголь. Мертвые души

А.В.: Шутите? Ну шутите, шутите. Но шутки обладают способностью возвращаться. Вы пустите шутку, и Вам пока весело. А потом когда захотите всерьез поговорить, то в ответ получите то же самое, что и милейший Николай Васильевич получил, когда ему захотелось поделиться с читателями избранными местами из переписки с избранными друзьями.

Я говорю о том, что если теория утверждает, что излишки денег провоцируют инфляцию, то стало быть все в ожидании, что вновь эти излишки денег будут изыматься.

Впрочем, снова о другом — об эффекте, который в «неестественных» науках достаточно распространен: два человека могут формулировать два совершенно противоречащих друг другу закона, и при этом у каждого из них своя «аудитория», которая их почитает.

Редактор: Если законов нет, то о чем переживания?

А.В.: Я не говорю, что законов нет. Я говорю, что я их не знаю.

Редактор: А если не знаете, так и нет. И Канкрин с Витте, выходило, формулировали то, чего нет, и министров этих на самом деле не было, и экономики нет, и все так... как будто... чтобы поразговаривать.

А.В.: Что Вы прицепились к слову? Слово «закон» многозначное и путаница со значениями часто приводит к серьезным недоразумениям. Однако, в данном случае Вы прекрасно поняли, что я имел в виду.

Редактор: Я-то понял, а Вы запутались. Видимо, расстроились, что Николай Васильевич обозвал Вас Кифой Мокиевичем. И за Ноздрева обиделись. И зеркало Вам не зеркало. Может быть, Вы и быстрой езды не любите?

А.В.: А сам-то Гоголь не расстроился, когда получил назад от Белинского своего Кифу Мокиевича?

И быстрой езды я не люблю. Меня устроило бы, если бы я мог проехаться из Петербурга в Кириши на электричке спокойно, как, например, ездят финны из Хельсинки в Турку, со скоростью 190 километров в час, попивая кофе в вагоне, или как французы из Парижа в Лион со скоростью 300 километров в час, успевая полгазеты прочитать в поезде. Да еще хорошо бы, чтоб и туалеты в вагоне были. Устроило бы, чтобы я мог летать в Алма-Ату, не чувствуя себя игроком в русскую рулетку. Устроило бы, чтобы я мог ездить на работу на обычном автобусе, какие используют во всем мире лет уж двадцать, а не в ржавой консервной банке.

А быстрая езда меня мало интересует. Да и какой русский любит быструю езду? Какой элемент русской культуры показывает, что русские обожали быстро ездить? Может фрески Дионисия наводят на эту мысль? Или песни ямщика?

С вами происходит то же самое, что с человеком, который сел на бешеного коня: конь, конечно, подхватил его и помчал, а он уже не мог слезть на скаку; и когда какой-то встречный спросил: «Куда несешься?» — то ездок отвечал: «Куда ему угодно!» — и показал на коня.

Так и вас если спросить: «Куда несетесь?» — и если вы захотите сказать правду, то вы только и скажете: «Куда страстям угодно», или, уточняя: «Куда угодно наслаждению», «куда честолюбию», «куда алчности». ..

Лукиан. Киник

Повесил хитрый цыган на коней ожерелье из волчьих зубов — вот и понесли они. И косясь постораниваются в испуге другие народы и государства и крестятся: «чур-чур меня!» Чичикову это только и нравится, улыбается он, подлетывая на своей кожаной подушке, да его кучеру, полупьяному Селифану, который помахивает сверху кнутом, да покрикивает: «Не бойсь! Реформа!»

Несут кони, пока не столкнется бричка с встречным экипажем, да затеется кутерьма между лошадьми и кучерами. Для русского мужика подобное — сущая благодать, все равно что для немца газеты или клуб. Включит ящик: ну, где сегодня самолет рухнет или башня загорится.

Лихая тройка попала Селифану! Птица-тройка! Песня, а не кони. Вот Заседатель — так тот любит селекционные совещания. Гнедой — почтенный конь, он «сполняет свой долг». Особенно чубарый хорош! ...чубарого коня, право, хоть бы продать, потому что он, Павел Иванович, совсем подлец; он — такой конь, просто не приведи Бог, только помеха...

Ей-Богу, Павел Иванович, он только на вид казистый, а на деле самый лукавый конь, такого коня нигде...

— Дурак! Когда захочу продать, так продам. Еще пустился в рассуждения!

Редактор: Ах, так вот, оказывается, с какой точки нужно смотреть на предмет!

Наша братья, народ умный, как мы называем себя, поступает почти так же, и доказательством служат наши ученые рассуждения. Сперва ученый подвезжает в них необыкновенным подлцом, начинает робко, умеренно, начинает самым смиренным запросом: «Не оттуда ли? не из того ли угла получила имя такая-то страна? Не принадлежит ли этот документ другому, позднему времени?» или: «Не нужно ли под этим народом разуместь вот какой народ?» Цитует немедленно тех и других древних писателей и чуть только видит какой-нибудь намек или, просто, показалось ему намеком, уж он получает рысь и бодрится, разговаривает с древними писателями запросто, задает им вопросы, и сам даже отвечает за них, позабывая вовсе о том, что начал робким предположением; ему уже кажется, что он это видит, что это ясно – и рассуждение заключено словами: «Так это вот как было: так вот какой народ нужно разуместь! так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!»

Н.В. Гоголь. Мертвые души

А.В.: Да уж, смотря какой предмет. Если переходный период, то время, о котором мы говорим, самое подходящее. Запись лекции Грановского, которую мы цитировали, относится к 1849 году. Время выбрано не случайно, Европу лихорадит, революция 1848 года — лишь очередная встряска, но немалая. По Европе начал бродить призрак коммунизма, и в этом же году оглашается манифест о его появлении.

И в этом же году появляется первый перевод на русский язык гомеровской «Одиссеи», сделанный В.А. Жуковским.

Редактор: А в Киеве дядька в это же время сажает в огороде бузину.

А.В.: Я не знаю про это. Очень может быть, что какая-нибудь мелочь меняет мир больше, чем множество революций, которые похожи друг на друга, как чертенята. Кто бы это объяснил! Но художники пытаются понять то, что происходит в мире, по-своему.

*Здесь веселятся; у них на уме лишь музыка да пенье;
Это легко: пожирают чужое без платы, богатство
Муза, которого белые кости, быть может, иль дождик
Где-нибудь мочит на бреге, иль волны по взморью катают.
Если бы он вдруг пред ними явился в Итаке, то все бы,
Вместо того, чтоб копить и одежды и злато, стали
Только о том лишь молиться, чтоб были их ноги быстрее.*

. . .

*Нет, Антиной, неприлично мне с вами, надменными вместе
Против желанья сидеть за столом, веселясь беззаботно;
Будьте довольны и тем, что имущество лучшее наше
Вы, женихи, разорили, покуда я был малолетен.
Ныне ж, когда, возмужав и советников слушая умных,
Все я узнал и когда уж во мне пробудилась бодрость,
Я попытаюсь на шею вам Парк неизбежных накликасть.*

*Добрый Евмей, да пошлют всемогущие боги Олимпа
Им воздаянье за буйную жизнь и за дерзость, с какою
Здесь, не стыдяся, они расхищают чужое богатство!*

*Нужды мне нет обвинять женихов необузданно-дерзких
В том, что они, самовластвуя здесь, замышляют худое.
Сами свою играют они головой, разоряя
Дом Одиссея, которого, мыслят, уж мы не увидим.
Вас же граждане Итаки, хочу пристыдить: здесь собравшись,
Вы равнодушно сидите и слова не скажете против
Малой толпы женихов, хоть самих вас число и большое.*

Редактор: До сих пор мне нравились кроссворды, но я чувствую, что Вы с Виктором Петровичем заставите меня полюбить разгадывание аллегорий. Например, скульптурная группа Лаокоона с сыновьями изображает, стало быть, семейный подряд, опутанный и задушенный налогами?

А.В.: Ну, если Вы сможете поднять конкретную проблему до такого уровня, то да.

Редактор: Вы же поднимаете заурядную проблему воровства и некомпетентности до гомеровского уровня! Во всяком случае я согласен с Белинским, что *Гоголь так же похож на Гомера, как серое петербургское небо и сосновые рощи петербургских окрестностей на светлое небо и лавровые рощи Эллады.*

А.В.: Во-первых, и серое петербургское небо может возвышать душу так же, как и светлое небо Эллады. И автор «Калевалы» жил в сосновых лесах Финляндии, и творец «Руслана и Людмилы» не в лавровых рощах вырос.

А во-вторых, должен сделать Вам замечание. Вы играете цитатами как карточками. Начали с того, что повыдергали отрывки из книг востоковедов, посвященных Конфуцию, по собственному уразумению. Затем Вы в разговоре с Виктором Петровичем сократили эпиграмму Грибоедова, продолжение которой выглядит так:

*Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Уж так и быть, — но вы ругаться удалцы,
Так чтобы были Вы умнее, молодцы,
Вам выдрать следует всем преисправно*

А.С. Грибоедов

А теперь сокращаете Белинского. Полностью все-таки так, что «Гоголь похож на Гомера, а «Мертвые души — на «Илиаду», как серое петербургское небо..».

Редактор: Ну, если это меняет смысл, то конечно. Тут разумеется. Как же иначе, если надо, чтоб. А и посеки, если заслужил. Отчего же не посесть.

Константин Аксаков классно развлек Белинского и компанию, сравнив «Мертвые души» с «Илиадой», а Вы решили пойти дальше, развлекая читателей новыми сравнениями.

А.В.: Не знаю, откуда это. Почему «Илиада», если «Одиссея»? Ведь «Одиссея» не просто так появилась.

По-моему, все нынешние обстоятельства как бы нарочно обставились так, чтобы сделать появление Одиссеи почти необходимым в настоящее время: в литературе, как и во всем, — охлаждение. Как очаровываться, так и разочаровываться устали и перестали. Даже эти судорожные больные произведения века, с примесью всяких неперевавшихся идей, нанесенных политическими и прочими брожениями, стали значительно упадать; только одни задние чтецы, привыкшие держаться за хвосты журнальных возжей, еще кое-что перечитывают, не замечая в простодушии, что козлы, их предводившие, давно уже остановились в раздумье, не зная сами, куда повести заблудшие стада свои.

Н.В. Гоголь. Об Одиссее, переводимой Жуковским

Заметьте, сам Гоголь не так уж и много написал рецензий, но этот перевод он выделил, причем недвусмысленно.

В Одиссее услышит упрек наш девятнадцатый век, и упрекам не будет конца, по мере того, как станет он поболее всматриваться в нее и вчитываться.

Редактор: Обязательно вчитаюсь и поболее всмотрюсь, вот только хотелось бы выполнить свои обязанности по рецензированию текста, посвященного экономике.

А.В.: А разве не про одну из основных проблем современной экономики Гоголь говорит? Обратите внимание: что в мире произошло за последние тридцать лет? Какие дома строят? На каких автобусах люди ездят во всем мире? Как оборудованы университеты и больницы? Какие новости принесла цивилизация в Россию? Хорошо. Пусть мы отброшены на периферию того, что называется прогрессом и нам трудно проследить за тем, что происходит в мире, и сравнить. Ну, а что происходило в России еще помним? Представьте

себе уровень авиационной промышленности в России, например, в 1920 году и в 1950 году. Представьте себе паровозы-тепловозы, которые появлялись в стране в 1930 году и в 1960 году. Когда была построена останкинская башня, когда это, когда то... Из какой помойки достали автобусы, которые сейчас бегают по городам России? Уже не то, чтоб построить, а затопить космическую станцию считаем достижением.

*Нет мне печали о том, что от брака я должен отречься, —
Много найдется прекрасных ахейских невест и в Итаке,
Морем обгятой, и в разных других областях кефалийских.
Но столь ничтожными крепостью быть с Одиссеем в сравненье —
Так, что из нас ни один и немного погнуть был не в силах
Лука его, — то стыдом нас покроет и в позднем потомстве.*

Разве это не есть наша основная проблема? Что происходит? Неужели только военные заказы способны привести в движение ржавые пружины. Сколько еще денег нужно отнять у людей и сконцентрировать в одних руках, чтобы понять, что сами по себе деньги ничего не создают?

Редактор: Вы говорите, говорите. Я теперь со всем согласен. Если «Мертвые души» — это вторая «Одиссея», то оно конечно. Тут разумеется. Да что там «Одиссея», — «Манифест», «Капитал», а Гоголь сам беседовал с Карлом Марксом, когда по Германиям ездил. И даже дочку его хотел увезти, но та говорит, что пока в России революционная ситуация не созреет, туда ни ногой. Приехал Гоголь во Франкфурт и так прямо и говорит по-немецки: — Здорово, мол, брат Карл. Как тут? — Я, — говорит Карл, — вот про призраков пишу. Гоголя тут же осенило, прибежал в гостиницу, требует чернил, бац — и повесть «Вий» на столе. Гений ведь как ребенок: краем уха услышал — и давай творить.

А.В.: Так ведь «Вий» пораньше «Манифеста» написан.

Редактор: Да и «Мертвые души» написаны лет этак за десять до этого. Что с того. Гений-с. Предвосхитил.

А.В.: Но и переходные периоды не один-два года продолжаются! И Европу трясет не первый год. Много чего происходит и в тридцатые годы. Например, Карлейль публикует свою «Французскую революцию».

*Но в конце концов разве эта история с ассигнациями не стоит
целых томов современной науки? Мы можем сказать, что наступило
банкротство как неизбежный итог всех заблуждений, но наступило
так мягко, незаметно и постепенно, что не обрушилось как всеистребающая
лава, а спустилось, подобно мягкой метели распыленного, почти неощутимого
снега, продолжавшего сыпаться до тех пор, пока действительно все не было
погребено; и все же не многое из того, что не могло быть восстановлено или
без чего нельзя было обойтись, оказалось разрушенным. Банкротство было
велико, но ведь и сами деньги — вечное чудо.*

Томас Карлейль. Французская революция

Редактор: Красиво излагает. Ничего не скажу. Завораживает.

А.В.: Завораживает огонь и Челлини, замороженный, глядя в печь, видит пляшущую на углях саламандру. Завораживает море и поэт видит в голубом тумане белеющий парус. Завораживают бескрайние пески и уставший путешественник видит на горизонте чудесный город. Завораживает чума, и что же можно увидеть тому, кто посетил сей мир в его роковые минуты?

Потом столько-то франков и су «на потребное количество негашеной извести». Подводы идут по улицам, наполненные обнаженными человеческими телами, набросанными в беспорядке; торчат отдельные члены — вот торчит бледно-желтая, окоченевшая рука, высунувшаяся из плотной кучи братских тел открытой ладонью к небу, как бы в молчаливом укор, в немой молитве de profundis: Сжался над сынами человеческими! Мерсье, проходя из Монружа «наутро после бойни по улице Сен-Жак», видел это, но не руку, а ногу, что он считает еще многозначительнее, неизвестно почему. Или то была нога человека, отталкивавшего от себя небо, устремлявшегося в порыве отчаяния и отвращения, подобно дикому нырку, в самые бездны небытия? Но и там найдет тебя Его рука, и Его правая рука удержит тебя, — несомненно, ради твоих хороших, а не дурных поступков, ради добра, а не ради зла! «Я видел эту ногу, — говорит Мерсье, — и узнаю ее в великий день Страшного суда, когда Предвечный, восседая на громах, будет судить и королей, и сентябристов».

Томас Карлейль. Французская революция

Редактор: Он мастерски об аде говорит! Впрочем, как я понимаю, это еще цветочки по сравнению с тем, что обещают Карлейль и Гоголь впоследствии:

И далеко еще то время, когда иным ключом грозная вьюга вдохновения подымется из облеченной в священный ужас и блистанье главы, и почуют, в смущенном трепете, величавый гром других речей...

А Уваров, стало быть, играет в этой аллегорической пьесе роль санитаря, пытающегося провести профилактические мероприятия:

Русская Старина. 1880, т. 27

Записки Богуславского (Писано в 1846 году)

Про одного сановника, NN, весьма высокого роста, но привыкшего горбиться и не соблюдающего правосудия, говорили: «qu'il est long, mais qu'il n'est pas droit».

На министра народного просвещения тоже была сделана следующая карриатура: представлена большая комната, разгороженная пополам перегородкою. В первой половине свет, в другой тьма. Над ними надписи; на первой: западная Европа, а на второй: Россия.

Сквозь щели перегородки свет пробивался в тьму, а министр граф Уваров, в полном мундире, с паклею и колотушкою, представлен тщательно законопачивающим щели.

Остро, но несправедливо: слава Богу, что западное просвещение с разрушительными социалистическими и коммунистическими идеями не проникло к нам в святую Русь...

А.В.: Уж и не знаю. Очень может быть, что и так. Чума ли, или свет, смерть или утешение калекам, я это не слишком хорошо понимаю. То мне говорят, что новые времена наступят, когда люди перестанут позволять, чтобы к ним «так» относились, то утверждают, что русский бунт ужасен и бессмыслен. То стало быть тебе предлагают стать «кратией», когда ты не слишком хорошо понимаешь, в чем дело, то изображают Кифой Мокиевичем, если пробуешь разобраться. Народ по капле выдавливает из себя раба Божия и превращается в раба денег, в жильцов Вороньей слободки, которых вместо чувства взаимной симпатии связывает чувство страха — кого сегодня пороть будут за то, что не платит за электричество.

Уваров был государственнымником, и если он старался предупредить распространение дури, то что в этом плохого? Если же все это не дурь, а свет в конце туннеля, то, стало быть, хорошо бы понять, что является этим светом?

Кто мог бы описать страшный водоворот, в котором кружится Франция, раздираемая дикими несообразностями? Человеческий язык не в силах выразить раздоров, поселившихся под каждой французской крышей, в каждом французском сердце, всего вредного, что говорилось и делалось и дало в общей сумме Французскую революцию.

Тем не менее можно определить законы, управлявшие этими действиями и невидимо работавшие в глубинах этого страшного слепого хаоса! Человек смотрит на Неизмеримое лишь с изумлением, не пытаясь его измерить; он не знает его законов, видит только, в зависимости от степени своих знаний, новые фазы и следствия событий, вызванных этими законами. Франция представляет чудовищную гальваническую массу, в которой действуют силы и субстанции гораздо более странные, чем силы химические, гальванические или электрические; они заряжают друг друга положительным и отрицательным электричеством и наполняют им наши лейденские банки — двадцать пять миллионов лейденских банок! Когда банки будут заряжены, то время от времени, при малейшем толчке, будут происходить взрывы.

Томас Карлейль. Французская революция

Редактор: Ну прямо Гофман с Лукрецием! Фазы, следствия...

Водовороты, тайфуны, смерчи, грозные облака, тяжелые грядущими дождями...

Подает снег, кружа снежинками, покрывает застывшие лужи, припорошивает промерзшую траву, забирается на чердак, тоненькой струйкой просачивается на подоконник...

Осень. Что же будет завтра с нами?

А.В.: Вы расстроились из-за французской революции и впали в лирический пессимизм.

Редактор: Я расстроился из-за Вас и впал в депрессию. У меня даже на лбу выступил пот. Во что превратили Вы бедную тройку-Русь, которая должна была бы мчаться, вся вдохновенная Богом?

А.В.: Чем же я-то виноват? Вообще никого не трогаю. Это Вы меня сбили инфляцией да Кифой Мокиевичем. Конечно, так и было. Я просто не успел об этом толком поговорить.

В 1828 году знаменитый ученый путешественник Гумбольдт изъездил свое удивление, осматривая первую нашу выставку, и сказал, что он сего не ожидал бы и через тридцать лет от Российских мануфактур, о коих иностранцы имеют самое ложное понятие. Желательно, чтоб сей великий муж посетил Петербург в мае месяце сего 1833 года, и тогда пусть подивится тому, что Россия может делать не в тридцать лет, а в четыре года!

У нас дай только Правительство направление, ободри милостивым взглядом, — и все хорошее двинется мигом и будет расти с Русскою расторопностью, уж впрямь что не по годам, а по часам. Многое еще нам остается делать, но мы спокойны, ибо если в такое краткое время успели поставить твердое основание, то как не надеяться и на все остальное: оно придет, — и скоро.

Вл. Бурнашев. Очерк истории мануфактур в России. СПб, 1833

У нас ведь как? У нас ведь только правительство ободри, да дай направление!

Редактор: Вот и слава Богу! Немного отлегло. А то Вы меня напугали. Надо заканчивать. Пора пойти принять эфирной валерьянки.

Список с письма тайного советника Сперанского к Императору Александру I.

Всемилоостивейший Государь!

При отлучении меня, Ваше Императорское Величество, между прочими знаками милостивого внимания, сказали мне, «что во всяком другом положении дел, менее настоятельно, Вы употребили бы год или два, чтоб точнее рассмотреть и поверить сведения к Вам о мне дошедшие». Из сего я должен заключить, что мнение Ваше о мне не решено еще невозвратно. В последствии, назначение денежного мне пособия и невидимая, но мне приметная, защита Ваша утвердили еще более сию надежду.

Среди дел столь высокой важности мне казалось непристойным развлекать собою Ваше внимание. Теперь, когда дела сии приемлют вид окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливым?

Представляю сие письмо посредством моей дочери, потому что всякий другой путь откровенного изъяснения мне пресечен, и не знаю еще как и сие дойдет непосредственно до рук Ваших.

Удостоите, Всемилоостивейший Государь, Вашего внимания объяснения, при сем прилагаемые, не столько из снисхождения к моей судьбе, как по уважению их предмета. Судьба моя и без них, по единому движению справедливости и благости Вашей, могла б решиться. Но Государи всегда имеют личную и прямую пользу внимать истине, особливо когда она касается до важных дел Государственных.

Есмь с благоговением и пр.

Записка Сперанского

В самом начале царствования Ваше Величество постановили себе правилом, после толких колебаний нашего Правительства, составить наконец твердое и на законах основанное положение, сообразное духу времени и степени просвещения, и следовать ему неуклонно.

От сего единого начала постепенно возникали все славные учреждения, кои по важности и пространству своему могли бы прославить самое долготное и деятельное царствование, если бы или люди были справедливее, или обстоятельства счастливее.

Исполнители, коих Ваше Величество употребляли в сем деле, каждый попеременно в свою очередь, были предметом зависти, клеветы и злословия в большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нередко встречались с так называемым общим мнением, когда привычка и страсти не терпели перемен в настоящем и страшились их еще более в будущем.

Невзирая на сие, чрез 12 лет, Ваше Величество постоянно следовали сим путем. Менялись люди, изменялись планы, но главная мысль и намерение остались неизменными.

До 1808 года я был почти только зрителем и удаленным исполнителем сих преобразований, но мысли мои и сердце всегда следовали за ними. Когда в 1803 году Вашему Величеству угодно было поручить мне чрез графа Кочубея, в начальстве коего я тогда служил, составить план образования Судебных и Правительственных мест в Империи, я принял сие поручение с радостью и исполнил его с усердием.

В конце 1808 года, после разных частных дел, Ваше Величество начали занимать меня постояннее предметами высшего управления, теснее знакомить с образом Ваших мыслей, доставляя мне бумаги прежде к Вам дошедшия, и нередко удостоивали провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся.

Из всех сих упражнений, из стократных может быть разговоров и рассуждений Вашего Величества, надлежало наконец составить одно целое. Отсюда и произошел план всеобщего Государственного образования.

В существе своем он не содержит ничего нового; но идеям с 1801 года занимавшим Ваше Величество дано в нем систематическое расположение.

Весь разум сего плана состоял в том, чтоб посредством законов и установлений утвердить власть правительства на началах постоянных, и тем самым сообщить действию сей власти более правильности, достоинства и истинной силы.

В течение слишком двух месяцев, занимаясь почти ежедневно рассмотрением его, после многих перемен, дополнений и поправок, Ваше Величество наконец положили приводить его в действие.

Полезнее может быть было бы все установления сего плана, приуготовить вдруг, открыть одновременно: тогда они явились бы все в своем раз- мере и стройности и не произвели бы в делах никакого смешения. Но Ваше

Величество признали лучшим терпеть на время укоризну некоторого смешения, нежели все вдруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно соделалось источником ложных страхов и неправильных понятий. Не зная плана правительства, судили намерение его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и не видя точной цели и конца перемен, страшились вредных увлечений.

Пройду кратко все установления, от плана сего возникшия, дабы означить, как вместе с ним возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда их преследовавшая.

I) Совет. Учреждение его, за месяц прежде открытия, сообщено было графу Николаю Ивановичу Салтыкову и князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили, все последствия его оправдали. Но одни видели в сем установлении подражание французскому, хотя, кроме разделения дел, ничего они не имеют общего. Другие утверждали, что разум сего учреждения стесняет власть Государеву. Где и каким образом? Не по Государеву ли повелению дела вносятся в Совет? Не единым ли словом Его решаются? Но зависть и клевета лучше желают казаться слепыми, нежели быть безгласными.

II) Министерства. В манифесте 1802 года обещаны были подробные учреждения или инструкции Министрам: но до 1810 года их не было. Беспорядок и смешение, при личных взаимных недоразумениях, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя в средоточии дел, в собственной работе Вашей с Министрами, более всех сие чувствовали и почти ежедневно напоминали мне о необходимости сего учреждения. По мыслям Вашего Величества составлен был план, внесен на рассмотрение Председателей Совета, всеми единогласно одобрен и потом принят в Совете. На сем основан был Манифест о разделении Министерств и составлен общий устав.

В разделении Министерств допущена некоторая от прежняго перемена в размещении, или, так сказать, в рамках дел; но рамы сии никогда не могли быть неподвижны, и на будущее время несколько раз еще измениться могут. Из сей перемены возникли два новые Министерства: Полиции и Контроля; но первое учреждено по собственному и личному убеждению Вашего Величества в его необходимости, а второе основано на порядке счетов, неоспоримом и очевидном.

Общий устав постановил самые точные и ясные пределы отношениям и власти Министров. Смею утверждать с достоверностию, что ни одно Государство в Европе не может похвалиться учреждением столь определенным и твердым. Оно лежит теперь покрыто пылью и прахом, но время и опыт восстановят его и оправдают.

Надлежало приступить к **частным уставам**. Возложено было на самих Министров составить проекты, дабы после пересмотреть их и привести их в единство.

Здесь каждый Министр, считая вверенное ему Министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми, и деньгами. Тот, кто прикасался к сей собственности, был явный иллюминат и предатель Государ-

ства, и это был я. Мне одному против осьми сильных надлежало вести сию тяжбу. У одного Министра Финансов, не говоря о других, убавлены целые два департамента, и сверх того несколько отделений, и таким образом уменьшены штаты ежегодно более чем на сто тысяч рублей. В самих правилах наказа, надлежало сделать важные перемены, отсечь притязания власти, привести ее в пределы, преградить насильные завладения одной части над другою, и — словом — все сии наказы вовсе переделать. Можно ли было сего достигнуть, не прослав рушителем всякого добра, человеком опасным и злонамеренным?

Другие, может быть меня счастливее, совершат сию работу; но совершить ее необходимо, ибо как скоро одно Министерство движется по данному направлению, то вместе с ним должны идти и другия: иначе они друг друга затруднять будут, как то опыт уже и доказал и доказывать будет.

Между тем как занимались сего работою, Ваше Величество подтверждало мне многократно о образовании Сената.

III) Сенат. Образование Сената было в необходимой связи с учреждением Министерств. Не могут два сии установления идти на двух началах совершенно противоположных.

Проект сего образования прежде всего сообщен был графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные их отзывы находятся при самых бумагах. После сего, он рассмотрен в собрании Председателей, напечатан, внесен в Совет; месяц времени определен был для того, чтоб каждый у себя дома мог его обдумать.

Из сего хода всяк мог легко усмотреть, что не желали тут ни исторгнуть согласие, ни предвосхитить его смятением и поспешностию.

Невзирая на сие, восстали укоризны. Не буду здесь упоминать о том, что в укоризнах сих было жестокого и терзающего мою личность. Обращусь к самому источнику тех только возражений, кои имели вид беспристрастия. Возражения сии происходили большею частью от того, что элементы правительства нашего недовольно еще образованы, и разум людей, его составляющих, недовольно еще поражен несообразностями настоящего порядка вещей, чтоб признать благотворные Ваше перемены необходимыми. И следовательно — надлежало дать время, должно было еще потерпеть, еще попустить беспорядок и злоупотребления, чтоб наконец их ощутили, и тогда, вместо того, чтоб затруднять намерения Ваши, сами бы пожелали их совершения.

Мысль сия с горестию вырывалась у меня в самых публичных разговорах и рассуждениях. Я представил ее во всей силе и Вашему Величеству, и означил даже в докладной моей записке, которая при делах и теперь должна находиться. Мог ли я тогда подумать, что сие самое рассуждение даст повод врагам моим сделать то злобное приложение, какое впоследствии оказалось?

Между тем мнения в пользу проекта были и многочисленны и уважительны. С твердостью и чистотою намерений, Ваше Величество не решались еще остановить исполнения; двумя записками, в разное время от меня поднесенными, представлял я, сколь неудобно было бы при настоящем распо-

ложении умов продолжать сие дело. Вместе с тем возрастающие слухи о войне решили наконец Ваше Величество отложить его до времени.

Дай Бог, Всемилостивейший Государь! чтобы время сие настало. Проект может быть переменен, исправлен или и совсем переделан людьми, более меня сведущими; но я твердо уверен, что без устройства Сената, сообразного устройству Министерств, без средоточия и твердой связи дел, Министерства всегда будут наносить более вреда и Вам заботы, нежели пользы и достоинства.

IV) Законы. Есть люди, кои и Комиссию законов считают вредным увлечением, хотя она учреждена еще при Петре Великом и с того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множеством дел, я не мог сей части дать того хода, какого бы желал, но смею сказать, что и в ней сделано в течение двух лет более, нежели во все предыдущее время. Целое почти столетие протекло в одних несвязных планах и обещаниях; в мое время не только составлены твердые планы на важнейшия части, но составлены, изданы и в Совете рассмотрены две труднейшия части гражданского уложения; третья и последняя требовала только отделки.

Со всем тем никогда не хвалился я сими работами, и охотно, и в свете, и пред Вашим Величеством, разделял честь их с Коллегиею; но несправедливости людей принуждают наконец меня быть любочестивым. Пусть сличат безобразные компиляции, представленные мне от Коллегии, т.е. Г. Розенкампа, и если найдут во ста хоть два параграфа, коими бы я воспользовался, — я уступаю им всю честь сего произведения. Сличение сие не трудно, ибо компиляции сии все остались в моем кабинете.

Другие искали доказать, что уложение мною внесенное есть перевод с французского, или близкое подражание; ложь, или незнание, кои изобличить также нетрудно; ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т.е. в Римском праве, все уложения всегда будут сходны, но с здравым смыслом, с знанием сих источников и коренного их языка, можно почерпать прямо из них, не подражая никому, и не учась ни в Немецких, ни во Французских университетах.

V) Финансы. В исходе 1809 года, тогда как Ваше Величество занимали меня планом общего образования, предстал вопрос, делу посторонний, но по важности своей привлекавший все Ваше внимание. Ваше Величество с справедливым беспокойством взирали на постепенный упадок ассигнаций и не могли с равнодушием видеть, что средства к наполнению недостатков, Вами представляемые, состояли в умножении тех же ассигнаций. Беспокойство сие возросло до высшей степени, когда в смете на 1810-й год, заранее представленной, открыт был ужасный недостаток 105 милл. рублей, а способов к замене его в виду не было.

Вступало к Вам множество проектов, но все они представляли минутные и вредные облегчения. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресечь его, доколе была еще возможность.

Сею одною решительностью, смело могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда Государство от банкротства.

После многократных о сем рассуждений, составлен был план ФИНАНСОВ и внесен в Комитет, который тогда в доме графа Гурьева собирался. По двухнедельном предварительном рассмотрении, он признан был необходимым и представлен Совету. Были споры, но большинство его одобрило; принялись за исполнение.

Здесь те же самые члены Правительства, кои план одобряли, вместо того, чтоб единодушно способствовать его исполнению, начали всемерно затруднять его, и тот, кто должен был главным быть его исполнителем, Министр Финансов, не отрекаясь от него на словах, стал первым его противником на деле.

Откуда сие противоречие? Оно изъясняется следующим: весьма легко сказать: ПРЕКРАТИТЬ ВЫПУСК АССИГНАЦИЙ; но надобно было чемнибудь их заменить; для сего надлежало:

1-е) Сократить и привести в порядок издержки, а здесь-то и неудобства, и роптания. Вместо того, что прежде каждый Министр мог почерпнуть свободно из так называемых экстраординарных сумм, в новом порядке надлежало все вносить в годовую смету; потом каждый почти рубль подвергать учету в двух инстанциях Совета, часто терпеть отказы и всегда почти уменьшение, и в конце всего еще ожидать ревизии Контроля. Сам Министр Финансов подвергся тому же правилу. Мог ли кому нравиться сей вещей порядок?

2-е) Надлежало возвысить налоги. Слишком двадцать лет Россия того не знала. Каждый член правительства хотел сложить с себя бремя сей укоризны; надлежало однако же, чтоб кто-нибудь ее понес. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сию жертву, меня осыпали эпиграммами, ругательствами, и проч. и проч., а другие были в стороне.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народного неудовольствия и подозрениями во мне. Отчет, который за 1810 год имел я счастье представить в феврале последующего года, изображал во всей их силе мои опасения. Я предвидел не без страха все личные следствия и тогда же просил уволить меня от звания Государственного Секретаря¹. Ваше Величество самым милостивым образом опровергли и мои страхи, и мои желания. Так прошел 1810 год.

1811 год представил совсем противные явления. Тут Министр Финансов предлагал налоги, а Совет отвергал их, яко неблаговременные. Он, Министр, доказывал, что в половине года все станет; прошел целый год, ничто неостановилось, и передержка была малозначуща. Тем не менее я и в сем году был рушителем порядка и человеком опасным.

Настал 1812 год. Недостаток весьма важный и сверх того близкая война. Министр Финансов представил систему налогов чрезмерно крутую и тя-

¹ Отчет сей в бумагах.

гостиную². Часть их принята, другая заменена налогами легчайшими. Сие смягчение и сии перемены, умножив раздражение, послужили после Министру Финансов и обширному кругу друзей его весьма выгодным предложением отречься от всех мер нового положения, сложить с себя всю их ответственность, и по примеру 1810 года, но уже с большею силою, на меня одного обратить все неудовольствия. Если бы в сие время можно было напечатать все представления Министра, тогда все нарекания с меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно в делах Совета, а Манифест, с примечаниями, толкованиями, московскими вестями и ложными страхами, ходил по рукам. Я мнил, что спокойный взгляд и терпение двух или трех месяцев рассеют сию бурю. В самом деле она начала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своим чередом³.

Но между тем, как я был спокоен, властолюбивая зависть⁴ недремала и воспользовалась сопряжением обстоятельств.

Приступаю к подробностям, весьма для меня горестным.

Я не знаю с точностию, в чем состояли секретные доносы, на меня взведенные. Из слов, кои при отлучении меня Ваше Величество сказать мне изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвинения: 1-е) что финансовыми делами я старался расстроить Государство; 2-е) привести налогами в ненависть Правительство; 3-е) отзывы о Правительстве.

1-е. О финансах. К 1810 году доходы государственные составляли около 125 милл., к 1812 году они доведены были до 300 милл., приращение в два года 175 милл.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать, а дел, на простом счете основанных, переменить нельзя.

Смело могу еще раз утвердить, что переменяя систему финансов, Ваше Величество спасли Государство от банкротства. Придет время, Всемилостивейший Государь! когда благия учреждения Ваши, оправдавшись опытом, привлекут на себя благословение всех людей благомыслящих: тогда, смею думать, и мое имя, и мои бедствия вспомнят не без сожаления.

План финансов и все операции, на нем основанные, всегда выдержат с честью самое строгое исследование всех истинных государственных людей, не только у нас, но и во всех просвещенных государствах. Не словами, но математическим счетом можно доказать, что если бы в свое время он не был принят, то не только вести настоящую войну, но и встретить ее было бы не с чем. И тот же план в обширных его применениях может еще доставить важные пособия в тех затруднениях, кои обыкновенно открываются после войны.

Но от чего же столько ропоту? От того, что ни в какой земле не переменяли финансовой системы без неудовольствия.

² Представление его и журналы Совета в Канцелярии Государственной.

³ Большая часть их и теперь еще существует.

⁴ Разумею моих доносителей. Имена их Вашему Величеству известны.

От чего еще, вопрошают, понизились еще более ассигнации со времени введения плана? Это секрет Правительства; он состоит в том: 1-е) что в то же самое время, как переменяли систему, принуждены были выпустить около 46 милл. новых ассигнаций. 2-е) что от прежнего казначейства, без умысла, по единому незнанию, представлен был неправильный счет той массы, которая была в обращении, и на сем счете, коего неправильности тогда узнать никак было невозможно, основаны были первые операции. Но совсем тем, унизясь в первый год, ассигнации потом так твердо установились, что в течение трех последующих лет они сохранили постоянно свое достоинство, и теперь еще, после всех бедствий войны, они свободнее по цене их принимаются в народе, нежели серебро. Сие ли называется разрушением государственного кредита?

2-е. О ропоте от налогов. *Какое странное притязание желать, чтоб народ кланялся и благодарил, когда облагают его налогами? Естественно, сперва поговорят, побранят, потом перестанут, а со временем, когда образумятся, то и благодарить будут. Где же не бранили за налоги? Но можно ли сие минутное неудовольствие признавать опасным ропотом? Если налоги в половине февраля произвели опасный ропот, то куда же девалась сия опасность в марте, в мае, в июне? Где следы сего общего неудовольствия? Каким волшебством тот же народ, то же дворянство, коего ропотом в феврале, стращали, в мае и июне готовы были всем жертвовать? Откуда сия перемена? Налоги не были сложены; напротив, во многих местах усилены. Следовательно опасный ропот сей был баснь, выдуманная людьми легкомысленными, кои, прожив весь век свой в женских сплетнях, по тем же самым сплетням и Московским вестям судят о делах государственных, и даже (горько помыслить) мнят управлять ими.*

Не могу здесь миновать одного примечания, которое и прежде, в первом письме моем отсюда, я старался сколько мог означить.

Не попустите, Всемилостивейший Государь, чтоб система ложных страхов и подозрений, система, коею, как я догадываюсь, ищут уловить внимание Вашего Величества, чтоб система сия, всегда приводившая Государей к безгласию, а Государства к бедствиям, превозмогла над достоинством морального Вашего характера, который один, смею сказать, среди всех неустройств нашего правительства, доселе составлял отраду, награду и надежду всех людей просвещенных и благомыслящих. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могут видеть в народе, самом кротком и добродушном, в подданных, привыкших повиноваться самой малейшей власти, и Вам, Всемилостивейший Государь, действительно и лично преданных, могут в сем народе, в мнениях его и пустых толках неразумия и легкомыслия, видеть ропоты, опасности, причины важных подозрений. Ужас поражает мое воображение, когда я помыслю о следствии сих внушений. Смело могу назвать их, если они существуют, преступлением против самого Величества. Но Бог, приведший Вас сквозь толкое множество трудных произшествий и сохранивший для благоденствия России, без сомнения, сохранит и от сих опасных сетей, скрытых под видом личной преданности и какой-то привязанности к

старым русским правилам. Истинные русские правила суть взаимная любовь и доверие между Государем и подданными, точное отношение отца к детям, а советы, основанные на страхе и угодливости мнимому общему мнению, когда оно несправедливо и пользам государственным противно, суть советы не русские, но советы или малодушные, или злые и во всех отношениях Вас недостойные. Сие мнимое общее мнение слабо и ничтожно, когда его презирают, напротив — строптиво и ужасно, когда его слушают. Простите, Всемилостивейший Государь, сие невольное сердца моего излияние. Враги мои могли очернить меня пред Вами, но никогда не отучат сердца моего желать Вашей славы, сохранения Вашего достоинства и кроткого правления.

3-е. Об отзывах. Третий пункт обвинения, сколько мог я выразить, состоит в том, что я отзывался худо о Правительстве.

Если доносители под именем Правительства разумеют те элементы, из коих оно складывается, т.е. разные установления, то правда, что я не скрывался, и в последнее время с горестию повторял многим, что они, состоя из старых и новых, весьма худы и несообразны. Но сие было мнение всех людей благомыслящих, и смею сказать, мнение Вашего Величества; скрывать же сего я не имел нужды.

Если разумеют под именем Правительства людей, его составляющих, то и в сем я тоже признаюсь. Горесть, видеть все искаженным, все перетолкованным, все труды покрытыми самою едкою желчию и, при покорности намерениям Вашим на словах, видеть совершенную противоположность им на деле, горесть, с недавняя мое сердце и часто доводившая до отчаяния иметь при сих элементах и людях какой либо в делах успех, невзирая на все Ваши желания, горесть сия часто и особливо в последнее время, по случаю сенатских и финансовых споров, вырывалась у меня невольным образом из сердца. Но, Всемилостивейший Государь, будучи измучен, действительно измучен множеством дел и ежедневно еще терзаем самыми жестокими укоризнами, мог ли я быть всегда равнодушным? И впрочем сии самые члены Правительства, коих чувствительность отзывами сими толико оскорбилась, не воздавали ли мне за сие сторицею?

Но чтоб мог я под именем Правительства разумею особу Вашего Величества душа моя возмущается при размышлении, что я доведен до того, чтоб опровергать сию гнусную клевету иначе, как презрением. С 1801 года, чрез 12 лет, в разных расстояниях от Вашего лица, я неуклонно следовал сердцем и душою за всеми Вашими намерениями, и впоследствии два года был близким их исполнителем. Во всех представлениях моих я имел дело с одним Вашим разумом и никогда не хотел обольщать Вашего сердца. Ваш разум и строгая с моей стороны логика были одни мои орудия; в них состояла вся тайна моих работ и успехов. Никогда и ни в чем важном не желал, да и не мог я получить Вашего согласия, иначе, как посредством самых точных доказательств и рассуждений. Для сего сочиняемы были мною не докладные записки, но, можно сказать, целыя книги. В истине всего сего смею сослаться на собственные Ваши воспоминания, на все докладные бумаги кои я Вам подносил. Каким же образом, с какою уродливою лживостию, против еже-

дневного моего опыта, вздумал я порицать и злословить в последнее время то, что очевидно чтил и уважал в течение столь многих лет? Для чего? Какую цель могла иметь сия лживость? Возбудить неудовольствие? Но в ком? В Армфельде? В Балашеве? И на какой же конец? Чтоб сделать переворот в Правительстве? Но в чью пользу? Где способы? Где связи? В делах 20-летней службы, во всех бумагах, в двухгодичном моем удалении, во всех надзорах и изысканиях, тогда как сердца и уши открыты слушать обо мне всякую клевету и нелепость, открыл ли кто один след, одну тень какой-либо связи подозрительной?

Здесь одна горестная мысль раздирает мое сердце; неприятели мои могли сомневаться в политических моих правилах, могли думать о привязанности моей к французской системе; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведение мое столь было ясно, что если б бумаги и дела мои можно было напечатать, тогда сами неприятели мои устыдились бы своих предположений. Не я ли был один из первых, который обращал внимание Вашего Величества на предстоящую войну и на все козни, ей предшествовавшие? Ссылаюсь на подобные записки, многократно, в разных эпохах и за долгое время поднесенныя. Оне все находятся в моих бумагах. Смею себе присвоить, что никто, может быть, по крайней мере случайно, столько не содействовал, чтоб за ранее осветить истинные намерения Франции, как я. Когда отправляли в Париж графа Нессельроде на краткое время с поручением финансовым по займу, тогда предположенному, и совсем без видов дипломатических, не я ли представлял Вашему Величеству открыть с ним переписку, которая впоследствии соделалась одним из главных источников сведений вернейших и полезнейших? И впрочем, если бы и не мог я привести сих и сим подобных подробностей и доводов, как можно вообще согласить следующие противоречия: быть преданным Франции и лишить ее всей торговли в России введением нового тарифа; желать разрушения порядка и в то же время всемерно содействовать его устройению; желать ослабить Правительство и вместе возвышать его доходы; быть глубоким честолюбцем и иметь вокруг себя одних врагов; желать привести у народа в ненависть Правительство и себя первого, и прежде всего, подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласят все сие мои доносители, — мне и писать и мыслить о сем — уже омерзительно.

Между тем однакоже сие жестокое предубеждение о связях моих с Франциею, быв поддержано эпохою моего удаления⁵, составляет теперь самое важное и, могу сказать, ЕДИНСТВЕННОЕ ПЯТНО моего в народе обвинения.

Вам единственно, Всемилостивейший Государь, Вашей справедливости принадлежит его изгладить. Смею утвердительно сказать: в вечной правде пред Богом, Вы обязаны, Государь, сие сделать. Вы не можете тут иметь во мне ни малейшего сомнения; Вашею тайною, а не своею я связан; следовательно Вам же и развязать все должно. Финансы, налоги, новые установления, все дела публичныя, в коих я имел счастье быть Вашим исполнителем, все оправдается временем; но здесь, чем я оправдаюсь, когда все покрыто и

⁵ А паче в Пермь.

должно быть покрыто тайною?

Обращаясь еще раз к личным отзывам, от чего, спросят, доходили от разных лиц одне вести? От того, что сии разные лица составляли одно тело, а ДУША сего тела был тот самый, кто всему казался и теперь кажется посторонним.

Если бы в правоте моей совести и дел нужно мне было ниспускаться к сим потаенным сплетням, на коих основаны мои обвинения, я легко мог бы показать и начало их, и происхождение, открыть и воздушные их финансовые системы и личные корыстолюбивые их расчеты; указать все лица, запечатлеть каждого из них своею печатью; обличить ложь в самом ея средоточии и представить на все ясные доводы, что они сами бы, может быть, онемели. Но к чему все сии улики? Оне будут теперь иметь вид РЕКРИМИНАЦИЙ всегда ненавистных. И сверх того, враги мои может быть и в сию минуту стоят пред Вашим Величеством, а я за 2000 верст и весь почти совершенно в их власти⁶.

Мне остается пояснить одно обстоятельство, которое, быв обвинению посторонним, чрезмерно однако же обрадовало моих неприятелей, дав им случай всю громаду их лжи прикрыть некоторою истиною.

Ваше Величество припомнить без сомнения изволите, как в одно время я докладывал, что Бек приходил ко мне и просил исходатайствовать ему у Вас минуту внимания. «На что?» изволили Вы спросить. «Он что-то нашел в перлюстрации, чего не хочет сказать Канцлеру, не представив прежде Вам». Ваше Величество сказали мне, что позовете его чрез Геслера, что действительно и исполнили, и, дав ему Ваши наставления, дозволили и впредь в подобных случаях также к Себе относиться. Бек, благодаря меня за сей случай, предложил, что, когда встретится в деле его что-либо достойное внимания особенного, он будет меня извещать. Он мог сие сделать в чистоте совести, не считая себя чуждым Правительству и его тайнам. С ведомо ли его или нет, но чрез третье лице, в самом деле изредка и без связи, получал я несколько сих листов. Что они в себе содержали? Пустые вести о войне, сведения и рассуждения, кои, стоя в средоточии дел, имея всегда и по сим предметам доступ к Вашему Величеству — я в тысячу раз лучше и подробнее всегда знал, нежели они. Что могли мне нового сказать какой-нибудь г.Буш и ему подобные жалкие дипломаты? Следовательно, допустив входить к себе сии бумаги даже в видах любопытства, не мог я назначить им высокой важности.

Один взгляд на содержание их⁷ удостоверит Вас, Всемилостивейший Государь, в маловажности их; числа их докажут, что они вошли ко мне без связи, а сие вместе может уверить, что тут могло быть легкомыслие, но никто никогда не в силах превратить сего в государственное преступление.

Со всем тем, и прежде, и теперь, я повергаю себя единственно в Ваше великодушие, и желаю еще лучше быть ПРОЩЕННЫМ, нежели во всем ПРАВЫМ.

⁶ Это не фраза, а сущая истина.

⁷ При удалении я представил их Вашему Величеству.

Нужно ли, Всемилостивейший Государь, чтоб я оправдывал себя и против тех обвинений, кои рассеваемы были моими врагами о нравственных моих правилах, и о связях моих с Мартинистами, Иллюминатами, и проч.

Бумаги мои ясно доказывают, что никогда и никаких связей я не имел; вообще о всех вещах я старался иметь собственные мои мнения и никогда не верил слепо чужим.

Когда Ваше Величество пожелали о предметах сего рода, и в особенности о мистической их части, иметь сведения, я с удовольствием готов был посвятить Вам все плоды моих собственных изысканий и размышлений. Беседы сии были мне тем приятнее, чем более я видел, что предмет их сообразен с сердечными Вашими чувствами. Не из книг, не из сект и партий, почерпал я сии истины, оне были изливанием души моею, смею сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многообразие прервали слишком рано сии лестные для меня сношения, и хотя не имел я еще времени открыть Вам во всем пространстве истинное их знаменование, но, судя по самому их началу, — смею сослаться на собственное Ваше сердце и на самые бумаги у Вас оставшиеся, — что другое в сих истинах Вы слышали от меня, кроме указаний на достоинство человеческой природы, на высокое ея предназначение, на знак всеобщей любви, яко единый источник бытия, порядка, счастья, всего изящного и высокого? Да и когда, при каком случае, слышали Вы, Всемилостивейший Государь, от меня друга правила? Во все время как я пользовался Вашим доверием, кого и чем я очернил, помрачил, или кому старался повредить в глазах Ваших? На кого навел я какую либо тень подозрения? Напротив, я всегда желал и при всех случаях старался питать и возвышать в душе Вашей ту любовь к человекам, ту кротость и снисхождение, кою Бог и природа в благости своей Вас одарили.

Всемилостивейший Государь! В невидимом присутствии Бога сердцевода, смею здесь спросить: так ли поступает, советует, действует и говорит мрачный честолюбец, ненавидящий своего Государя и желающий привести его в ненависть?

Простите, Всемилостивейший Государь, пространство сих изъяснений. В течение двух почти лет враги мои говорили одни. Мне оставалось страдать и молчать.

В награду всех горестей, мною претерпленных, в возмездие всех тяжких трудов в угождение Вам, к славе Вашей и к благу Государства подвѣтых, в признание чистоты и непорочности всего поведения моего в службе, и наконец в воспоминание тех милостивых и лестных мне частных сношений, в коих один Бог был и будет свидетелем между Вами и мною, — прошу единой милости: дозволить мне с семейством моим в маленькой моей деревне провести остаток жизни, поистине одними трудами и горестями преизобильной.

Если в сем уединении угодно будет поручить мне — окончить какую либо часть публичных законов, разумея гражданскую, уголовную или судебную, я приму сие личное от Вашего Величества поручение с радостию и исполню его без всякой помощи с усердием, не ища другой награды как только: СВОБОДЫ

и ЗАБВЕНИЯ.

Бог, общий Отец и Судия Государей и их подданных, да благословит благия намерения Вашего Величества в пользу Государства; да ниспошлет Вам исполнителей, кротких без малодушия и усердных без властолюбия. Сие будет навсегда предметом желаний человека, коего многие в службе могут быть счастливее, но никто не может быть лично Вам преданнее.

Пермь.

В феврале 1813 года.

Что спасает Турцию (часть I)

Нечто невероятное, нечто поражающее представляют финансовые дела турецкой империи. Просматривая отчеты о ее финансовом положении, не веришь, что перед тобою лежат серьезные росписи расходов действительно существующего правительства. Эти росписи кажутся чем-то фантастическим, какою-то злою сатирой над вымышленными правителями, безумно расточающими денежные средства подвластной им страны. Иностранные займы являются предметом всех забот этих правителей, чувствующих, что без этого подспорья государственная машина, управляемая ими, должна остановиться.

Эти займы начиная с 1854 года почти постоянно возрастают. В 1854 г. турецкое правительство занимает 3 000 000 фунтов стерлингов; в 1874 оно делает заем уже в 40 000 000 фунтов. Вся сумма этих безумных ежегодных займов, сделанных в течение двадцати лет, простирается до 143 000 000 фунтов. Кроме того, обанкротившееся турецкое правительство не уплатило за два года ни процентов по займам, ни части, подлежащей, согласно условиям займов, к погашению, что составляет до 15 000 000 фунтов стерлингов в год. Следовательно, весь итог государственных долгов Турции дошел теперь до 170 000 000 фунтов стерлингов, то есть почти до 1 190 000 000 рублей серебром. Вся задача управления турецких министров финансов заключалась в добывании этих денег. Если министр финансов отказывал султану в деньгах — он слетал с места. Вследствие этого приходилось так или иначе изворачиваться и делать внешние займы. Тут пускались в ход всевозможные средства. Главным из этих средств был обман, пускание пыли в глаза при помощи различных «речей» и государственных «соображений».

В 1862 году один из министров финансов писал: «Государственный кредит есть могучий двигатель всех чудес нашего времени. Условия же, при которых государство может пользоваться кредитом, во-первых, экономия в администрации, то есть расходование государственных денег на предметы, только полезные для государства, и, во-вторых, точное выполнение всех обязательств, обдуманно принятых на себя государством».

Это писалось, но никто не думал исполнять, да и не мог исполнить, потому что султан во всякое время дня и ночи мог потребовать у министра финансов все деньги, занятые совсем для других целей. Ограничить требования султана, отказать ему в выдаче денег никто не имел права. Султан стоял выше всяких ограничений, выше всяких государственных нужд и целей. Сам султан, для того чтобы уладить повыгоднее тот или иной внешний заем, произносил не

менее блестящие речи, чем речи его министров. Так в 1872 году он между прочим заметил: «Величие и успехи нашего государства составляют постоянный предмет наших живейших забот. Мы при различных обстоятельствах не раз высказывали наше желание достигнуть этих целей. На этом пути у нас не было недостатка в поддержке и облегчении... хотя финансы, этот живой источник силы и могущества государств, не могли еще покуда достигнуть того состояния, которое внушало бы желаемое доверие». Затем следовало «но», при помощи которого начинались разъяснения, каких успехов достигло в последнее время турецкое правительство, сделавшее сотни реформ, поглотивших деньги, и заявлялось, что кредит государства укрепляется все более и более каждый день, что доходы увеличиваются, что правительство создало «настоящий финансовый бюджет» и т.д. Эта речь была сознательной ложью султана, но эта ложь была нужна для того, чтобы удачнее заключить новый внешний заем. Впрочем, этих «речей» было недостаточно для надувания общества: нужны были проделки гораздо покрупнее.

В начале 1872 года Махмуд-паша и Эмир-паша выработали бюджет на время от 1 марта 1872 г. по 28 февраля 1873 г. Согласно с этим бюджетом дефицит не должен был превышать 1/2 миллиона фунтов стерлингов. Это был первый обнародованный государственный закон, касавшийся турецких расходов и доходов. Когда при помощи этого подробного и обстоятельного бюджета было приобретено доверие на лондонской бирже и был заключен заем, — оказалось, что вся эта роспись приходов и расходов была чистейшим и наглым надувательством. С крайне циничною развязностью правители признались, что все это было простым «ловким маневром», «военною хитростью». Великий визирь назначил комиссию для проверки бюджета, и Эмир-паша, сделавшийся в это время губернатором Смирны, был отставлен и привлечен к ответственности.

Оказалось, что сбережения в расходах, выставленные в бюджете, должны были быть достигнуты при помощи отставки чиновников, а увеличение доходов не основывалось ни на чем; десятинный сбор с земледельцев не обуславливался увеличением урожая и был произвольно увеличен на бумаге; табачная же монополия, предоставленная правительством двум греческим банкирам, Заграфи и Зарифи, грозила, кроме того, совсем уничтожить возделывание табака. Не лучше были и другие бюджеты. Так, в бюджете на 1874 – 1875 год показывалось увеличение доходов против 1873 года с лишком на 20 000 000 рублей. Но из всех государственных доходов только 1/29 часть, то есть сбор с Египта, Румынии, Сербии, могла считаться верною, остальные же 28/29 частей доходов были или сомнительны, или преувеличены. Так, налог на дома в Константинополе был неверен вследствие переселения массы домовладельцев из Стамбула, а новый патентный сбор с иностранцев был встречен на первых же порах протестом со стороны всех дипломатов. Голод в Диарбекире и Ангоре, наводнение в Багдаде, чума в Аравии тоже заставляли бояться за успешные сборы податей, хотя эти подати и собирались настоящими грабителями. Но турецкие финансисты не унывали и к следующему году придумали новую ловушку для доверчивых людей. При составлении бюджета на 1875 – 1876 год был обнародован закон, согласно с которым министр финансов должен был пред-

ставить одобренный комитетом министров проект государственного бюджета на рассмотрение особой комиссии из высших сановников и членов финансового мира и потом поднести султану этот проект для разрешения недоразумений, могущих возникнуть между комиссией и министрами.

Все подобные реформы имели одну и ту же цель: обмануть европейские биржи. Но обман удавался не легко. Это уже видно из того, что при каждом новом займе турецким правительством терялась значительная часть капитальной суммы и ему приходилось платить очень большие проценты. Если принять, что весь турецкий долг доходил до 1 190 000 000 рублей, то можно смело утверждать, что в действительности в государственную кассу прибавилось не более 718 000 000 рублей, — по крайней мере, эти цифры подтверждаются финансовым альманахом, редактируемым в Константинополе. Кроме того, проценты по этим займам равнялись 7% и 11% с номинальной суммы, то есть средним числом 9,5%, а с действительно полученной суммы доходили до 15%. Все это показывает, что давать деньги турецкому правительству решались только те спекуляторы, которые играют на бирже в азартную игру. Заключались эти займы главным образом на лондонской бирже.

С 1854 года по 1869 год турецкие займы подписывались на французской и английской биржах, но после франко-прусской войны Франция успела освободиться от турецких бумаг, и турецкие займы стали заключаться исключительно в Англии. Но даже в Англии в 1873 году новый турецкий заем был встречен крайне холодно и едва мог состояться. В 1874 году Садык-паша должен был провести пять месяцев в Париже и Лондоне, чтобы заключить опять заем, причем банкирам-капиталистам был представлен проект конвенции между Оттоманскою Портою и оттоманским банком. Согласно с этою конвенциею, банк уполномочивался получать всю сумму доходов империи и обязывался прежде всяких других расходов уплачивать проценты и делать погашение фондов государственного долга. Банк должен был получать прямо от сборщиков податей все доходы империи.

Он уполномочивался выдавать из поступивших в него доходов деньги, необходимые для покрытия нужд государства, и производить расходы, разрешаемые бюджетною комиссиею, в которой банк *ex officio* имеет своего представителя. «Законом повелевается, чтоб никакая отрасль администрации не превышала в своих расходах той суммы, которая определена в бюджете, дозволенном комиссиею, и постановляется, что если по исключительным обстоятельствам откроется необходимость в дополнительном расходе, то подлежащий департамент входит с докладом к правительству об ассигновании суммы, по мере надобности, с обозначением предмета, требующего дополнительных расходов, — правительство же должно отослать доклад на одобрение комиссии, и только по ее одобрении временно допускается дополнительный расход». Таким образом, турецкое правительство дошло до того, что соглашалось сделать заем с условием подчиниться во всех своих расходах банку, который, конечно, должен был попасть в руки английских капиталистов. Если бы банк остался в руках турецких финансистов, то, разумеется, англичане не дали бы ни гроша турецкому правительству, зная, как часто оно устраивало подобные ловушки.

Итак, турецкое правительство дошло с своею системою займов до подчинения себя лондонским биржевикам, дошло до того, что и при этом подчинении капиталистам иностранного государства ему не удался заем в 1875 году. До такого унижения не доходило еще ни одно из сколько-нибудь значительных правительств, но до этого дошло и должно было неизбежно дойти правительство, по-видимому, самое сильное, самое гордое, с презрением смотревшее на все другие правительства, не знавшее никаких пределов своему произволу, распоряжавшееся судьбами подвластных ему народов совершенно бесконтрольно. К этому унижительному положению вела турецкое правительство вся система его управления государством. В этой системе лежали первые семена гибели Турции.

Джон Рёскин

Последнему, что и первому

<i>ПРЕДИСЛОВИЕ</i>	142
<i>ОСНОВЫ ЧЕСТИ</i>	147
<i>ЖИЛЫ БОГАТСТВА</i>	1587
<i>QUI JUDICATIS TERRAM</i>	1676
<i>AD VALOREM</i>	1798

Предисловие

Друг! Я не обижаю тебя; не за динарий ли ты договорился со мною? Возьми свое и пойди; я же хочу дать *этому последнему* то же, что и тебе.

Мат. 20. 13-14.

Если угодно вам, то дайте Мне плату Мою; если же нет, -- не давайте; и они отвесят в уплату Мне тридцать сребренников.

Захар. 11. 12.

1. Четыре прилагаемых очерка напечатаны полтора года тому назад в „Cornhill Magazine” и, насколько мне известно, встречены были крайне неодобительно большинством читателей, которым они попались на глаза.

Тем не менее, я по-прежнему остаюсь в уверенности, что они представляют лучшее, т.е. самое справедливое и полезное из всего, написанного мною, и что лучше последнего очерка, стоившего особенного труда, мне едва ли удастся что-либо написать.

„Очень может быть, — заметит читатель, — но из этого не следует, что они написаны хорошо”. Допуская это без всякого ложного смирения, я, тем не менее, вполне доволен этими очерками, хотя не могу сказать того же относительно всех остальных моих работ. Предполагая, если будет свободное время, заняться дальнейшей разработкой вопросов, затронутых в этих очерках, я желаю, чтобы предварительные понятия были доступны всем интересующимся, и потому перепечатаваю их в том виде, в каком они впервые появились.

Одно только слово переименовано в определении ценности и ни одного не прибавлено¹.

2. Хотя я не считаю нужным ничего изменять в этих очерках, тем не менее очень жалею, что наиболее выдающееся в них положение относительно необходимости организации труда и установления твердо определенной платы встречается в первом очерке и притом в форме, по определенности далеко не соответствующей его важности. Главная цель и все значение этих очерков состоят в том, чтоб впервые, насколько мне известно, дать на понятном английском языке, — подобно тому, как это случайно давалось Платоном и Ксенофонтом на хорошем греческом, а Цицероном и Горацием на хорошем латинском, — логическое определение „богатства”, безусловно необходимое как основа экономической науки. Наиболее известные очерки по этому вопросу из числа появившихся за последнее время начинают с утверждения, что предмет политической экономии есть учение или исследование о природе богатства², и вслед за тем говорят, что „каждый имеет достаточно правильное общее понятие о том, что разумеется под словом богатство, и что предлагаемые очерки не имеют своей целью признавать метафизическую необходимость такого определения³.

¹ *Примечание ко 2-му изданию.* Я сделал небольшое прибавление к заметке в предисловии и считаю нужным буквально перепечатать и сделать его по возможности доступным для всех как наиболее ценное по своему содержанию из всего, когда-либо мною написанного.

² Очевидное противоречие: где необходимо исследование, там учения еще не существует.

³ Принципы Политической экономии Д. С. Милля. Предварительные замечания, стр. 3, пер. Остроградской.

3. В метафизической необходимости мы, конечно, не нуждаемся, но логическая точность по отношению к физическому предмету безусловно нужна.

Представьте себе, что предмет вашего исследования не закон хозяйства (экономия — *Oikonomia*), а закон звезд (астрономия — *Astronomia*), и что, игнорируя различие между подвижными и неподвижными звездами, как здесь между лучистым и отраженным богатством, ученый начинает свое исследование такими словами: „Каждый обладает довольно правильным общепринятым понятием о том, что разумеется под словом звезда. Метафизическая необходимость определения звезды не есть предмет настоящего исследования”. И однако очерк, начинающийся с такого заявления, может быть гораздо более верен в своих заключительных выводах и в тысячу раз более полезен для моряков, чем для экономистов — любой трактат по политической экономии, основывающий свои выводы на общепринятом понятии о богатстве.

4. Поэтому я в предлагаемых очерках предполагаю прежде всего дать точное и твердо установленное определение понятия о богатстве, а затем показать, что приобретение богатства, в конце концов, возможно только при известных нравственных условиях общества, из которых на первом плане стоит уверенность в существовании честности и в ее громадном значении даже для практических целей.

Не решаясь утверждать, — так как в подобных вопросах человеческое суждение не может быть решительным, — какое самое благородное из всех Божиих творений и какое нет, мы можем однако же признать, как и Поп, что честный человек принадлежит к числу лучших созданий Божиих и, при современном порядке вещей, к числу довольно редких, хотя и не представляющих какого-нибудь невероятного чуда; тем более естественно признать, что честность не является фактором, нарушающим обычный ход экономической жизни, а представляет собой силу, постоянно его направляющую, повинуюсь которой, а не какой-либо другой, орбита его может все более выступать из бесформенного хаоса.

5. Правда, мне приходилось иногда слышать порицание Попа за то, что его мерило слишком низко, но никогда не случилось слышать упрека в том, что мерило это слишком высоко: „Честность действительно очень почтенная добродетель, но человек может достигнуть и гораздо более возвышенного. Неужели от нас будут требовать только, чтоб мы были честны?”

Пока, друзья, только этого. Мы, в наших мечтах о чем-то более возвышенном, чем честность, лишились, по-видимому, даже понимания свойств ее, лишились веры и во многое другое, о чем здесь не будет речи. Но на то обстоятельство, что мы безусловно лишились веры в общую честность и ее деятельную силу, здесь необходимо обратить внимание, и первая наша обязанность должна состоять в восстановлении и сохранении этой веры и тех фактов, которые могут лечь в основу ее; мы должны не только предполагать, но убедиться на опыте, что и теперь существуют в мире люди, которых от обмана удерживают чувства, не имеющие ничего общего с опасением лишиться занятия или работы¹, и что именно в точном

¹ „Истинно дисциплинируют рабочего не его корпорации, а его заказчики. Опасение лишиться работы удерживает его от обмана и исправляет его неряшество”. (Богатство Народов. Книга I, глава 10).

соответствии с числом таких людей в государстве это последнее только и существует и может существовать.

И вот на рассмотрение этих-то вопросов и направлены предлагаемые очерки. Вопрос об организации труда затрагивается в них лишь случайно; и очевидно, что если в наших руководителях будет достаточно честности, то организация труда легко устроится и разовьется без споров и затруднений; если же честности в них не окажется, то организация труда останется навсегда невозможной.

6. Различные условия возможности организации труда я подробно рассмотрю впоследствии. Но чтобы читатель при исследовании основных принципов не устрасался некоторых встречающихся в них указаний и не подумал, что ему неожиданно предлагается вступить на опасный путь, то для успокоения его я считаю нужным сразу изложить те крайние пределы политических верований, достижения которых я бы очень желал.

1) Во-первых. Я желаю, чтоб во всей стране организованы были общеобразовательные школы для юношества на счет государства¹ и под его руководством: чтоб каждый ребенок, родившийся в Англии, мог по желанию родителей (а в известных случаях и обязан был под страхом наказания) пройти весь курс этих школ, где, помимо других, второстепенных знаний, обязательно обучался бы следующим трем предметам по лучшему способу, выработанному в данное время:

- a) законам здоровья и необходимым для этого упражнениям,
- b) благородству и справедливости,
- c) своему призванию в жизни.

Примечание ко второму изданию.—Единственное примечание в этой книге, которое я считаю нужным сделать, состоит в том, что я желал бы попросить читателя-христианина самым серьезным образом подумать, до какого подлого состояния души человеческое существо должно дойти, чтоб, читая такие изречения, соглашаться с ними, а тем более, чтоб высказывать их. В противоположность им, я приведу здесь основное торговое правило Венеции, найденное мною в главной ее церкви:

„Вокруг этого храма да будет законом купца справедливость, да будут весы его верны, обязательства его чужды обмана“.

Если кто-либо из моих читателей найдет, что тон этого примечания слишком резок или неприличен, то я попрошу его со вниманием прочесть 18 § Сезама и Лилий и быть уверенным, что я в настоящее время не допускаю в своих писаниях ни одного слова, которое, по строгому обсуждению, не находил бы в данном случае наиболее пригодным.

Венеция.

Воскресенье, 18 марта 1877 г.

² Недалекозоркие люди, вероятно, спросят, на какие суммы будут содержаться такие школы? Я впоследствии рассмотрю непосредственные источники доходов на этот предмет, теперь же замечу, что школы с избытком покроют производимые на них расходы. Одна экономия от уменьшения числа преступлений (этих, чуть ли не самых дорогих предметов роскоши на современном европейском рынке) под влиянием школ превысила бы в десять раз все расходы по народному образованию; экономия в труде была бы той чистой и громадной прибылью, которую в настоящее время трудно даже вычислить.

2) Во-вторых. Чтоб в связи с этими воспитательными школами устроены были, — тоже под руководством государства — фабрики и лавки для производства и продажи всех предметов, необходимых для жизни и для занятия всеми полезными искусствами. Нимало не препятствуя частной инициативе и не облагая никакими стеснениями или налогами частные предприятия, предоставляя им свободно вести свои дела, как они сочтут за лучшее, и быть, если могут, во всех отношениях выше правительственных организаций, последние должны служить образцами производства и торговли неподдельными и хорошими товарами так, чтобы любой человек, предпочитая заплатить установленную цену, мог иметь уверенность, что получит образцовый хлеб, эль и настоящую работу.

3) В-третьих. Чтоб любой человек, безразлично мужчина, женщина, девушка или парень, оставшийся без работы, был обязательно принят на ближайшую государственную фабрику и снабжен той работой, к которой он по надлежащему испытанию окажется наиболее пригодным, получая определенную плату, установленную на целый год. Если человек оказывается неспособным к труду по незнанию, то он должен быть обучен какому-нибудь ремеслу, если по болезни, то ему должна быть предоставлена медицинская помощь; если же он просто отказывается от работы, то его следует строго принудить к самым мучительным и унижительным ее формам, преимущественно в рудниках и т. п. местах, где труд сопряжен с наибольшей опасностью (хотя эта опасность должна быть доведена до минимума путем тщательного регулирования и дисциплины), но, за вычетом расходов по содержанию, вся плата должна быть в распоряжении работника, как только он придет к более здравым понятиям относительно законов труда.

4) Наконец, все престарелые и неимущие должны пользоваться убежищем и известными удобствами, что было бы скорее почетно, чем позорно при господстве системы, которая не клала бы клейма преступности на несчастье и неудачу, так как (я повторяю здесь высказанное мною в „Политической экономии искусства“, к которой читатель и может обратиться за дальнейшими подробностями) „земледелец служит стране своим плугом точно так же, как люди средних классов своими саблями, перьями, ланцетами. Если его услуга и плата в здоровом состоянии меньше, то и награда, когда здоровье надломлено, может быть меньше, но не должна быть менее почетной; и столь же естественно и справедливо для земледельца получать пенсию от прихода, для которого он честно работал, как и человеку высших классов получать пенсию от страны, которой он честно служил”.

К этому положению я, в заключение, прибавлю только, что по отношению к дисциплине и плате за жизнь и смерть заключительные слова Тита Ливия о Валерии Публиколе „*de publico est datus*” не должны считаться бесчестной эпитафией.

7. Вот то, во что я верю и что я, поскольку мне позволяют силы, буду стараться выяснить и исследовать с различных сторон, рассматривая также и побочные вопросы; здесь я только вскользь касаюсь их, чтоб успокоить читателя относительно значения их крайних выводов, прося его иметь в виду, что в науке, имеющей дело с такими тонкими элементами, как элементы человеческой природы, можно отвечать только за полную справедливость принципов, а не за непосредственный успех планов; и, если спорно все, что в последних может быть достигнуто даже в ближайшем будущем, то тем более никто не может заранее

сказать, что явится конечным их результатом.
Данмарк Хиль

10 мая 1862 г.

Последнему, что и первому

ОЧЕРК I

Основы чести

1. Много обольщений в различные времена пленяло умы обширных масс, но из них едва ли не самым любопытным — и, во всяком случае, наименее заслуживающим уважения — является обольщение современной так называемой наукой о политической экономии, утверждающей, что наиболее целесообразные правила общественной деятельности могут быть определены независимо от влияния общественных чувств симпатии.

Бесспорно, как в алхимии, астрологии, магии и других суевериях, имевших столь же широкое распространение, так и в основе политической экономии лежит обольстительная мысль. „Чувства симпатии, говорят политико-экономы, случайны в человеческой природе и нарушают естественный ход человеческой деятельности, тогда как алчность и жажда успеха являются постоянными ее свойствами. Устраним же непостоянные элементы и будем рассматривать человека просто как орудие, движимое алчностью, и исследуем, путем каких законов труда, купли и продажи достигается наибольшее накопление богатств. Раз эти законы будут определены, каждый может впоследствии ввести в какой ему угодно мере случайные чувства симпатии и определить для себя результаты новых предполагаемых условий”.

2. Это было бы логически вполне правильным и плодотворным способом исследования, если бы мнимо случайные элементы, впоследствии вводимые в исследование, были по своей природе однородны с первоначально рассматриваемыми силами. При предположении, что тело находится в движении под влиянием постоянных и случайных сил, самый простой и обыкновенный способ исследования состоит в том, чтоб рассмотреть путь этого тела при исключительном действии постоянных сил, а затем ввести в расчет и силы отклоняющие. Но изменяющиеся элементы в данной общественной задаче не однородны с постоянными, и, изменяя самую сущность исследуемых сил, они производят не количественное, а качественное, не математическое, а химическое изменение, вследствие которого все предварительное исследование лишается своего значения.

Мы производили исследования над чистым азотом и убедились, что это такой газ, опыты с которым вполне безвредны; но вот перед нами тот же азот в соединении с хлором; и в ту минуту, когда в силу „твердо установленных принципов” мы прикасаемся к нему, происходит взрыв, и мы вместе с нашими приборами вылетаем в потолок.

3. Заметьте, что я отнюдь не отвергаю и не сомневаюсь в правильности выводов этой науки, если принять ее послышки. Я просто не интересуюсь этими выводами, как не интересовался бы выводами науки о гимнастических упражнениях, если бы она исходила из предположения, что люди лишены скелета. При этом можно было

бы доказать, что обучающихся крайне удобно скатывать в шарики, сплющивать в лепешку или вытягивать в длинные канаты, и что, раз это будет проделано, можно ввести в расчет и скелет, сделав соответствующие изменения в полученных результатах. Все эти рассуждения могут быть замечательно логичны, выводы вполне правильны, но только вся такая наука окажется ни к чему не приложимой.

Современная экономическая наука как раз находится в таком же положении.

Признавая, что человек не лишен скелета, она исходит из обратного предположения, что он состоит исключительно из костей, и выводит соответствующую окостеневшую теорию прогресса из отрицания в человеке души; показав, где предел того, что может быть получено из костей и, построив ряд геометрических фигур из черепов и плечевых костей, она успешно доказывает неудобство появления души. Повторяю, что я не отрицаю правильности выводов этой теории, а утверждаю, что она не приложима к человеку и обществу в их действительном виде.

4. Эта неприменимость самым очевидным образом проявилась при затруднениях, вызванных последними стачками английских рабочих. Здесь ясно представился один из самых простых частных случаев тех основных жизненных проблем, которые составляют предмет политической экономии (отношения между нанимателями и рабочими); и вот в таком серьезном деле, когда вопрос идет о жизни множества рабочих и о приостановке значительного производства, политико-экономы оказываются бессильными и практически безгласными; никакого наглядного разрешения этого затруднения, которое могло бы убедить или успокоить обе противоположные стороны, они дать не в силах. Предприниматели упорно держатся одного взгляда, а рабочие не менее настойчиво — противоположного, и никакая экономическая наука не может привести их к соглашению.

5. Да и странно было бы, если б она имела эту возможность, так как не „наукой” люди приводятся к соглашению. Спорящие по очереди тщетно стремятся доказать, что интересы хозяев враждебны или не враждебны интересам рабочих; и никто из них, по-видимому, не признает той простой истины, что не всегда неизбежно между людьми возникает вражда в силу противоположности их интересов. Если в доме только одна корка хлеба, и мать с детьми голодают, то их интересы не одинаковы. Если мать съест корку, дети будут лишены пищи; если съедят корку дети, матери придется голодной приниматься за работу. Но из этого отнюдь не следует, что они неизбежно будут бороться из-за корки, и что мать, как самая сильная, отобьет ее у детей и съест. Точно так же всегда и при всевозможных условиях, нельзя с положительностью утверждать, что люди неизбежно должны относиться друг к другу враждебно и употреблять насилие или хитрость для достижения преимуществ только потому, что их интересы различны.

6. Но если б даже положение, что человек обладает теми же нравственными побуждениями, какими — крысы и свиньи, было столь же справедливо, как и удобно для дальнейших построений, то и тогда логические условия вопроса были бы непредрешимы.

Никогда нельзя заранее утверждать, одинаковы или противоположны интересы хозяина и рабочих, потому что, смотря по обстоятельствам, они могут быть и теми, и другими. В действительности как рабочие, так и предприниматели заинтересо-

ваны в том, чтоб работа была исполнена правильно и оплачивалась должным образом; но при распределении прибыли выгода одних может совпадать и не совпадать с интересами остальных. Совсем не в интересах хозяина давать такую низкую плату, чтоб рабочие болели и терпели нужду, и не в интересах рабочих получать высокую плату, если прибыль хозяина так мала, что он не в состоянии ни расширять своего производства, ни вести его на прочных и либеральных началах. Кочегар не может желать высокой платы, если компания до того бедна, что не может ремонтировать колес локомотива.

7. И разнообразие условий, влияющих на эти взаимные интересы, до того бесконечно, что все усилия вывести правила поведения из степени выгоды совершенно напрасны. Да они и должны быть таковыми, потому что мерилом всех человеческих поступков, как предназначено самим Создателем, служит не выгода, а справедливость; и, в силу этого, все усилия определить степень выгоды всегда бесплодны. Ни один человек никогда не знал и не может знать, каковы будут как для него, так и для других конечные результаты известного поступка или ряда поступков. Но каждый человек может знать, и большинство знает, какой поступок справедлив и какой нет. И все мы точно так же можем знать, что последствия справедливости, в конце концов, будут наилучшими, как для других, так и для нас, хотя и не можем заранее сказать, каково будет это наилучшее и как все это получится.

Я сказал „мерилом служит справедливость”, разумея, что в понятие о справедливости входит и та симпатия, которую человек должен питать к ближнему.

Все правильные отношения между хозяином и работником и все высшие их интересы в конце концов зависят от этого.

8. Самым простым и наглядным примером отношений между хозяином и работниками может служить положение домашней прислуги.

Предположим, что хозяин дома за ту плату, которую он дает, желает получить от своей прислуги только возможно большее количество работы. Он никогда не позволяет ей отдыхать, кормит и помещает ее как нельзя хуже и во всех отношениях доводит свои требования до тех крайних пределов, идя дальше которых, он лишился бы прислуги. Поступая так, он не нарушает „справедливости” в общепринятом значении этого слова. В силу договора все время и все силы прислуги принадлежат ему, и он ими пользуется; границы и степень притеснения определяются практикой соседних хозяев, т.е. общепринятой нормой платы за работу домашней прислуги. Если последняя может получить лучшее место, она свободна взять его, и хозяин может требовать за существующую рыночную плату только то количество труда, на какое прислуга согласится.

Такова точка зрения политической экономии, по мнению наиболее выдающихся представителей этой науки, утверждающих, что таким путем в среднем получается наибольшее количество труда от прислуги и наибольшая выгода для общества, а через это — наибольшая выгода и для прислуги.

Но в действительности это совсем неверно, и было бы, может быть, верно только в том случае, если б прислуга была машиной, приводимой в движение паром, электричеством или другой измеримой силой. Но прислуга — это такая машина, движущей силой которой является душа; и значение этого особенного двигателя как величины неизмеримой и неизвестной входит во все уравнения

политической экономии и помимо ее ведома изменяет все результаты.

Наибольшее количество труда будет произведено этой своеобразной машиной не за плату, не под давлением известных притеснений и не в силу нагревания, вызываемого топливом. Нет, наибольшее количество работы получится только тогда, когда побудительная сила, т. е. воля и дух человека, достигнет наибольшей мощи, в силу своего собственного пламени, а именно — своих симпатий.

9. Действительно, может встретиться такой случай, как это часто и бывает, что у хозяина, человека смышленного и энергичного, получается значительное количество механической работы под влиянием давления, направляемого сильной волей и мудрым руководством, и, наоборот, может встретиться, как это часто имеет место и в действительности, что хозяин нерадив и слаб характером (хотя и добр по природе), и тогда работы получается очень мало и притом очень плохой в силу того, что прислуга, при слабо развитом чувстве признательности, остается без всякого разумного руководства. Но как общее правило мы можем принять, что при известной доле энергии и смысла как хозяина, так и прислуги наилучшие материальные результаты получатся не при враждебных, а при добрых взаимных отношениях. Если хозяин, вместо того чтоб стараться получить возможно большее количество работы от прислуги, будет стремиться к тому, чтоб условленная и необходимая работа была выгодна и благотворна для самой прислуги и чтоб ее интересы соблюдались всеми справедливыми и полезными для нее способами, то получится действительно наибольшее количество работы и притом вполне добросовестной.

Заметьте, я говорю „вполне добросовестной”, потому что работа прислуги не всегда и не неизбежно представляет то лучшее, что она может доставить своему хозяину, так как польза прислуги крайне разнообразна во всех отношениях: и в виде материальных услуг, и в виде ограждения интересов и доверия хозяина, и в радостной готовности воспользоваться всякой случайной возможностью, чтоб оказать ему посильную помощь.

И справедливость этого в общем нимало не опровергается тем, что люди нередко злоупотребляют снисходительностью и за доброту платят неблагодарностью. Если прислуга, с которой обращаются любезно, неблагодарна, то при нелюбезном обращении она будет мстительна; и человек, нечестно относящийся к либеральному хозяину, будет стараться еще больше вредить несправедливому.

10. Во всех случаях и по отношению ко всем лицам это бескорыстное обращение дает самые действительные и наилучшие результаты.

Заметьте, что я рассматриваю здесь чувства симпатии исключительно как побудительную силу, а не как вещь желательную, благородную или хорошую в отвлеченном смысле. Я просто смотрю на них как на силу, лишаящую значения все обыкновенные расчеты политико-экономов. Если б они даже и пожелали ввести этот новый элемент в свои вычисления, то не имели бы никакой возможности воспользоваться им, так как эти чувства становятся истинной побудительной силой только при неведении всех остальных мотивов и условий политической экономии. Относитесь хорошо к прислуге в расчете получить выгоду от ее благодарности, и вы получите заслуженное, т. е. ни малейшей благодарности и ни малейшей отплаты за вашу мнимую доброту; но относитесь к ней хорошо без

всяких экономических соображений, и вы достигнете и благодарности, и пользы. И так во всем. „Кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее”¹.

11. Второй ясный и простой пример отношений хозяина к подчиненным представляют существующие между начальником полка и солдатами.

Предположим, что командир желает применять правила дисциплины так, чтоб при возможно меньшем для него беспокойстве полк был хорошо поставлен; при таком эгоистическом принципе он никакими мерами и способами не в состоянии будет развить полной энергии в своих подчиненных. Если он человек умный и с твердым характером, то может, как и в предыдущем примере, получить более выгодные результаты, чем глупый начальник при беспорядочной доброте; но если мы предположим одинаковый здравый смысл и одинаковую твердость характера в обоих, то, бесспорно, командир, вступающий в наиболее непосредственные, личные отношения к своим подчиненным, наиболее заботящийся об их интересах и наиболее ценящий их жизнь, вызвав симпатию к себе и доверие к своему характеру, разовьет в солдатах действительную энергию, недостижимую никакими другими средствами. Этот закон тем справедливее, чем большее количество людей он охватывает; известное приказание может быть успешно выполнено, хотя бы солдаты и не любили своего офицера, но редко выигрывалось сражение, если полки не любили своего генерала.

12. Переходя от этих простых примеров к более сложным отношениям, существующим между фабрикантом и его рабочими, мы при первом взгляде наталкиваемся на некоторые странные затруднения, проистекающие, по-видимому, из того, что нравственные элементы тут как бы не согреты душевной

¹ Различие между этими двумя способами обращения и их материальными результатами можно отлично видеть при сравнении отношений Есфири и Чарли в „Холодном Доме” и отношений мисс Брасс и Маркизы в „Часах господина Гемфрея”.

Существенное значение и правда Диккенсовых произведений неразумно упущены из виду многими мыслящими читателями единственно в силу того, что он представляет эту истину в несколько карикатурной окраске. Неразумно, говорю я, потому что карикатурность у Диккенса хотя часто и груба, но всегда безошибочна. В его способе передачи все вещи всегда правдивы. Я желал бы, чтоб он счел справедливым ограничить свои блестящие преувеличения произведениями, писанными только для забавы публики; а когда принимается за предмет, имеющий важное общественное значение, как напр., рассматриваемый им в „Тяжелых Временах”, то прибегал бы к более строгому и тщательному анализу. Польза этого произведения (величайшего, по моему мнению, из всех написанных им) умаляется для многих тем, что Баундерби — драматическое чудовище вместо того, чтоб быть представителем светских хозяев, а Стефен Блакпуль — драматическое совершенство, а не просто характерный образец честного рабочего. Но воспользуемся Диккенсовым остроумием и проницательностью невзирая на то, что он предпочитает говорить в ореоле сценического блеска. Он вполне прав в главных стремлениях и намерениях своих произведений, и все они, а в особенности „Тяжелые Времена”, достойны тщательного и серьезного изучения со стороны всех лиц, заинтересованных социальными вопросами. Они найдут многое у него пристрастным, а в силу этого как бы несправедливым; но если они примут во внимание всю очевидность обратной стороны, которую Диккенс как бы упускает из виду, то поймут, что в конце концов его взгляд вполне правилен, только высказан грубо и резко.

теплотой. Легко вообразить себе восторженную любовь солдат к своему полковнику, и не так легко представить себе восторженную любовь ткачей к владельцу фабрики.

Кучка людей, соединившихся с целью грабежа (как горные кланы в былое время), может быть воодушевлена полнейшей любовью к своему предводителю, и каждый член ее может быть вполне готов положить за него свою жизнь. Но кучка людей, соединившаяся с целью законного производства и накопления, обыкновенно не воодушевлена такими чувствами, и никто из них ни в каком случае не питает желания пожертвовать своею жизнью ради спасения своего хозяина. И такая кажущаяся аномалия встречается здесь не только в нравственных отношениях, но и в других, соответствующих им. Слуга или солдат нанимается за определенную плату на определенный срок; но рабочий на фабрике — за плату, изменяющуюся соответственно спросу на его труд, причем ему постоянно грозит опасность остаться без работы и без куска хлеба в силу различных колебаний в производстве. А так как при этих случайностях никакое проявление симпатии не имеет места, а сказываться может только неистовая антипатия, то внимание наше должно быть обращено на два вопроса.

Первый вопрос состоит в том, насколько рабочая плата может быть установлена вне зависимости от колебаний в спросе на труд.

И второй: насколько возможно, чтоб рабочие всегда (независимо от положения производства и без увеличения или уменьшения количества рабочих рук) получали плату, при которой они чувствовали себя бы заинтересованными в благосостоянии своей фабрики, подобно прислуге в старинных семьях, или — в *esprit de corps*, — солдатам, гордящимся своим полком.

13. Итак, первый вопрос, говорю я, состоит в том, чтоб определить, насколько рабочая плата может быть определена независимо от спроса на труд.

Одним из курьезнейших фактов в истории человеческих заблуждений является отрицание со стороны политико-экономов возможности такой определенной рабочей платы в то время, как во всех важнейших и во многих неважных областях труда здесь, на земле, она уже имеется в действительности.

Мы не продаем с аукциона должности первого министра или епископа, и, как ни выгодно может быть симония, мы не предлагаем епархий тем духовным лицам, которые возьмутся служить за самую низкую плату или дадут самую высокую цену.

Мы (с изысканным остроумием политической экономии) продаем в действительности некоторые назначения, но открыто не торгуем генеральскими местами; заболев, не ищем наиболее дешевого доктора; судьясь, никогда не думаем торговаться с судьями; захваченные ливнем, не разбираем извозчиков и не стараемся отыскать самого дешевого. Правда, что во всех этих случаях существует — как и вообще должна быть — конечная зависимость от предполагаемой трудности работы и от количества лиц, желающих ею заняться.

Если б курс, пройти который необходимо студенту, чтоб стать хорошим доктором, проходил бы массой студентов в надежде получать за свои визиты не по два рубля, а по рублю, то публика, конечно, не стала бы платить им двух. В этом смысле плата за труд действительно всегда определяется спросом, но что касается до практического и непосредственного разрешения вопроса, то лучший труд всегда

оплачивался и оплачивается определенной суммой, как это и должно быть по отношению ко всякого рода работе.

14 „Как! — воскликнет удивленно читатель, — дурной и хороший рабочий должны получать одинаковую плату?“

Конечно. Разница между проповедью одного епископа и другого или между мнением одного врача и его собрата гораздо больше и по результатам гораздо важнее для вас, чем между хорошей и дурной кладкой кирпича; и, однако ж, вы платите и хорошим, и дурным врачам вашей души и вашего тела одинаково, и тем более должны одинаковой платой вознаграждать и дурного, и хорошего работника. „Но я выбираю себе врача и духовника, и тем выражаю мое предпочтение к качеству их труда“. — Выбирайте себе также и каменщиков; истинная награда хорошего рабочего и состоит в том, что его предпочитают другим. Естественная и правильная система отношений во всякого рода работе заключается в определенности платы за нее, причем хороший рабочий будет всегда занят, а дурной — нет. При ложной, противоестественной и губительной системе дурной рабочий имеет всегда возможность предлагать свой труд за половинную цену и, в силу этого, или замещать хороших, или принуждать последних работать за половинную плату.

15. Из вышесказанного видно, что равенство платы за труд есть первый вопрос, к правильному разрешению которого мы должны отыскивать самый прямой и пригодный путь. Второй же вопрос, как мы выше сказали, состоит в том, чтоб держать постоянно определенное количество рабочих независимо от случайностей спроса на предмет их производства.

Я думаю, что внезапные и разорительные колебания в спросе, неизбежно возникающие в промышленных операциях деятельного народа, представляют единственное затруднение, которое предстоит преодолеть для правильной организации труда.

Вопрос этот слишком разносторонен, чтоб можно было рассмотреть его целиком в таком кратком очерке, но мы отметим по крайней мере следующие общие явления.

Плата, дающая рабочему возможность существовать, неизбежно должна быть выше в том случае, если ему приходится работать с перерывами, а не постоянно. И как бы сурова ни была борьба из-за работы, тем не менее мы всегда можем принять за общее правило, что в среднем люди должны получать более высокую поденную плату, если они рассчитывают, что им придется работать в неделю не шесть дней, а только три. Предположим, что человек может жить не меньше, как на полтинник в день; при таких условиях он свои семь полтинников должен получить или за трехдневную усиленную или за шестидневную сравнительно легкую работу.

Стремление всех современных промышленных операций ведет к тому, что и производство и торговля принимают форму лотереи; что плата рабочим зависит от спроса с перерывами, а прибыль фабрикантов — от умения их ловко пользоваться различными случайностями.

16. Повторяю, я не стану рассматривать здесь вопрос о том, в какой степени такой порядок неизбежен вследствие современной промышленности, но скажу только, что в своих роковых проявлениях он, бесспорно, совершенно не нужен и является просто результатом алчности хозяев, с одной стороны, и невежества

рабочих — с другой.

Фабриканты не могут утерпеть, чтоб не воспользоваться первой представившейся им возможностью нажить деньги, и бешено бросаются в каждую расщелину и в каждый пролом, образующиеся в стенах наживы, неистово желая обогатиться и с алчным упорством сопротивляясь возможности разориться, тогда как рабочие предпочитают усиленно работать три дня и три дня гулять вместо того, чтоб шесть дней умеренно работать и мудро отдыхать. Фабрикант, действительно желающий помочь своим рабочим, ничем не может оказать им большей пользы, как искоренением этих беспорядочных привычек как в себе, так и в них; он должен вести свои дела так, чтоб всегда иметь возможность продолжать производство без перерывов, приучая в то же время рабочих к правильной жизни и работе, убеждая их предпочитать сравнительно низкую, но постоянно определенную плату более высокой, при которой они всегда рискуют быть выброшенными на улицу; он должен, если это возможно, противодействовать системе усиленной работы за мнимую высокую поденную плату, убеждая людей брать более низкую за работу более легкую, но регулярную.

При всяких подобного рода радикальных переменах люди, предпринимаящие их, бесспорно терпят немало неудобств и потерь. Но не всегда является обязательным и наиболее полезным делать то, что не представляет нам никаких потерь и неудобств.

17. Я уже указал на разницу, существующую между полками людей, соединенных с целью насилия и с целью промышленного производства, на разницу, состоящую в том, что первые способны к самопожертвованию, а последние — нет; это странное обстоятельство служит причиной гораздо меньшего уважения занятия торговлей и промышленностью, чем занятия военным ремеслом. С первого взгляда кажется неразумным — и многие писатели старались доказать это, — что мирные и рассудительные люди, занятие которых состоит в том, чтоб покупать и продавать, пользуются меньшим почетом, чем буйные и часто безрассудные люди, занимающиеся убийством. Тем не менее человечество, вопреки философам, отдавало всегда предпочтение солдатам.

И это вполне справедливо.

Задача военных в сущности состоит не в том, чтоб убивать, а чтоб быть убитыми, и вот за что мир, хотя и довольно бессознательно, чтит их ремесло. Убивать есть дело палачей, и мир никогда не чтит их выше купцов, но он уважает солдат за то, что они отдают свою жизнь к услугам государства. Солдат может быть беспечен, пристрастен к удовольствиям и приключениям; всевозможные побочные побуждения, и притом довольно низкого свойства, могут влиять на выбор им этого ремесла и руководить его повседневным образом жизни, но мы уважаем его за то, что, поставленный в проломе крепостной стены и имея позади себя всевозможные удовольствия мира, а впереди только долг и смерть, он, как мы уверены, не отвернется, а смело пойдет вперед; и он знает, что такой выбор может каждую минуту представиться ему, и поэтому заранее решился и всегда готов смело встретить смерть.

18. Не меньшее уважение питаем мы к юристам и врачам — уважение, основанное на их предполагаемой самоотверженности. При всей учености и ловкости юриста мы, главным образом, уважаем его в силу нашей уверенности,

что, заняв место судьи, он, невзирая ни на что, будет стараться судить справедливо. Если б мы могли предположить, что он будет брать взятки и пользоваться своей ловкостью и своим знанием законов для содействия несправедливым решениям, то, как бы умен он ни был, мы не могли бы уважать его. И это уважение мы питаем к нему исключительно в силу нашей твердой уверенности, что во всех важных случаях его жизни справедливость будет играть главную роль, а его личный интерес — второстепенную.

В отношении к врачу причина нашего уважения еще яснее. Как бы громадны ни были его знания, мы с ужасом отшатнулись бы от него, если б он смотрел на пациентов как на субъектов, пригодных для его опытов, а тем более если б узнали, что, подкупленный лицами, заинтересованными в смерти его пациентов, он употребляет все свое искусство на то, чтоб под видом лекарства предлагать им яд.

Наконец, тот же принцип становится вполне очевиден в применении к духовным лицам. Никакая доброта характера не заменит во враче недостатка знаний или проницательности ума в адвокате; но духовное лицо, если даже его умственные способности ограничены, пользуется уважением в силу предполагаемого значения самой его самоотверженности.

19. Бесспорно, что для успешного ведения обширного коммерческого или промышленного предприятия требуется если и меньше такта, предусмотрительности и решимости, чем их нужно великим юристам, полководцам или пастырям, то, во всяком случае, столько же, сколько их требуется заурядным капитанам на кораблях и в полках или викарным священникам сельских приходов. И если представители всех так называемых либеральных профессий пользуются в публике большим уважением, чем главы коммерческих фирм, то причина этого должна лежать глубже, чем в различии требуемых умственных способностей.

И главная причина такого преимущества кроется в том, что фабрикант или купец действует всегда, как мы предполагаем, эгоистично. Его деятельность может быть очень полезна для общества, но мы считаем, что мотивы такой деятельности чисто личные. По мнению публики, первая задача всякого купца состоит в том, чтоб нажиться как можно больше в ущерб соседу (или покупателю). Публика, считая это в силу существующего политического строя необходимым принципом деятельности предпринимателя, рекомендует это ему во всех случаях, и сама, в свою очередь, применяя это, провозглашая громогласно, что, следуя всемирным законам, покупатель должен стараться по возможности дешевле покупать, а продавец — надувать, тем не менее невольно осуждает торговца за то, что он поддается правилу, установленному ею же, и навсегда клеймит его как существо низшее в ряду остального человечества.

20. Публика неизбежно должна отказаться от такого взгляда. Она не может перестать осуждать себялюбие, и ей предстоит перейти к такого рода промышленности, которая не была бы исключительно эгоистичной, или, вернее, ей приходится признать, что никогда не было и не может быть промышленности исключительно эгоистичной, что, так называемая ею, промышленность была совсем не промышленностью, а обманом, и что торговец, следующий законам современной политической экономии, не имеет ничего общего с настоящим торговцем. Ей необходимо признать, что торговля есть занятие, которое господа с каждым днем будут все охотнее предпочитать ремеслу ораторов и воинов, что в

настоящей промышленности, как и в настоящей проповеди или битве, необходимо допустить идею добровольного лишения, что иногда долг обязывает жертвовать так же денежными выгодами, как и жизнью; что рынок не менее, чем трибуна, должен иметь своих мучеников, и промышленность должна быть столь же героической, как и война.

Да, должна со временем, а может быть отчасти и теперь, и если она не была таковой до сих пор, то только потому, что многие врожденные герои с детства направлены были на другие поприща деятельности, отрицая то поприще, которое в наши дни является может быть самым важным из всех; так что в то время, как многие ревностно жертвуют своею жизнью, стараясь научить букве евангельских заповедей, очень немногие готовы лишиться сотни рублей для практического применения в жизни хоть одной из них.

21. Бесспорно, что никогда публика не имела ясного понятия об истинной обязанности промышленника по отношению к остальным людям, и мне хотелось бы, чтоб читатель составил себе об этом верное представление.

Пять великих умственных профессий для удовлетворения потребностей человеческой жизни существовали до сих пор; три из них существуют неизбежно в каждой цивилизованной нации.

Профессия солдата, задача которой состоит в том, чтоб защищать народ.

Священника — обучать народ.

Врача — поддерживать его здоровье.

Юриста — развивать в нем справедливость.

И промышленника — снабжать его необходимыми продуктами.

И все эти люди должны быть готовы в случае надобности, умереть, исполняя свои обязанности.

Да, „в случае надобности”, то есть, как солдат должен быть готов скорей умереть, чем покинуть свой пост на войне, как врач должен скорее умереть, чем покинуть свой пост во время эпидемии, или священник — чем проповедовать ложь, а юрист — чем допустить несправедливость, так и промышленник должен скорей предпочесть смерть...чему?

22. Вот важный вопрос как для промышленников, так и для всех нас; потому что человек, не знающий, за что он должен и готов умереть, не знает, как и для чего жить.

Заметьте, что обязанность торговца или фабриканта (потому что в широком смысле под словом торговец мы разумеем и всех предпринимателей) состоит в том, чтоб снабжать нацию предметами, удовлетворяющими ее материальным потребностям. Получение прибыли так же мало составляет его задачу, как для духовного лица — получение платы. Эта плата является должным и необходимым дополнением, но не задачей жизни, если он истинный священник, и то же самое справедливо и по отношению к гонорару врача. Да, прибыль или плата не есть задача жизни истинного предпринимателя. И он, как и священник, и врач, если они истинные люди, имеет дело, которое должен исполнять независимо от платы, — исполнять во что бы то ни стало, даже вопреки всякой прибыли. Долг священника состоит в том, чтобы поучать, врача — исцелять, а промышленника — снабжать; т. е. он должен вполне изучить качества тех предметов, которые производит или продает, и средства приобретения или производства их, применяя всю свою

ловкость и энергию к приобретению или производству их в самом совершенном виде, равно как и к снабжению ими всех наиболее нуждающихся по возможно дешевой цене.

Производство и приобретение средств удовлетворения всех жизненных потребностей неизбежно предполагает содействие многих людей и рук, а потому промышленник по самому своему занятию становится хозяином и руководителем (хотя и не признанным) обширной массы людей, к которым он стоит в более непосредственных отношениях, чем офицер или пастор; он становится в значительной степени ответственным за тот род жизни, который ведут рабочие, и должен не только всегда следить за тем, чтоб предметы, предлагаемые им, производились самым дешевым и совершенным способом, но и за тем, чтоб рабочие, занятые производством или перевозкой, получали от этого возможно больше выгоды и удобств для себя.

23. Как врач и священник для надлежащего выполнения своей задачи должны напрягать все свои умственные способности, все свое терпение, доброту и тактичность, так и торговец должен не щадить своей энергии и в случае надобности даже жертвовать своей жизнью. В деле снабжения ему приходится твердо соблюдать два главных условия; во-первых, не изменять своим обязательствам (верность своим обязательствам есть основа успешности всякого промышленного предприятия); и во-вторых, следить за совершенством и неподдельностью предметов, которыми он снабжает или которые производит; он должен безбоязненно встречать невзгоду, бедность и труд, могущие выпасть ему на долю, но отнюдь не допускать нарушения своих обязательств и так же не соглашаться на подмен, подмесь или подделку, как и на высокие, несправедливые цены.

24. Далее, в качестве руководителя рабочих фабрикант или торговец снабжен истинно отеческой властью и ответственностью. В большинстве случаев юноша, вступающий в коммерческое или фабричное заведение, удален от домашнего воздействия и влияния; его хозяин должен заменить ему отца, так как иначе никто не в состоянии оказать ему практической постоянной помощи; во всех случаях авторитет хозяина, общий тон и дух предприятия, как и характер людей, с которыми ему приходится вместе жить и работать, имеют большее значение, чем домашнее влияние, которое, на пользу или во вред рабочему, постепенно исчезает; так что единственная возможность хозяину оказать справедливость человеку, находящему у него занятие, заключается в том, чтоб постоянно относиться к нему так, как он относился бы к своему сыну, если б последний, в силу различных обстоятельств, вынужден был поступить к нему в служащие или в рабочие.

Предположим, что капитан корабля считает за лучшее или принужден заставить своего сына стать обыкновенным матросом; как он отнесся бы тогда к своему сыну, так он обязан относиться и ко всем людям, подвластным ему. Предположим точно так же, что хозяин фабрики находит нужным или вынужден в силу каких-нибудь обстоятельств поставить своего сына в положение простого рабочего; как обращался бы он тогда с своим сыном, так должен он обращаться и со всеми своими рабочими. Таково единственно действительное, истинное и практическое правило, которое политическая экономия может предложить по данному вопросу.

И как капитан корабля должен последним покинуть свой корабль в случае крушения, разделить последнюю корку с матросами в случае голода, так и фабрикант при всяком коммерческом кризисе или бедствии должен разделить невзгоду со своими рабочими и принять на себя бóльшую долю лишений, с готовностью пожертвовать собою ради рабочих.

25. Все это может показаться очень странным, но вся действительная странность наших рассуждений заключается в их разумности. Все сказанное нами верно, не только отчасти или в теории, но всецело и на практике; все иные учения по вопросам политической экономии ложны по своим посылкам, нелепы в своих дальнейших выводах и невозможны на практике для прогрессивного развития народной жизни. Вся истинная наша жизнь как нации проявляется в том, что немногие сильные умы и правдивые сердца безусловно отрицают и презирают те экономические принципы, которые проповедуются большинству и которые ведут общество неизбежно к гибели. Как и к какой гибели они приведут, я надеюсь показать в следующих главах, где выясню и дальнейшую практическую задачу истинной политической экономии.

О Ч Е Р К И I

Жилы богатства

26. Обычные возражения политико-экономов на положения, высказанные в предыдущем очерке, сводятся в немногих словах к следующим:

„Вполне верно, что некоторые выгоды общего характера могут быть достигнуты путем развития чувств симпатии. Но мы, политико-экономы, никогда не принимали и не принимаем в расчет преимуществ общего характера. Наша наука просто занимается вопросом о накоплении богатств. Не предаваясь обманчивым мечтам, она, основанная на строгом опыте, имеет бесспорное практическое значение. Лица, следующие ее наставлениям, действительно становятся богатыми, а не повинующиеся ей впадают в бедность. Все капиталисты Европы приобрели свои состояния, следуя законам нашей науки, и, не отступая от них, ежедневно увеличивают свои капиталы. Тщетно против силы существующих фактов вы стали бы прибегать к логическим уловкам. Каждый деловой человек по опыту знает, как приобретаются и как тратятся деньги”.

Извините меня. Деловые люди в действительности знают только, как они сами наживали деньги и как, при случае, лишались их. Играя в издавна практикуемую игру, они свыклись с шансами ее карт и могут правильно объяснить свои выигрыши и проигрыши, но не знают, кто держит банк игорного дома, в какие игры можно еще играть теми же картами и какие выигрыши и проигрыши во всех отдаленных темных улицах невидимо, но неизбежно зависят от игры в освещенных комнатах их игорного дома. Они изучили немногие, очень немногие законы торговой, меркантильной экономии и остаются в полном неведении относительно законов политической экономии.

27. Во-первых, как это ни удивительно и ни курьезно, деловые люди, насколько я мог заметить, очень редко понимают смысл слова „богатство”, а если и

знают его, то в своих рассуждениях упускают из виду, что оно имеет относительное значение, так же неизбежно предполагая противоположное ему „бедность”, как север неизбежно предполагает существование юга. Люди почти всегда толкуют и пишут так, как будто богатство представляет нечто абсолютное и как будто есть возможность всем быть богатыми, следуя известным научным рецептам. В действительности же богатство есть сила, которая, подобно электричеству, действует только при существовании неравенства или противоположностей. Сила рубля в вашем кармане вполне зависит от отсутствия его в кармане вашего соседа. Если бы последний не нуждался в нем, он был бы бесполезен и для вас; степень его власти вполне зависит от того, насколько ваш сосед нуждается или желает обладать им, и искусство богатеть, в обычном смысле меркантильных экономистов, есть неизбежно также искусство удерживать ближнего в состоянии бедности. Я редко спорю против общепринятых терминов и не стал бы делать этого и в данном вопросе, если бы не желал, чтобы читатели ясно и основательно поняли различие между двумя экономическими школами, которым безразлично придаются названия „политической” и „меркантильной”.

28. Политическая экономия (экономия государства или граждан) учит просто производству, сохранению и наиболее своевременному и целесообразному распределению предметов полезных и приятных. Фермер, своевременно убирающий сено, кораблестроитель, правильно вбивающий болты в здоровый лес; архитектор, воздвигающий здания из хороших кирпичей и на хорошо разведенной известке; хозяйка дома, заботящаяся об обстановке ее гостиной и о том, чтобы на кухне ничего не пропало даром; певец, правильно пользующийся своим голосом, никогда не насилуя его; все это — политико-экономы в истинном и конечном смысле этого слова, так как они постоянно содействуют богатству и благосостоянию того народа, к которому принадлежат.

Но меркантильная экономия, экономия торга или платы, означает накопление в руках отдельных личностей законного права или власти над трудом других, и такое право неизбежно предполагает бедность или задолженность, с одной стороны, и соответствующую богатству власть — с другой.

В силу этого рост такого богатства не сопровождается неизбежно увеличением действительного имущества или благосостояния известного государства. А так как денежное богатство или власть над трудом почти всегда может легко быть превращена в действительное, реальное имущество; реальное же имущество не всегда тотчас же превращается во власть над трудом, то понятие о богатстве у деловых людей цивилизованных стран обыкновенно относится к денежному богатству; и, они оценивая свое имущество, чаще определяют ценность лошадей и полей тем количеством рублей, которое они могут выручить за них, чем количество рублей — числом лошадей и полей, которые они могут купить.

29. Другое основание для такого обычного образа мыслей заключается в том, что накопление реальной собственности мало приносит пользы ее владельцу, если оно при этом не сопряжено с денежной властью над трудом. Предположите, например, что человек имеет обширный участок плодородной земли с обильными золотыми россыпями, бесчисленные стада прелестного скота пасутся на его лугах, дома, сады и амбары его изобилуют всевозможными запасами полезных предметов, но предположите, что при всем этом владелец не может добыть себе ни

слуг, ни рабочих. Для того, чтоб иметь их, необходимо, чтобы кто-нибудь по соседству с ним был беден и нуждался в его золоте или хлебе. Но если таковых нет и он не может раздобыть прислуги или рабочих, то ему остается самому печь хлеб, шить себе одежду, пахать поле и пасти стада. Его золото будет ему так же полезно, как и любые желтые голыши на его поле. Его запасы должны гнить, так как он не в состоянии их потреблять: пищи и одежды ведь ему нужно не больше, чем любому человеку. Он принужден будет вести суровую и трудовую жизнь, чтобы пользоваться даже самыми обычными удобствами, и в конце концов он не в силах будет ни поддерживать своих домов в исправности, ни обрабатывать своих полей, и ему придется довольствоваться скромным домиком и садом среди обширных заброшенных пустырей, истоптанных одичавшими стадами и загроможденных развалинами дворцов, которые он не решится назвать „своей собственностью”, так как это звучало бы чересчур горькой насмешкой.

30. Самый жадный человек едва ли с восторгом согласился бы принять богатство на таких условиях. В богатстве действительно пленительна власть над людьми, в самом простом виде — власть над трудом прислуги, работников, ремесленников и художников; в более же широком смысле — авторитет, дающий нам возможность направлять обширные массы людей к различным целям: добрым и хорошим или пошлым и вредным, смотря по характеру владельца богатств. И эта власть богатства находится в прямом отношении к степени бедности тех людей, на которых она распространяется, и в обратном — к числу людей, одинаково богатых и согласных дать ту же цену за предметы, предложение которых ограничено. Если певец беден, то он будет петь за ничтожную плату до тех пор, пока есть всего только один человек, имеющий возможность платить ему; как только явятся два или три таких человека, он будет петь для того, кто предложит ему высшую плату. Таким образом, власть богатства (всегда несовершенная и неопределенная, даже когда она наиболее авторитетна, как мы это увидим в § 39) зависит от бедности певца и от ограниченности количества одинаково богатых людей, желающих слушать его пение. И потому, как выше сказано, искусство богатеть в обычном смысле не ограничивается безусловно и окончательно искусством накапливать много денег, но включает в себе и умение содействовать обеднению соседей. Так что, точнее выражаясь, богатство есть искусство водворять наибольшее неравенство ради личной нашей выгоды.

31. Решать вопрос о пользе или вреде для нации водворения такого неравенства нельзя, оставаясь на отвлеченной и общей точке зрения. Быстрый и нелепый вывод, что такое неравенство безусловно выгодно, лежит в основе большинства политико-экономических заблуждений. Вечный же и неизбежный закон в этом вопросе гласит, что благотворное влияние неравенства зависит, во-первых, от тех способов, которыми оно достигнуто, и, во-вторых, от тех целей, к которым оно применяется. Неравенства богатств, водворенные несправедливо, бесспорно причиняют вред нации при своем возникновении и, несправедливо направляемые, продолжают своим существованием еще больше вредить ей. Но неравенства богатств, справедливо появившиеся, благотворно влияют при своем появлении и, благородно направляемые, еще больше содействуют благосостоянию нации. Это значит, что в деятельном или хорошо управляемом народе различные силы отдельных личностей, испытанные и направленные на удовлетворение

различных потребностей, дают различные, но стройные результаты, получая вознаграждение или власть сообразно их услугам¹, тогда как в нациях недеятельных или дурно управляемых различные степени разорения и торжества обмана вырабатывают свою вредную систему порабощения и наживы, и взамен стройных неравенств являются несправедливое преобладание и гнет преступлений и несчастий.

32. Таким образом, обращение богатства в нации напоминает обращение крови в животном организме. Кровь движется быстрее как под влиянием радостных ощущений и здоровых упражнений, так и от стыда или лихорадочного состояния. Есть приливы крови, здоровые и согревающие, и есть — ведущие к гниению и разложению.

Эту аналогию можно до мельчайших подробностей провести и дальше. Как местное болезненное истечение крови вызывает упадок сил всего организма, так всякое местное губительное влияние богатств, в конце концов, порождает ослабление сил политического организма. Как это происходит, легко понять, рассмотрев два или три случая развития богатства при самых простых условиях.

33. Предположим, что два человека выброшены на необитаемый остров и принуждены в течение целого ряда лет личным трудом поддерживать свое существование.

Если б они оба были здоровы, усердно и дружно работали вместе, то могли бы

¹ Мне, естественно, не раз задавали вопрос относительно упомянутых мною в первом чтении незанятых плохих рабочих. „Что станете вы делать с вашими незанятыми плохими рабочими?“ — спрашивают меня. Но мне кажется, что людям приходилось разрешать этот вопрос и раньше. У вас открылось место горничной, которой вы платите двести рублей в год; к вам являются две девушки: одна чисто одетая, другая — грязно, одна — с хорошими, другая — без всяких рекомендаций. В таких случаях вы обыкновенно не станете предлагать грязно одетой поступить к вам за полтора или за сто двадцать рублей в год и в случае ее согласия не возьмете ее вместо девушки, имеющей хорошие рекомендации. Еще менее станете вы принуждать их сбавлять друг перед другом цену до тех пор, пока не будете в состоянии нанять их обеих: одну за сто двадцать, а другую за восемьдесят рублей в год. Нет, вы просто берете наиболее пригодную, а другую отказываете, не задавая себе, как бы следовало, того вопроса, который вы так настоятельно ставите мне: „А что будет с ней?“ И вот я и советую вам только поступать с рабочими так же, как вы делаете с прислугой, хотя действительно вопрос о том, что делать с вашими дурными, ленивыми, нечестными рабочими, имеет серьезное значение.

Мы скоро его рассмотрим, но здесь я попрошу вас заметить, что нет возможности на нескольких страницах подробно выяснить наилучшую организацию целой системы национальной торговли и промышленности. Тем временем не мешает, однако, серьезно задать себе вопрос: если действительно вы сознаете, что трудно иметь дело с мошенниками и лентяями, то не лучше ли производить их возможно меньше? Если вы вникнете в историю происхождения мошенников, то поймете, что они действительно являются таким же продуктом производства, как и все остальные предметы, и именно потому, что наша современная система политической экономии так содействует их производству, она и является несомненно ложной. Нам следовало бы поэтому приискать систему, развивающую честных людей, а не придумывать ловкий способ обращаться с мошенниками. Преобразуем наши школы, и нам не придется много заботиться о преобразовании наших тюрем.

построить себе приличное жилище, обработать участок земли и сделать запас различных полезных вещей. Все эти предметы составляли бы действительное их богатство или их собственность; и если б оба человека работали одинаково усердно, то оба имели бы равное право пользоваться ими. Их политическая экономия просто состояла бы в тщательном сбережении и справедливом распределении имущества. Тем не менее может случиться, что тот или другой из них станет недоволен результатами такого общего фермерства, и они вследствие этого решат поделить возделанную ими землю на равные участки так, чтоб каждый мог отныне работать на собственном поле и жить им. Предположим, что после такого раздела один из них заболевает и становится неспособен работать в самую нужную пору, напр., во время сева или уборки хлеба.

Он естественно попросит своего товарища посеять или убрать за него.

И товарищ, не нарушая справедливости, может сказать ему: „Хорошо, я выполню эту работу за тебя, но ты должен обещать мне, что со временем столько же отработаешь за меня; я сочту, сколько часов я проработаю на твоём поле, и ты дашь мне письменное обязательство отработать столько же часов на моем, когда мне потребуется твоя помощь, и ты будешь в состоянии оказать мне ее.”

34. Предположим, что недуг больного затягивается и что в течение нескольких лет он будет нуждаться в помощи товарища, выдавая ему письменные обязательства отработать при первой возможности соответствующее количество часов. Каково будет положение обоих людей, когда больной оправится настолько, что будет в состоянии работать?

Рассматриваемые как „polis” или государство, они будут беднее, чем если б оба все время были здоровы, беднее на ту сумму продуктов, которую произвел бы больной за время своей болезни. Товарищ его работал, может быть, за это время с усиленной энергией, но в итоге его собственный участок и его собственность неизбежно пострадали от того, что ему не пришлось посвящать им все время и все заботы, и соединенное имущество обоих людей, конечно, стало меньше сравнительно с тем, чем оно было бы, если б оба человека были все время здоровы и работали.

Отношения их друг к другу тоже значительно изменились. Больной не только на несколько лет заложил свой труд, но ему пришлось, вероятно, израсходовать свой запас накопленных продуктов и, в силу этого, быть некоторое время в зависимости от своего товарища в отношении пищи, за которую он может отплатить только закладом своего труда на еще более продолжительное время.

Предположим, что письменные обязательства, данные больным, вполне действительны (у цивилизованных народов их действительность ограждается законом¹) в таком случае человек, работавший за двоих, может теперь, если

¹ Недоразумения относительно действительной природы денег возникают больше от того, что спорящие рассматривают их роль с различных точек зрения, чем от какого-либо действительного разногласия в мнениях. Все деньги, соответствующие этому названию, являются признанием долга и как таковые могут рассматриваться или в качестве представителей труда и собственности работодателя, или лености и бедности должника. Запутанность вопроса значительно усилилась благодаря употреблению в роли денег предметов, имеющих меновую ценность, как напр.: золота, серебра, соли, раковин, и пр.; но

пожелает, отдыхать и празднично проводить свое время, а снабжая товарища необходимой пищей, не только заставляя его отрабатывать прежние обязательства, но и входить в новые, закладывая свой труд на дальнейшее время.

35. Во всем этом с начала до конца нет ничего противозаконного (в обычном смысле этого слова), но постороннее лицо, явившись на этот остров во время такого осложнения экономических отношений его обитателей, нашел бы, что один из товарищей коммерчески богат, другой же коммерчески беден, и, к немалому своему удивлению, увидел бы, что богатый празднично проводит время, а бедный работает за двоих и скудно живет в надежде со временем стать опять независимым.

Это, бесспорно, только один из бесчисленных примеров того, каким способом может возникнуть неравенство владений и собственности между разными лицами, порождая меркантильные формы богатства и бедности. Во взятом нами примере один из товарищей мог с самого начала добровольно избрать праздничную жизнь и заложить свой труд в будущем, чтобы в настоящем наслаждаться покоем, или же он мог дурно обработать свой участок и, вследствие этого, у него явилась необходимость обратиться к товарищу за нужными предметами и за помощью, заложив ему свой труд в будущем. Суть не в этом. Приводя эти примеры, я желаю обратить внимание читателя, главным образом на тот факт, общий громадному количеству типичных случаев подобного рода, что появление меркантильного богатства, т. е. права на труд, означает экономическое уменьшение действительного богатства, заключающегося в обладании предметами, нужными для жизни.

36. Возьмем другой пример. Предположим, что не два, а три человека образуют эту маленькую уединенную республику и принуждены разделить, чтобы возделывать различные участки земли в некотором отдалении друг от друга; каждый участок доставляет известные продукты, в которых более или менее нуждаются остальные. Предположите, что третий человек с целью сберечь всем время, принимает на себя обязанность следить за правильной доставкой всех нужных этим фермам предметов под условием, что в вознаграждение за это он будет получать известную часть всех продуктов, доставляемых на каждую ферму и вывозимых с нее.

Если этот посредник или поставщик в силу взятой на себя обязанности, всегда вовремя доставляет каждому все, наиболее необходимое ему, с остальных ферм, то деятельность фермеров будет идти успешнее, и эта маленькая община станет работать наиболее плодотворно и производить наибольшее количество продуктов, т. е. достигать наибольшего богатства. Но предположите, что никакие сношения между владельцами участков невозможны помимо этого посредника и что через несколько времени этот последний, следя за ходом земледелия каждого из фермеров, удерживает предметы, вверенные ему для доставления, пока не

конечное и лучшее определение денег состоит в признании их вещественными и гарантированными нацией обязательствами отработать или возратить определенное количество труда по первому требованию. Рабочий день или денной труд рабочего является мерилем ценностей гораздо более точным, чем количество какого бы то ни было продукта, потому что нет такого продукта, производство которого всегда неизменно требовало бы определенного количества труда.

наступает период крайней необходимости для той или другой фермы, и тогда требует от стесненных фермеров все, что они могут предложить ему из числа имеющихся у них продуктов; легко понять, что, благоразумно следя за нуждами фермеров и пользуясь ими для личных своих выгод, посредник может постепенно забирать в свою пользу весь избыток продуктов обоих владений и в годину тяжелой нужды или неурожая приобрести самые фермы в свою собственность, обратив прежних их владельцев в своих работников и слуг.

37. Данный пример еще ярче, чем предыдущий, указывает на то, что богатство государства или этих трех людей, рассматриваемых в качестве составных частей общества, значительно меньше, чем оно было бы, если бы купец или посредник довольствовался более справедливым вознаграждением. Деятельность обоих земледельцев стеснена до невозможности, а постоянное ограничение предложения предметов, нужных им в критические моменты, вместе с недостатком смелости, — этим результатом продолжительной борьбы за простое существование без всякой мысли об обеспеченности — серьезно умаляют действительные результаты их труда, причем запасы, в конце концов сосредоточившиеся в руках посредника, отнюдь не равны по ценности тем, которые при честном ведении дела наполнили бы житницы как остальных фермеров, так и его собственные.

Таким образом, весь вопрос не только о качестве, но даже о количестве национального богатства сводится в конце концов к вопросу об отвлеченной справедливости. По количеству полученных богатств, по одному голому факту их существования нет никакой возможности судить о том, являются ли они признаком добра или зла для нации, обладающей ими. Действительное их значение зависит от их нравственного свойства подобно тому, как значение математической величины зависит от ее алгебраического знака. Известное накопленное промышленное богатство может служить указателем, с одной стороны, существования честной промышленности, прогрессивной энергии и производительной изобретательности, а с другой — губительной роскоши, безжалостной тирании и разорительного мошенничества. Некоторые сокровища тяжелы от пролитых человеческих слез, как плохо убранный урожай тяжел от несвоевременных дождей, и иное золото блестит ярче, чем оно того заслуживает.

38. И это, заметьте, не только нравственные или патетические атрибуты богатств, которые люди, стремящиеся к богатству, могут по своему желанию презирать; нет, это в буквальном и действительном смысле материальные свойства богатств, или обесценивающие или увеличивающие денежное значение данной суммы запасов. Одна сумма денег является порождением деятельности творческой, другая же -- деятельности, сгубившей в десять раз больше, чем произвела; благодаря ей множество рук оказалось парализованными, как бы онемевшими от ядовитого растения, энергия массы мужественных людей — надорванной, бесчисленные производительные предприятия — подавленными, громадное количество труда получило ложное направление, и множество лживых печатей благосостояния наложено на бесплодные пустыни и раскаленные плавильные печи. Кажущееся благосостояние в действительности может оказаться только позолоченным указателем глубокого разорения, злодейской пригоршней денег, собранных с побережья, о которое обманным образом разбит корабль, узлом тряпок, содранных мародерами с погибших честных солдат, ценою за землю

горшечника, служащую могилой как местных граждан, так и странников.

Поэтому признавать, что приобретение богатств имеет благотворное влияние независимо от его нравственных источников, или что есть возможность установить общий и технический закон купли и приобретения для национальной практики, значит впасть в одно из наиболее наглых и низких заблуждений, когда-либо обольщавших людей и оправдывавших их пороки. Насколько я знаю, никогда еще в истории не встречалось примера чего-либо более постыдного для человеческого ума, чем современный взгляд, по которому коммерческое правило покупать на самом дешевом и продавать на самом дорогом рынке есть или может, при каких бы то ни было обстоятельствах, быть полезным правилом народной экономии. „Покупать на самом дешевом рынке?” — да, но благодаря чему рынок этот стал дешевле? Уголь от ваших балок может быть очень дешев после пожара, и кирпичи дешевы на ваших улицах после землетрясения, но из этого не следует, чтоб пожары и землетрясения были благодетельны для нации. „Продавать на самых дорогих рынках?” Да, бесспорно, но в силу чего явились эти ваши дорогие рынки? Вы выгодно продали сегодня ваш хлеб, но кому? Умиравшему ли бедняку, который отдал за него последние свои гроши и уже никогда не будет нуждаться в хлебе; богачу ли, который завтра же принудит вас продать ему и вашу ферму, или же, наконец, солдату, направляющемуся разгромить то побережье, в которое вы вложили все свое состояние?

Все это вопросы, на которые вы не можете дать ответа, но вы можете знать только одно: честна ли и справедлива ли ваша сделка, и об этом вы и должны заботиться, стараясь с своей стороны сделать все возможное для того, чтоб внести в мир такой порядок вещей, который не ведет ни к грабежу, ни к смерти. И, таким образом, все вопросы в этой области, в конце концов сводятся к великому вопросу о справедливости, который я рассмотрю в следующем очерке, расчистив для него теперь почву и обратив в заключение внимание читателя на следующие три пункта.

39. Мы видели, что главное достоинство и свойство денег заключается в их власти над людьми, что без этой власти обширные материальные владения бесполезны и сравнительно не нужны для лиц, не обладающих ею. Но власть над людьми достигается и другими средствами, помимо денег. Как я уже сказал несколько выше (§ 30), денежная власть всегда несовершенна и сомнительна; есть множество вещей, которые нельзя приобрести на деньги, и есть другие, которые нельзя деньгами удержать и сохранить. Много радостей нельзя приобрести ни за какие деньги, и отраду их немислимо вознаградить никаким золотом.

Это азбучная истина, — подумает читатель. Да, но не настолько общеизвестная, как бы я желал, по отношению к тому обстоятельству, что в этой нравственной силе, при всей невозможности измерить и постичь ее, заключается, однако, столь же реальная денежная ценность, как и в наиболее ходячих монетах. Рука человека может быть полна невидимого золота, и одним взмахом своим она может сделать больше, чем другая, рассыпая ливни слитков. Это невидимое золото не уменьшается по мере расходования его, и политико-экономы хорошо сделают, если обратят когда-нибудь на него внимание.

Идем дальше. Так как сущность богатства заключается в его власти над людьми, то, очевидно, что если кажущееся или номинальное богатство лишено такой власти, то оно не богатство по своей сущности и в действительности

перестает быть богатством. За последнее время наша власть над людьми, по-видимому, не абсолютна. Наша прислуга проявляет некоторую склонность мятежно влезать к нам наверх в полной уверенности, что плата ей выдается неправильно, и мы не можем ожидать ничего хорошего относительно собственности господина, с которым подобные сцены в его гостиной повторяются почти через день.

Точно так же и власть нашего богатства, по-видимому, не менее ограничена в деле удобств, доставляемых прислуге, чем в отношении ее спокойствия. Особы на наших кухнях являются плохо одетыми, грязными, изнуренными голодом. И нельзя не прийти к заключению, что богатства нашего государства существуют больше на словах и на бумаге.

40. Наконец, так как сущность богатства состоит во власти над людьми, то не вытекает ли из этого тот непосредственный вывод, что чем люди благороднее и чем их больше, тем больше и самое богатство? Вдумавшись серьезно, мы, может быть, придем к заключению, что сами эти люди и составляют богатство, а то золото, посредством которого мы обыкновенно руководим ими, представляет в действительности только подобие византийских узд, очень блестящих и красивых с варварской точки зрения и служащих нам для укрощения живых людей; но если бы представилась возможность руководить этими живыми существами, не всовывая им в рот удила и не привешивая бубенчиков к их ушам, то в таком случае мы приобрели бы, пожалуй, нечто более ценное, чем сами эти узды. На самом деле, мы можем прийти к заключению, что истинные жилы богатств залегают не в скалах, а в теле, и что конечная цель производства и потребления всех богатств заключается в создании возможно большего количества человеческих существ, дышащих полной грудью, ясно смотрящих на жизнь и счастливых чистым сердцем. Наше же современное богатство, как мне кажется, приняло противоположное направление. Большинство политико-экономов не считает массы человеческих существ источником богатства, а если и допускает последнее, то только в том случае, если эти люди остаются с потухшим взором и впалой грудью.

41. Тем не менее, это еще вопрос, и очень важный вопрос, и я смело предлагаю читателям серьезно подумать о том, не должно ли, в ряду современных национальных производств, производство доброкачественных душ быть безусловно главным и наиболее выгодным? Мало того, я смею надеяться, что в один, хотя и очень отдаленный день, о котором мы еще и не мечтаем, Англия предоставит все заботы о мнимых богатствах тем варварским нациям, у которых они возникли; и в то время, как у них золото Индии и алмазы Голконды будут по-прежнему украшать сбруи ратных коней и чалмы рабов, христианская Англия станет наконец стремиться к добродетелям, к богатствам небесным и, направляя к ним своих сынов, скажет:

„Вот мои сокровища”.

ОЧЕРК III

Qui judicatis terram

42. За несколько столетий до Рождества Христова один еврей, имевший обширные дела по Золотому побережью, считавшийся одним из главных богачей того времени и пользовавшийся значительной популярностью за свою необыкновенную практическую смелость и ловкость, оставил в своих главных книгах несколько общих правил относительно накопления богатств. Правила эти сохранились даже и по сие время, а в средние века так высоко чтимы наиболее деятельными промышленниками, что венецианцы поместили даже статую этого еврея в нише одного из главных своих общественных зданий. За последнее время эти правила перестали пользоваться уважением, так как решительно противоречат духу современной промышленности. Тем не менее я приведу здесь несколько цитат из них, отчасти потому, что они своей оригинальностью могут заинтересовать читателя, а главным образом, могут наглядно доказать ему, что вполне практичный промышленник, умевший нажить большое состояние, считал, однако, возможным в течение всей своей довольно успешной карьеры строго соблюдать принцип различия между честно и дурно приобретенным богатством, принцип, который был уже отчасти указан в предыдущем очерке и который нам предстоит рассмотреть здесь более подробно.

43. Этот мудрый еврей в одном месте говорит, напр., следующее: „Приобретение сокровища лживым языком — мимолетное дуновение ищущих смерти”, а в другом месте прибавляет с присущим ему своеобразным способом усугублять свои изречения: „Не доставляют пользы сокровища несправедливые, правда же избавляет от смерти”. Обе эти цитаты замечательны тем, что в них смерть признается единственным реальным результатом несправедливой системы приобретения богатств. Если мы вместо „лживого языка” поставим „лживые ярлыки, объявления, претензии, рекламы”, то яснее поймем все значение этих слов для нашего современного делового мира. Стремление к смерти — главный признак современного направления людей в подобного рода делах. Мы обыкновенно воображаем, что смерть как будто преследует нас, а мы убегаем от нее, но это верно только в исключительных случаях. Обыкновенно же она является под маской, красиво принаряженной, прекрасной — не душой, как царская дочь, а прекрасной по наружности, — и разодетой в сусальное золото. Мы постоянно фанатически преследуем ее, она же убегает и скрывается от нас. Венец нашего успеха вполне и совершенно достигается нами в шестьдесят или семьдесят лет, когда мы овладеваем этой прелестницей во всей ее неприкосновенной красоте — с ее пеплом и жалом.

Далее, еврей говорит: „Кто обижает бедного, чтобы умножить свое богатство, и кто дает богатому, тот обеднеет” и, затем, более сурово: „Не будь грабителем бедного, потому что он беден, и не притесняй несчастного у ворот, потому что Господь вступится в дело их и исхитит душу у грабителей их”.

Это „ограбление бедного, потому что он беден” составляет специально промышленную форму грабежа, состоящую в том, чтоб пользоваться нуждой человека для приобретения его труда или собственности по возможно более низкой

цене. Противоположная форма обычного ограбления на больших дорогах богатого за то, что он богат, по-видимому, не так часто приходит на ум старому купцу и, вероятно, как менее выгодная и более опасная, чем ограбление бедняка, редко практикуется осторожными людьми.

44. Но два наиболее замечательных изречения по их глубокому общему значению следующие:

„Богатый и бедный встречаются друг с другом: того и другого создал Господь”. „Бедный и лихоимец встречаются друг с другом; но свет глазам того и другого дает Господь”.

Встречаются или, точнее, переходят друг другу дорогу, сталкиваются (*obviaverunt*). Это значит, что пока этот мир существует, действие и противодействие богатства и бедности, столкновение лицом к лицу богача и бедняка — такой же неизбежный закон, как течение рек по направлению к морю или стремление двух противоположных электричеств к соединению. „Бог их создатель”. Но это взаимодействие их может быть или мирное и справедливое, или порывистое и разрушительное; может уподобиться яростному потоку всеуничтожающего наводнения или ласке покорной волны; мрачному, грозному блеску молнии или постоянной силе живительного тока, издавек передающего нам вести любви.

И будет ли оно тем или другим, зависит от того, признают ли богач и бедняк, что Бог их свет, что в тайнике человеческой жизни нет иного света, как только этот, дающий им и жизнь и возможность заглянуть друг другу в лицо, — свет, называемый в изречениях другой книги того же купца „солнцем справедливости”¹, о котором возведено, что он воссияет, наконец, всеисцеляющий (дарующий исцеление, здоровье или помощь, все устрояя), на крыльях своих. И действительно, это исцеление возможно только при помощи справедливости. Никакая любовь, вера или надежда не в силах этого выполнить — люди будут безрассудно любить и тщетно верить, если они не будут справедливы; и великое заблуждение лучших людей из поколения в поколение состояло в том, что они помогали бедным милостыней, проповедью терпения или надежды и всевозможными другими смягчающими и утешающими средствами, а не путем, единственно заповеданным нам Богом, не путем справедливости. Но справедливость с сопутствующей ей святостью или силой помощи, отрицаемая даже лучшими людьми в периоды испытания, ненавидима толпой всюду, когда бы она ни появлялась; так что, когда выбор был некогда открыто предложен ей, она отреклась от Святого и Праведника² и просила даровать ей человекоубийцу, возмутителя и разбойника: убийцу вместо

¹ Вернее, „солнцем правды”. Правдой преимущественно называется справедливость в управлении или в праве в отличие от справедливости в деле взвешивания поступков. Или, в более обширном смысле, правда есть правота [правителя, а справедливость — правота судьи; царь правит или управляет всем, а судья различает и отделяет противоположности (отсюда двойной вопрос: кто поставил меня судить — *δικαστ→ω* — или делить — *μεζιστ→ω* — вас). Так, суду соответствуют слова: *lego* — *lex*, *legal*, *loi* и *loyal*, — лояльный, а правоте правления — слова: *rego* — править, *rex* — правитель, *roi* — правитель, *regal* и *royal* — правительственный.

² В другом месте вместо „Святого” значится „Начальника жизни”. (Деяния 3, 14-15).

Начальника жизни, возмутителя вместо Князя мира и разбойника вместо Праведного Судьи всей вселенной.

45. Я сейчас только упомянул, что стремление рек к морю представляет некоторое подобие того, как стекаются богатства. В одном отношении это подобие дает полное представление. Популярный политико-эконом считает мудростью свое открытие, что богатство или вообще формы собственности направляются туда, где они наиболее требуются; где спрос — там и предложение. Далее, он объявляет, что это соответствие спроса и предложения не может быть изменено человеческими законами. И именно, в том же смысле и с тою же неизбежностью воды мира направляются туда, где требуются. Где понижение почвы, там и сток вод. Направление облаков и рек не может быть изменено человеческой волей. Но размещение и распределение может быть изменено предусмотрительностью людей; и будет ли река проклятием или благословением, зависит от труда человека и от его разумного руководства. Столетия за столетиями целые обширные области с богатой почвой, роскошным климатом оставались пустынными, печальными жертвами яростных вод их собственных рек; не только пустынными, но даже зачумленными. Поток, который, целесообразно направленный, мирно протекал бы по полям, орошая их, очищая воздух, доставляя пищу людям и животным и нося за них тяжести на своем хребте, теперь затопляет равнины и отравляет воздух; дыхание его порождает чуму, а работа вызывает голод. Так же точно и это богатство „направляется туда, где требуется”. Никакие человеческие законы не в силах противостоять его потоку. Они могут только руководить им: но эти направляющие рвы и задерживающие валы могут до такой степени изменить его, что он превратится в воду жизни и станет богатством в руках мудрости;¹ предоставляя же поток богатств его собственному беспорядочному течению, люди могут обратить его в самый ужасный и губительный бич народа, в воды Мары, питающие корни всевозможных зол.

Необходимость этих законов распределения или обуздывания обыкновенно странным образом упускается из виду политико-экономом при определении задачи их науки. Они кратко называют ее „наукой о приобретении богатства”. Но существует много наук и искусств приобретать богатства. Отравление жителей целых обширных областей было одним из таких искусств, широко практиковавшимся в средние века; а фальсификация пищи для народа сильно практикуется и теперь. Древняя и почтенная дань мародерам, которую платили некогда шотландцы, и более современная, но менее почтенная система приобретения товаров в кредит и другие испытанные методы присвоения, до самой искусной очистки чужих карманов включительно, являющееся в различных сферах промышленности делом новейшей изобретательности, подходят под общее название науки и искусства приобретения богатств.

46. Так что популярный политико-эконом, называя свою науку наукой приобретения богатств по преимуществу, должен, очевидно, прибавить еще какие-нибудь особенные, характеризующие ее черты. Надеюсь, что я не скомпрометирую его, если добавлю, что его наука учит приобретению богатств „законными” и „справедливыми” средствами. Какое же из двух слов, „законными” или

¹ Долгота дней в деснице ее, а в шуйце богатства и почести.

„справедливыми”, должно в этом определении иметь решающее значение? По отношению к некоторым нациям легко допустить, что при известном порядке вещей или при помощи ловких защитников не все законное будет вполне справедливым. Поэтому, если мы в этом определении оставим только слово „справедливыми”, то ударение на нем сильно изменит смысл и значение науки, так как станет ясно, что для приобретения богатства в смысле науки необходимо приобретать его справедливым путем и поэтому знать, что является справедливым. Тогда наша экономия будет уже основываться не только на пруденции, осторожности, но и на юриспруденции, на благоразумии, на законах — не человеческих, а божеских. И такое благоразумие представляет нечто возвышенное, небесное, вечно освещаемое солнцем правды; поэтому души, проникшиеся им, рисуются Данте в виде звезд, образующих на небе фигуру орлиного глаза; они в жизни отличали свет от мрака, служили всему человечеству таким же светильником, каким для тела является око; тогда как души, образующие крылья птицы (придавая мощь и господство справедливости), проводят также светлую черту на небе, с изречением, гласящим „diligite justitiam, qui judicatis terram”. „Вы, судящие землю, оказывайте деятельную (не простую, заметьте) любовь к справедливости”, любовь, исследующую внимательно, т. е. с выбором, предпочитая это всем остальным интересам. И этого суда справедливости требуется не только от судей или правителей, но и от всех людей, смотря по способностям и положению каждого.¹ К сожалению, эта истина упускается из виду даже людьми, готовыми относить к себе те места, в которых о христианах говорится как о святых (т. е. оказывающих помощь или исцеление) и избранных царях (т. е. выполняющих функции управления или руководства). Истинное значение этих титулов давно затеряно, вследствие притязаний личностей нерадивых, не способных к роли святых или царей и разделяющих некогда общераспространенный взгляд, что святость и царственность состоят в том, чтоб носить длинные мантии и высокие короны, а не творить милость и правду; тогда как истинная святость есть спасительная мощь, а истинная царственность есть правящая сила; несправедливость же является только частицей или частичным отрицанием такой власти, вследствие чего люди уподобляются пресмыкающимся и рыбам морей, не имеющим правителей над собой².

47. Абсолютная справедливость, правда, так же недостижима, как и абсолютная истина, но справедливый человек отличается от несправедливого своим стремлением к справедливости и надеждой достигнуть ее, а правдивый от лживого — своей жаждой истины и верой в нее. И хотя абсолютная справедливость

¹ Я слышал, что многие из наших законников сильно потешались над утверждением, высказанным мною в первом чтении, что задача юристов состоит в том, чтоб оказывать справедливость. Я говорил это отнюдь не в шутку; тем не менее, ясно из вышесказанного, что я не считаю законодательство и суд функциями исключительно одних юристов. Очень возможно, что, чем в большей степени наши постоянные армии воинов, пастырей и законодателей (под словом „пастыри” я разумею всех наставников, а под общим термином „законодатели” всех, создающих законы и применяющих их) могут быть заменены силой, героизмом, мудростью и честностью всей нации, тем лучше это будет для нее.

² Привилегия рыб, крыс и волков состоит в том, чтоб жить по закону спроса и предложения, законом же жизни человечества является справедливость.

недостижима, но требуемая нам для наших практических целей доступна всем, стремящимся к ней.

Теперь нам предстоит рассмотреть законы справедливости в деле платы за труд, составляющие значительную часть основных положений законодательства (юриспруденции).

В предыдущем чтении я свел понятие о денежной плате к самым простым и основным положениям, при которых и природа платы, и условия справедливости определяются наилучшим образом.

Денежная плата, как выше установлено, в основании своем состоит в том, что мы за работу, производимую вместо нас сегодня, обещаемся в будущем, по первому требованию, отплатить равным же количеством труда¹.

Если мы обещаемся отплатить меньшим количеством труда, чем получили, то мы недоплачиваем, если — большим, то переплачиваем. На практике, согласно законам спроса и предложения, если два человека готовы выполнить известную работу, а нуждается в ней только один, то два работника спускают цену друг перед дружкой, и взявший работу получает плату меньшую, чем следовало бы ему.

Но если два человека нуждаются в каком-нибудь продукте труда, а есть только один, желающий выполнить соответствующую работу, то оба, нуждающиеся в продукте, станут повышать цену друг перед другом, и рабочий получит излишнюю плату.

48. Я рассмотрю последовательно оба эти случая несправедливой платы; но, прежде всего я желаю, чтоб читатель ясно понял основной принцип законной или справедливой платы.

Когда мы обращаемся к человеку за услугой, то он может или даром оказать нам ее, или потребовать за нее плату. В настоящее время первый случай не подлежит нашему анализу, так как в нем нет речи о купле и продаже. Но если человек требует платы, и мы желаем отнестись к нему с полной справедливостью, то очевидно, что эта справедливость может состоять только в том, чтоб вознаградить его равным же количеством труда, усилий и ловкости. Если он работает для нас час, и мы обещаемся взамен этого отработать ему полчаса, то получаем несправедливое преимущество. Если же, наоборот, мы обещаем взамен часового труда отработать полтора часа, то он приобретает несправедливое преимущество. Справедливость заключается в абсолютно равном обмене; если же будут какие-нибудь преимущества на той или другой стороне, то они всегда окажутся в пользу работодателя или предпринимателя. Конечно, нет ни малейшего справедливого основания к тому, чтоб в силу бедности человека я за фунт хлеба,

¹ С первого взгляда может показаться, что рыночная цена труда выражает такой обмен; но это мнение не верно, так как рыночная плата есть цена требуемого труда, существующая в данную минуту, а справедливая плата есть его эквивалент в виде продуктивного труда человечества. Различие это мы проанализируем в своем месте. Следует также заметить, что я говорю здесь о меновой ценности труда, а не товаров. Меновая ценность товара есть ценность труда, требуемого для его производства, помноженная на силу спроса. Если ценность труда = x , а сила спроса = y , то меновая ценность труда будет xy , в которой, если x или $y = 0$, то и $xy = 0$.

который он доставляет мне сегодня, возвратил ему меньшее количество завтра, или, чтобы в силу его необразованности за услугу, оказанную им мне, я отплатил ему услугой, стоящей мне меньше ловкости и знания. Может быть, в конце концов желательно даже противоположное, чтоб я в оплату давал больше, чем получаю. Но в настоящее время мы рассматриваем вопрос о законе справедливости, т. е. о полном и равном обмене. Одно обстоятельство, однако, осложняет основное понятие о справедливой плате: труд, целесообразно направленный, так же плодотворен, как семя; и плод (так называемые польза и выгода), или рост труда, ранее полученного или ссуженного, должен быть принят в расчет и уравновешен прибавочным количеством труда при позднейшей расплате. Предположив, что расплата будет в конце года или в любое другое время, приблизительный расчет легко было бы сделать, но так как денежная (т. е. наличная) расплата не имеет никакого отношения ко времени ввиду того, что полученные в уплату деньги израсходовать моментально или через несколько лет вполне зависит от лица, их получившего, то мы можем только вообще принять за правило, что незначительная выгода должна по справедливости быть допущена в пользу человека, заранее выполнившего для другого известную работу, и типичная форма сделки будет при этом такова: за часовую работу, которую вы исполняете для меня сегодня, я дам вам работу одного часа и пяти минут по первому вашему спросу или требованию. За фунт хлеба, который вы даете мне сегодня, я отдам вам фунт с несколькими золотниками по первому вашему требованию, и т. д. Читателю необходимо при этом заметить, что количество, возвращаемое при справедливой отплате, ни в каком случае не может быть меньше полученного количества труда.

Таким образом, отвлеченное понятие о справедливой или надлежащей рабочей плате состоит в том, что она должна выражаться в такой сумме денег, за которую рабочий в любое время может получить работу, по крайней мере, равную им выполненной, и, скорее, даже большую, чем меньшую. И это справедливая или равноценная плата вполне независима от количества людей, предлагающих свой труд. Мне нужно подковать свою лошадь. Двадцать ли кузнецов или двадцать тысяч их готовы выковать подкову — это ни на одну йоту не изменяет вопроса о справедливой плате тому, кто ее кует. Ему для этого потребовались четверть часа жизни и известная ловкость и сила рук. И в будущем я обязан отдать ему четверть часа с несколькими минутами из моей жизни (или жизни кого-либо, находящегося в моем распоряжении) и столько же ловкости и силы рук, — если ни несколько больше, — сколько употреблено им на производство подковы.

49. Эта отвлеченная теория справедливого вознаграждения встречается при своем практическом применении некоторое видоизменение в силу того, что ордер на труд, даваемый в уплату, носит общий характер, а полученная работа — чисто специальный. Ходячая монета или документ практически является ордером к нации на известное количество любой работы; и его всеобщая применимость к удовлетворению текущих нужд придает ему тем большее значение сравнительно со специальным трудом, что ордер на меньшее количество общего труда будет всегда охотно приниматься за справедливый эквивалент большего количества специального труда. Любой ремесленник всегда охотно даст час своего труда, чтоб получить право располагать получасом или даже меньшим количеством национального труда. Это обстоятельство, в связи с трудностью определить

денежную стоимость ловкости,¹ значительно осложняет точное установление денежной платы за каждый данный труд, хотя это отнюдь не изменяет основного принципа обмена. Стоимость труда, быть может, и нелегко определить, но труд все же имеет стоимость, вполне определенную и действительную, так же как и каждое вещество имеет свой удельный вес, хотя его трудно иногда определить, напр., в сплаве из нескольких металлов. И несмотря на это, стоимость труда все же легче и проще определить, чем обычные *maxima* и *minima* заурядной политической экономии. Мало таких торговых сделок, при которых покупатель мог бы с точностью утверждать, что продавец не уступил бы ему, или продавец — что покупатель не дал бы ему больше. Эта невозможность точного знания не препятствует, однако, стремиться к возможно большей уступке в одном случае и наживе в другом, не мешает признавать за научный принцип, что покупать следует возможно дешевле, а продавать возможно дороже, хотя, каковы действительные пределы этого „дешевле и дороже”, никто указать не в силах. Точно так же и справедливый человек, признавая научным принципом справедливую плату, хотя и не в состоянии точно указать границы такой платы, будет тем не менее стремиться возможно больше приблизиться к ней. И такого практически удовлетворительного приближения он может достигнуть. Во всяком случае, легче научно определить,

¹ Под понятием о ловкости я разумею соединенную силу опыта, разума и страсти в их воздействии на ручную работу; а под словом „страсть” — весь ряд воздействующих нравственных качеств, начиная с простого терпения и мягкости характера, придающих смысл и тонкость любому штриху, а человеку — способность проработать без усталости и плодотворно вдвое большее время, и кончая теми свойствами характера, благодаря которым возможна наука (замедление науки вследствие зависти является одною из самых значительных экономических потерь настоящего столетия) и развиваются чуткость и воображение, являющиеся первыми и самыми мощными источниками всего ценного в искусстве.

В высшей степени странно, что политико-экономы до сих пор не считают не только нравственный, но даже страстный элемент тем фактором, который неизбежно следует принимать в расчет при всех вычислениях. Я не понимаю, напр., каким образом Милль, говоря, что „нет границ значению той важности, даже с чисто материальной точки зрения, какую имеет мысль по отношению к продуктивности труда”, не счел логически необходимым прибавить к слову „мысль” и слово „чувство”. И это тем более удивительно, что понятие о чувстве мы находим в первом его определении труда, куда входят „все чувства неприятные, соединенные с сосредоточением мысли на любом частном занятии”. Это совершенно верно, но почему не включить сюда и все приятные чувства? Трудно предположить, чтоб чувства, замедляющие работу, играли более важную роль, чем чувства, ускоряющие ее. Первые оплачиваются как препятствия, вторые — как сила. Рабочий просто возмещается за первые, но вторые производят часть меновой стоимости работы и материально увеличивают ее действительное количество.

„Фриц с нами. Он стоит пятидесяти тысяч людей”. Бесспорно, громадное увеличение материальной силы заключается в процессах, совершившихся не столько в его голове, сколько в сердцах его солдат. „Беспредельно значение простой мысли”. Да, может быть, в один прекрасный день даже окажется, что „простая мысль” есть сама по себе достойный предмет производства и что все материальное производство служило только средством получения этого более драгоценного нематериального продукта.

что должен человек получить за свой труд, чем сколько он по необходимости согласится за него взять. Последнее определяется только эмпирическим путем, справедливая же или должная плата — аналитическим. В первом случае вы пытаетесь, как смущенный школьник, дойти догадками до правильного решения, пока не нападете на надлежащее; во второй же вы путем вычислений приходите к известному приблизительному решению.

50. Предположив таким образом, что справедливая плата за известное количество работы установлена, рассмотрим первые результаты справедливой и несправедливой платы в пользу покупателя или предпринимателя, т. е. в том случае, когда два человека готовы выполнить работу и только один человек нуждается в ней или предъявляет на нее спрос.

В этом случае несправедливый работодатель или хозяин заставляет обоих рабочих спускать друг перед дружкой цену, пока они доведут ее до минимума. Предположим, что согласившийся на самую низкую плату предлагает выполнить работу за половину ее справедливой цены.

Работодатель берет его и оставляет без работы другого. Первый или явный результат состоит в том, что один из двух людей остается без работы и принужден голодать точно так же, как и в том случае, когда дается справедливая полная плата лучшему рабочему. Различные писатели, старавшиеся опровергнуть положения, высказанные мною в первом очерке, никогда этого не замечали и утверждали, что несправедливый наниматель дает работу обоим. Он точно так же не дает работы обоим, как и справедливый наниматель. Первая разница состоит в том, что справедливый человек платит достаточно, а несправедливый — недостаточно за труд единственного нанятого им рабочего.

Я сказал „первая разница”, но первая или видимая не есть еще самая существенная. Благодаря такой несправедливой сделке, половина настоящей цены за труд остается в руках предпринимателя. Это дает ему возможность за ту же несправедливую плату нанять другого человека для какой-нибудь другой работы, и, в конечном результате, получается, что он имеет двух людей, работающих на него за половинную плату, а два человека остались без работы.

51. При справедливых отношениях вся стоимость первой работы поступает в руки человека, делающего ее. Никакого остатка не удерживается в руках нанимателя, и он не может нанять другого человека для другой работы. Но насколько уменьшилась его власть, ровно настолько же увеличилась власть нанятого им рабочего, т. е. на сумму прибавочной платы, которую получил рабочий; и этот последний может употребить свою прибавочную половину на наем другого рабочего для своих нужд. Я предположу наименее благоприятный, хотя вполне вероятный случай, что он сам, получая всю должную плату, поступает, однако, несправедливо по отношению к своему рабочему и нанимает его, если может, за половинную стоимость его труда. Конечным результатом в таком случае будет, что один человек работает на нанимателя за справедливую цену, а другой — на рабочего за половинную плату; двое же по-прежнему остаются без работы. Эти двое, как я выше сказал, остаются без работы в обоих случаях. Разница между справедливой и несправедливой сделкой заключается не в количестве нанимаемых людей, а в плате им и в том, кем эта плата дается. Существенная разница, на которую я хочу обратить внимание читателей, заключается в том, что при

несправедливой плате два человека работают на одного, первого нанимателя. При справедливой же плате один человек работает на первого нанимателя, другой — на нанятого рабочего, и так далее по всем ступеням услуг; причем число этих ступеней увеличивается при справедливой плате и уменьшается при несправедливой. Всеобщее и постоянное воздействие справедливости в этом вопросе состоит в уменьшении власти богатства в руках отдельной личности над массой людей и в распределении ее в целой цепи различных личностей. Действительная сила богатства в обоих случаях одинакова; но при несправедливости она вся сосредоточивается в руках одного человека, так что он с одинаковой властью управляет работой целой массы людей кругом его; при справедливом же отношении он только влияет на ближайших к нему, через которых с уменьшенной силой, видоизмененной новыми людьми, энергия богатства переходит к следующим и так далее, пока совсем не истощится.

52. Непосредственное воздействие справедливости в этом отношении состоит, таким образом, в уменьшении власти богатства, во-первых, в деле приобретения предметов роскоши, а во-вторых, в проявлении морального влияния. Предприниматель не может сосредоточить такого громадного количества труда в своих интересах и подчинить такую массу людей своей воле. Но и второстепенное влияние справедливости не менее важно. Недостаточная плата группе людей, работающих на одного, более всего затрудняет им возможность возвыситься над своим положением. Тенденция этой системы — препятствовать успеху. Достаточная же или справедливая плата, распределенная по нисходящему ряду различных степеней труда¹, предоставляет каждому подчиненному рабочему средства, необходимые для занятия более высокого положения на ступенях социальной лестницы, если он этого пожелает, и, таким образом, не только уменьшает непосредственную власть богатства, но и устраняет худшие стороны бедности.

53. От этого жизненного вопроса зависит в конце концов вся участь рабочих.

¹ Мне очень грустно, что приходится тратить время хотя бы и на краткие опровержения уловок писателей, старавшихся затемнить приведенные мною в первом очерке примеры правильного труда, смешивая виды, разряды и количества труда с его качеством. Я никогда не говорил, что командир полка должен получать такую же плату, как и частное лицо, или епископ — такую же, как и викарий. Я точно так же не говорил, что трудная работа должна так же оплачиваться, как и легкая, и что священник прихода в две тысячи душ должен получать не больше, чем тот, у кого в приходе только пятьсот. Но я говорил, что, пользуясь дурной работой, вы должны оплачивать ее так же, как и хорошую, подобно тому, как дурные и хорошие священники, доктора и судьи получают одно и то же жалованье. И это не только потому, что лучшая работа никогда не делалась и не будет делаться за деньги, но, главным образом, ввиду того, что когда люди принуждены будут платить одинаково и за дурную, и за хорошую работу, они станут различать их и не пользоваться дурной. Один остроумный господин в „Scotsman” спрашивает меня, пожелал ли бы я, чтоб гг. издатели платили самым заурядным писакам столько же, сколько и лучшим писателям. Да, конечно, если они пользуются такими писаками; но я серьезно посоветовал бы им и ради их собственных интересов, и ради таких писак не пользоваться трудом последних. Деньги, расходуемые страню в настоящее время на писак, являются, в конце концов, потраченными непроизводительно; и даже крайне остроумная личность, задавшая мне этот вопрос, могла бы, вероятно, благотворнее потратить свое время, не посвящая его таким возражениям.

Многие другие второстепенные вопросы часто выступают довольно резко, но все они лишь ветви этого главного. Например, значительное волнение часто вызывают в умах рабочих налоги и различные обложения, составляющие от 35 до 40% их жалования, которые им приходится выплачивать не только номинально, но и в действительности. Это кажется очень важным; но в сущности не рабочий платит их, а его работодатель. Если б рабочему не приходилось их платить, то его жалование было бы меньше ровно на ту же сумму. Соперничество свело бы его плату к той же крайне низкой норме, при которой едва возможно жить. Точно также низшие классы волновались, добиваясь отмены хлебных законов,¹ предполагая, что при более дешевом хлебе им будет лучше, и не замечая того, что всегда по мере удешевления хлеба, соответственно уменьшается и рабочая плата.

Хлебные законы уничтожены вполне справедливо, так как они хотя и не прямо, но косвенно все же угнетали бедных, вызывая непроизводительное потребление значительного количества их труда. Точно так же и ненужное обложение налогами угнетает их, уничтожая капитал; но участь рабочих всегда главным образом зависит от одного только вопроса о справедливой плате. Их бедствия в широких

¹ Мне следует выразить мою признательность за интересное сообщение по вопросу о свободной торговле, сделанное Песле, и тем более за краткое письмо, подписанное „доброжелателем”. Но шотландский писатель будет, я опасаясь, неприятно удивлен, узнав, что я всегда был и остаюсь вполне явным и бесстрашным приверженцем свободной торговли. Семь лет тому назад, говоря о различных признаках, указывающих на то, что ум европейцев находится еще в детском состоянии (Камни Венеции, *Stones of Venice*, том III, стр. 168), я писал: „Основные принципы торговли, признанные английским парламентом только несколько месяцев тому назад в форме свободной торговли, так мало понятны миллионам европейцев, что ни одна нация не решается упразднить свои таможи.”

Не мешает заметить, что я не считаю даже взаимность необходимым для этого условием. Пусть другие нации, если считают нужным, не открывают своих портов; каждая благоразумная нация не станет закрывать своих. Вредно не открытие их, а внезапные, необдуманные и бестолковые попытки их открытия, делаемые как бы в виде опыта. Если вы охраняли торговлю в течение длинного ряда лет, то не должны разом упразднить охранительные меры и тем вызывать всеобщий застой промышленности, точно так же, как в холодную погоду вы не должны сразу снимать со слабого ребенка лишнюю одежду, — хотя тяжесть ее существенно вредит его здоровью, — а только понемногу вы можете освобождать его, давая возможность наслаждаться свободой и чистым воздухом.

Большинство людей имеет до странности смутное понятие о свободной торговле, предполагая, что она усиливает конкуренцию. Наоборот, свободная торговля уничтожает всякую конкуренцию. Протекционизм (и это только одна из многих вредных его сторон) старается дать стране возможность конкурировать с другими в производстве предметов, явно невыгодных для нее. Когда торговля вполне свободна, ни одна страна не может опасаться конкуренции в предметах, для производства которых она обладает всеми естественными данными, и, в свою очередь, не может конкурировать с другими странами в производстве предметов, для которых природа не предназначила ее. Тоскана, например, не может конкурировать с Англией в производстве стали, а Англия с Тосканой — в производстве масла. Они должны обмениваться этими продуктами. И обмен этот должен быть явным и свободным, насколько допускают это честность и морской ветер. Конкуренция действительно возникает вначале, и притом в крайне резкой форме, с целью определить, какая из стран окажется наиболее сильной в производстве предметов, доступных обеим; но как только это определится, всякая конкуренция прекращается.

размерах (независимо от небрежности, мелких заблуждений или преступлений) возникают от двух воздействующих сил: конкуренции и угнетения. Действительного избытка населения нет в мире теперь, да и не будет еще целые столетия, но местный избыток населения или, точнее, известная часть населения, труд которой при современных условиях не применяется в силу недостатка или в предусмотрительности или в машинах, неизбежно проявляет себя в форме давящей конкуренции; работодатель, извлекая выгоду из этой конкуренции и приобретая труд за несправедливо дешевую плату, завершает тем самым и их бедствия, и свои, так как в данном случае (как и при всяком рабстве) угнетатель страдает не меньше угнетаемого, и прекрасные строки Попа во всей их силе приложимы к ним:

„Справедливо относясь к этим бедным слугам мамоны, говорит он, мы должны признать, что каждый из них ненавидит ближнего, как самого себя, и что общая участь соединяет раба, добывающего в рудниках золото, с рабом, который копит его.”

54. Побочные и отраженные воздействия справедливости в этом вопросе я рассмотрю впоследствии (так как предварительно необходимо определить природу стоимости), затем перейду к тем практическим условиям, при существовании которых может осуществиться более справедливая система, и, наконец, коснусь жгучего вопроса об участии незанятых рабочих¹. Но чтоб читатель не страшился некоторых выводов, к которым, по-видимому, ведут наши исследования, и чтоб не счел, что нападки мои против власти богатства имеют что-либо общее с социализмом, я желаю точно выяснить ему два или три пункта, которые, главным образом, имеются мною в виду. Больше ли соответствуют социализму правила, существующие в армии и во флоте (где труд вознаграждается согласно правилам, высказанным мною), или же правила промышленных предприятий (где труд оплачивается по принципам моих противников), я предоставляю решить последним. И каково бы ни было их заключение, я считаю необходимым отметить

¹ Я был бы очень рад, если б читатель выяснил, кроется ли здесь трудность в приобретении работы или в получении должной платы за нее. Считает ли он самую работу за дорогую роскошь, достигаемую с трудом и которой слишком мало находится в этом мире, или же затруднение кроется в том, что при наслаждении даже самыми сильными радостями человек должен все-таки удовлетворять своим насущным потребностям, и возможность этого удовлетворения не всегда у него под рукой? Повторяю, мы должны это уяснить себе прежде, чем идти дальше, так как большинство людей имеет обыкновение развязно толковать о трудности найти занятие: „Нуждаемся ли мы в заработке или в содержании во время заработка? Желаем ли мы положить конец праздности или голоду?” Мы должны рассмотреть оба эти вопроса, но последовательно, а не вместе. Нет сомнения, что работа есть роскошь, и притом очень большая, но, вместе с тем, она и необходимость: никто не может без нее сохранить своего здоровья ни телесного, ни духовного. Я так глубоко чувствую это, что, как видно будет впоследствии, смело готов советовать филантропам побуждать богатых больше заниматься этой роскошью, чем теперь. Тем не менее опыт показывает, что можно злоупотреблять даже самыми здоровыми удовольствиями, и что люди способны страдать от излишка работы так же, как и от излишка мяса, и что не мешало бы позаботиться для одних о более легком обеде и о более тяжелом труде, а для других было бы так же полезно иметь поменьше работы и побольше еды.

только, что единственный пункт, на котором я настаивал чаще всего во всех моих сочинениях, есть именно невозможность равенства. Я всегда стремился показать вечное превосходство некоторых людей над остальными, иногда даже одного человека над всеми его братьями; старался выяснить всю разумность того, чтобы такие лица, или лицо, были руководителями и правителями, в иных случаях далее побуждая или сдерживая своих младших братьев соответственно своему лучшему знанию и более мудрой воле. Мои принципы политической экономии ясно выражены в одной фразе, высказанной мною три года тому назад в Манчестере: „Воины плуга — то же, что воины сабли”, и в одном изречении последнего тома „Современных живописцев”: „управление и кооперация — всеобщие законы жизни, а анархия и соперничество — законы смерти”.

Что же касается до влияния этих общих принципов на обеспеченность собственности, то я не только не думаю упразднить эту обеспеченность, но вся суть моих очерков в конце концов сводится к тому, чтоб расширить границы этой обеспеченности, и как уже давно известно и установлено, что бедные не имеют никакого права на собственность богатых, так я желал бы, чтоб было признано и установлено, что и богатые не имеют никакого права на собственность бедных.

55. Система труда, развиваемая мною, сократила бы во многом видимую и непосредственную (но не скрытую и побочную) власть богатства в роли Госпожи удовольствия и капитала в роли Господина труда, чего я не только не отрицаю, но, наоборот, охотно признаю, отлично зная, что привлекательность богатств уже слишком сильна и его авторитет слишком тяготеет над человеческим рассудком. В предыдущем очерке я сказал, что ничто в истории не возмутительно так для человеческого ума, как общее признание нами основных положений политической экономии как науки. У меня имелось много оснований высказать это, и одно из главных я могу передать в немногих словах. Во всей предыдущей истории я не встречал примера народа, устанавливающего такое систематическое нарушение и отрицание первых принципов исповедуемой им религии. Писание, которое мы (на словах) считаем за божественное, не только признает любовь к деньгам за корень зла, за идолопоклонство, отвергаемое божеством, но и утверждает, что служение мамоне непримиримо с диаметрально противоположным служением Богу, и всюду, где в нем идет речь об абсолютном богатстве и об абсолютной бедности, оно прямо говорит: „горе богатым” и „блаженны нищие”. А мы тем временем не долго думая, создаем науку о накоплении богатства, считая это за кратчайший путь к национальному благосостоянию.

Tai Cristian dannerà l’Etiòpe,
Quando si partiranno i due collegi,
L’uno in eterno ricco, el’altro inòpe.

ОЧЕРК IV

Ad valorem

56. В предыдущем очерке мы видели, что справедливой платой за труд будет такая сумма денег, за которую мы в будущем можем приобрести равное количество труда; нам предстоит теперь рассмотреть средства приобретения такого эквивалента. А для этого необходимо предварительно выяснить понятия о стоимости, богатстве, цене и производстве.

Ни один из этих терминов не был еще общепонятно определен. Последний из них, по-видимому наиболее ясный, является, в действительности, наиболее двусмысленным, и анализ того двусмысленного значения, в каком он употребляется в настоящее время, всего лучше послужит нам для начала нашего исследования.

В главе о капитале Милль приводит в пример капиталиста, владельца железного завода, который, намереваясь употребить часть своего дохода на покупку серебра и бриллиантов, передумывает затем и расходует ее на жалованье добавочным рабочим. Результатом этого, по мнению Милля, будет „обращение большего количества пищи на потребление производительными рабочими”.

57. Я не спрашиваю, какая участь постигнет серебряников, хотя, выскажи эту мысль я, мне непременно задали бы такой вопрос. Если они действительно непроизводительные люди, то мы должны поневоле согласиться на их вымирание; но в другом месте той же главы предполагается, что железнозаводчик упраздняет и некоторых служащих, пища которых тоже может быть употреблена на производительное потребление. Я не задаю вопроса относительно мучительности или вообще относительно характера влияния на служащих такого освобождения их от пищи. Но я настоятельно желаю знать, почему железный товар — продукт производительного труда, а серебряный — нет? Что заводчик потребляет последний, а производит первый, не подставляет, конечно, никакого основания для такого различия, если только мы не докажем (чего с каждым днем, по-видимому, все больше добиваются различные фабриканты), что товары создаются для продажи, а не для потребления. Заводчик или купец является в одном случае поставщиком потребителей, а в другом — самим потребителем¹, но работники в обоих случаях одинаково производительны, так как произвели равноценные товары, если железо и серебро — товары.

¹ Если Милль желает показать разницу результатов потребления и продажи, то ему следовало бы и железнозаводчика, и серебряных дел мастера представить как потребителей их собственных продуктов, а не как их продавцов. В таком случае, его положения были бы более понятны, хотя еще менее основательны. Но, может быть, последовательным развитием теории, высказанной им в другом месте, он намеревался показать, что спрос на товары не есть спрос на труд; ложность этого положения мы проследим в конце настоящего очерка. Но и при самом тщательном и внимательном чтении разбираемого нами теперь параграфа я не могу определить, есть ли это просто ошибка или заблуждение, вытекающее из еще более ошибочной общей теории. Поэтому я склонен принимать меньшее, т. е. считать это просто за ошибку.

В чем же заключается разница между ними? Правда, вполне возможно, что с точки зрения „моралиста”, до которой, по словам Милля, политической экономии нет никакого дела, стальная вилка является более существенным продуктом, чем серебряная; и мы можем признать также, что ножи, не менее вилок, хороший продукт, а косы и плуги — полезные предметы. Но что сказать о штыках? Предположим, что владелец железных заводов для расширения производства штыков „освободил” от пищи своих слуг и серебряных дел мастеров; в таком случае можно ли сказать, что он содержит производительных рабочих или, выражаясь словами Милля, рабочих, „увеличивающих запасы, способствующие продолжительному наслаждению”?¹ Или если вместо штыков он производит бомбы, то не будет ли безусловное и конечное „наслаждение” даже этими энергически производительными предметами (из которых каждый стоит сотню рублий) зависеть от надлежащего выбора времени и места для их применения; от „выбора”, т. е. от тех философских соображений, до которых политической экономии нет никакого дела?²

58. Я очень сожалею, что мне приходится указывать на противоречия в труде Милля, но все значение его очерков и заключается именно в этих противоречиях. К чести своей, Милль выделяется из ряда политико-экономов именно тем, что сам опровергает установленные им принципы и бессознательно вводит те нравственные соображения, до которых, по его мнению, науке нет ни малейшего дела. Поэтому у Милля есть много вполне ценных и верных глав, те же, против которых я здесь возражаю, последовательно выведены им из основных его положений.

Так мысль, лежащая в основе рассматриваемого мною места, а именно, что труд, приложенный к производству предметов роскоши, не прокормит столько людей, сколько труд, примененный к производству полезных предметов, есть мысль вполне верная, но причина этого указана ошибочно во всех четырех отношениях, потому что Милль не определил истинного значения полезности. Определение, данное им: „способность удовлетворять желанию или служить какой-нибудь цели”, одинаково приложимо и к железу, и к серебру, верного же определения он не дал, но оно, тем не менее, бессознательно для него самого скрывается в его ложном определении и случайно иногда сказывается (как, напр., в следующих словах: „любое поддержание жизни или энергии”) и применимо к некоторым железным предметам, но не ко всем, и к некоторым серебряным вещам, хотя тоже далеко не ко всем. Оно применимо к плугам, но не к штыкам, к вилкам, но не к филигранной³ работе.

¹ Стр. 47 русск. пер.

² Когда испанские серебряные вазы были разбиты на куски нашими таможенными чиновниками, потому что к беспошлинному ввозу допускаются только слитки, а не продукты мысли, то спрашивается, были ли топоры, разбивавшие их, производительны, а художники, создавшие эти вазы, непроизводительны? Или еще пример: производителен ли топор палача так же, как и топор дровосека? А производительность пеньки в веревке не зависит ли больше от применения последней, чем от ее свойств?

³ Под филигранной работой мы разумеем вообще украшения, ценимые по их сложности, а не по искусству.

59. Установление верного определения даст нам ответ и на первый наш вопрос: „что такое ценность?"; впрочем, относительно этого нам следует выслушать предварительно общепринятый взгляд.

„Слово „ценность”, употребляемое без определения, всегда обозначает в политической экономии меновую ценность”. (Милль, стр. 391 русск. пер.). Так что если два корабля не могут обменяться рулями, то последние, с точки зрения политической экономии, не имеют ценности.

Но „предмет политической экономии есть богатство” (стр. 3 р. п.).

А „богатство составляют все полезные и приятные вещи, имеющие меновую ценность” (стр. 10 р. п.).

Итак, оказывается, по Миллю, что полезность и приятность обуславливают меновую ценность, и потому необходимо установить их наличность в вещи, прежде чем считать ее предметом богатства.

Но экономическая полезность вещи зависит не только от ее природы или свойств, но и от количества людей, могущих и желающих ею воспользоваться. Лошадь бесполезна и потому не имеет меновой ценности, если никто не может на ней ездить, сабля — если никто не может ею драться, и мясо — если никто его не ест. Таким образом, материальная полезность зависит от соответствующей человеческой способности.

Точно так же и приятность вещи зависит не только от ее свойств, но и от количества людей, которым она может нравиться. Относительная приятность, а следовательно и продажность „кружки эля” и „Адониса у бегущего ручья” в действительности, зависят от мнения Демоса в лице Христофора Слея. Т. е. приятность вещи зависит от соответствующих человеческих свойств и наклонностей¹. Поэтому политическая экономия как наука о богатстве, должна быть наукой о человеческих способностях и наклонностях. Но „нравственные соображения не имеют ничего общего с политической экономией” (Милль). Таким образом, выходит, что нравственные соображения не имеют ничего общего с человеческими способностями и наклонностями.

60. Меня не совсем удовлетворяет этот вывод из положений Милля. Обратимся теперь к Рикардо:

¹ Эти положения ввиду их краткости звучат довольно дико, но имеют крайне важное значение, если их подробно развить. Так, напр., экономисты никогда не замечали, что расположение человека к покупке является в спросе элементом чисто нравственным, т. е., другими словами, если вы дадите человеку три рубля, то зависит от его наклонностей, считать ли себя при этом богатым или бедным, — приобрести ли на эти деньги то, что послужит к расстройству его здоровья, к его разорению, к его гибели, или же, наоборот, к его здоровью, прогрессу и увеличению в нем любви. И там приятность или меновая ценность каждого предложенного товара зависит не только от стоимости его производства, но и от степени развития его покупателей, от степени их образованности и от всех тех нравственных элементов, в силу которых у них является наклонность покупать одни предметы и не нуждаться в других. Я, со временем разовью и доведу до конечных выводов каждое из этих определений, здесь же я могу сделать это только в немногих словах, и для того, чтоб весь этот предмет представить читателю в связной форме, я соединил в одну четыре главы, а именно: о стоимости (Ad valorem), о цене (Тридцать сребреников), о производстве (Деметр) и об экономии (Закон хозяйства).

„Полезность — не мерило меновой ценности, хотя она безусловно существенна для последней”. (Глава I. отд. I). Существенна, но в какой степени? Существует большая или меньшая степень полезности. Мясо, напр., может быть так хорошо, что все сочтут его подходящей для себя едой, или так дурно, что никто не станет его есть.

Какая степень добротности товара „существенна для его меновой ценности”, не будучи „мерилом” ее? Насколько хорошо должно быть мясо, чтоб обладать какой бы то ни было меновой ценностью? И насколько оно должно быть дурно (я желал бы, чтоб этот вопрос был разрешен для лондонских рынков), чтоб не обладать никакой меновой ценностью?

По-видимому, даже у Рикардо при развитии его принципов существует какой-то пробел, но возьмем приведенный им пример: „Представим себе, что в ранний период общественной жизни лук и стрелы охотника имели ту же цену, как и снаряды рыболова. При таких обстоятельствах ценность оленя, продукта дневного труда охотника, была бы безусловно равна ценности рыбы, продукта дневного труда рыболова. Сравнительная ценность рыбы и дичи вполне регулировалась бы количеством труда, овеществленного в них” (Рикардо, глава 3: О ценности).

Неужели? Если рыболов поймает одну сардинку, а охотник одного оленя, то сардинка по ценности будет равняться оленю; но если рыболов не поймает ни одной сардинки, а охотник убьет двух оленей, то неужели ни одна сардинка будет по ценности равняться двум оленям?

Нет. Последователи Рикардо могут возразить, что он разумел среднюю общую ценность. Если средний общий продукт дневного труда рыболова и охотника будет одна рыба и один олень, то одна рыба будет всегда равноценна одному оленю.

Могу я спросить, какого рода рыба? Кит или уклейка¹?

¹ Может быть, в защиту Рикардо скажут: „Но он разумел, что ценность при определенной или данной полезности меняется соответственно с количеством труда”. Если б он разумел это, то и сказал бы, но, в таком случае он едва ли не заметил бы, что неизбежным результатом этого является признание полезности мерилом ценности (что он безусловно отрицает); и что, определяя продажную цену, необходимо доказать наличие как полезности, так и труда; так, в его примере нужно доказать, что олень и рыба прокормят то же количество людей в течение стольких же дней и с тем же вкусовым удовольствием. Дело в том, что он не знал, что выяснял. Общая идея, которую он извлек из торгового и промышленного опыта и которую он был в силах проанализировать, состояла в том, что при постоянном спросе на известный продукт цены меняются согласно с количеством труда, нужным на его производство, или, употребляя формулу, данную мною в предыдущем очерке, если у постоянная величина, то ху меняется соответственно с изменением величины х. Но спрос никогда не бывает и не может, в конце концов, быть постоянным, если х явно меняется, так как при возвышении цены число потребителей уменьшается, а при монополии (всякое же ограниченное предложение есть в своем роде монополия, так что каждый товар имеет известную окраску монополии) у становится наиболее существенным условием, определяющим цены. Так, цена картины меньше зависит от ее достоинств, чем от того интереса, который она вызывает в публике, цена пения — меньше от труда певца, чем от числа людей, желающих его слушать; а цена золота — не столько от его редкости, общей у него с церием или иридием, сколько от его окраски солнечного света и неизменной чистоты, которыми оно вызывает всеобщее удивление и оправдывает надежды, возлагаемые на него человечеством.

Заниматься дальнейшим исследованием этих заблуждений было бы бесполезной тратой времени, поэтому постараемся лучше найти верное определение.

61. Много труда потрачено было в течение нескольких последних столетий на классическое образование в Англии, и было бы желательно, чтоб наши хорошо образованные купцы запоминали из латыни хоть то, что именительный падеж от слова *valorem* (хорошо им знакомого) есть *valor*, которое тоже должно быть им вполне известно. *Valor* от *valere*, что значит быть здоровым или сильным (*/γα<vω*); — сильным или стойким в жизни, если это относится к человеку, и стоящей или прочной, если это вещь. Иметь стоимость для вещи значит быть устойчивой в жизни или содействовать ей. Истинно ценная или стоящая вещь та, которая всецело стоит за жизнь или содействует ей. По мере того, как она не отстаивает жизнь или бессильна содействовать ей, уменьшается и ее ценность, а постольку она удаляет от жизни, постольку она не имеет никакой стоимости и вредна.

Таким образом, предмет имеет ценность независимо от мнения о нем людей и от его количества. Каково бы ни было ваше мнение о предмете и как бы много его ни предлагалось, ценность его не увеличивается и не уменьшается. Он всегда неизменно или полезен, или вреден; никакой слишком высокий запрос не в силах увеличить, никакое презрение — уменьшить ту власть, которая вложена в него Творцом всех вещей и людей.

Истинная наука о политической экономии, которая отличается от ложной, как медицина от знахарства и астрономия от астрологии, учит народы желать и производить предметы, содействующие жизни, учит презирать и уничтожать предметы, разрушавшие жизнь. В периоде детства люди предполагали, что такие безразличные вещи, как выделения моллюсков или куски синих и красных камней, имеют ценность, и тратили громадное количество труда не на увеличение и облагораживание жизни, а на то, чтоб, ныряя и роясь в земле, добывать эти вещи, чтобы отшлифовывать их. Оставаясь на той же стадии своего развития, люди продолжают считать такие драгоценные и благодетельные вещи, как, напр., воздух, свет, чистоту, за предметы, не имеющие никакой ценности, и, наконец, воображают, что условия жизни, благодаря которым они в действительности только и могут всем пользоваться и наслаждаться, каковы, напр., мир, доверие, любовь, можно благоразумно менять при рыночных предложениях на золото, железо или на вышеупомянутые выделения моллюсков, называемые жемчугом. И

Следует, однако, помнить, что я употребляю слово „спрос” несколько в ином смысле, чем большинство экономистов. Последние понимают под ним „количество проданной вещи”, я же — „силу осуществимого желания покупателя приобрести известную вещь”; так что спрос означает не получаемое известною личностью, а то, на что она предъявляет запрос.

Экономисты не замечают также, что предметы оцениваются не по абсолютному объему или весу, а по таким, которые необходимы, чтоб они были полезны. Они говорят, напр., что вода не имеет никакой рыночной цены. Правда, чашка не имеет, но озеро имеет; точно так же и пригоршня пыли не имеет цены, но акр обладает ею. И если б можно было закрепить обладание этой чашкой или пригоршней, то земля и вода доставлялись бы на рынок пригоршнями и чашками.

вот великая и истинная политическая экономия выясняет им, что во всех этих случаях тщеславно и что существенно, она указывает им, чем и как служение смерти, царице расточительности и вечной пустоты, отличается от служения мудрости, царице сбережения и вечной полноты, говорящей: „Я дам в удел любящим меня наследовать истинную жизнь и наполню сокровищницы их”.

„Царицы сбережения” в более глубоком и лучшем смысле, чем сберегательные кассы, хотя и эти последние недурны. *Madonna della salute* — охранительница здоровья, которое хотя обыкновенно и отделяют от богатства, составляет, однако, часть его. Но „богатство” и есть как раз тот экономический термин, который, как вы припомните, нам предстоит теперь определить.

62. „Быть богатым, -- говорит Милль, -- значит обладать обширным запасом полезных предметов”.

Я принимаю это определение, только нужно вполне ясно понять его. Мои противники часто сетовали на мое пренебрежение логикой, теперь же я опасуюсь, что меня упрекнут в том, что пользуюсь ею несколько больше, чем им было бы желательно; но задача политической экономии слишком серьезна, и мы не должны допускать никаких неясных терминов.

Ввиду этого нам необходимо в вышеуказанном определении выяснить значение, во-первых, слова „обладать” или свойство владения, и, во-вторых, слова „полезный” или природу „пользы”.

Начнем с понятия о владении. На перекрестке трансептов Миланского собора покоится триста лет набальзамированное тело св. Карла Барромео. Он держит в руке золотой посох, и изумрудный крест лежит у него на груди. Предположим, что золото и изумруды — полезные вещи, и зададим себе вопрос, обладает ли ими тело покойника, являются ли они в экономическом смысле его собственностью, принадлежат ли они ему? А если нет, и мы вообще решим, что мертвое тело не может обладать собственностью, то, спрашивается, в каком периоде и при какой степени оживления обладание или владение предметом возможно?

Возьмем другой пример: недавно при крушении корабля, шедшего из Калифорнии, один из пассажиров зашил себе в пояс двести фунтов золота, с которым он впоследствии и найден был на дне. Он ли владел золотом, когда шел ко дну, или золото владело им¹?

И если б золото, вместо того чтоб тащить его на дно, ударило бы его по лбу и причинило неизлечимый недуг — вроде паралича или сумасшествия, — то составляло ли бы оно его владение и в большей ли степени он владел бы им, чем в первом случае? Не приводя дальнейших примеров все возрастающей жизненной власти над золотом (что я готов сделать по первому желанию), я думаю, что читателю ясно, что владение или обладание не есть абсолютная, а постепенно возрастающая или уменьшающаяся сила и заключается не только в количестве или свойстве обладаемого предмета, но также (в значительно большей степени) в его пригодности для лица, обладающего им, и в жизненной способности человека пользоваться им.

Расширив, таким образом, наше определение богатства, мы получим, что оно „заключается в обладании такими полезными предметами, которые мы можем

¹ Сравни: George Herbert: „The Church Porch” . Stanza, 28.

употреблять”. Это изменение очень важно. По этому определению недостаточно обладать предметом, нужно еще и иметь возможность пользоваться им. Смерть гладиатора зависит от „habet”, но победа война и спасение государства — от „quo plüigimū posset”. (Кн. VII 6). И рассуждения о накоплении материальных предметов требуют, очевидно, и рассуждений о накоплении духовных способностей.

63. Рассмотрев значение слова „обладать”, перейдем теперь к нашему прилагательному. Что означает слово „полезный”? Это исследование тесно связано с только что сказанным. Полезное в одних руках может в других быть бесполезным или вредным. От личности гораздо больше, чем от предмета, зависит извлечение из него пользы или вреда, употребление или злоупотребление им? Так, напр., вино, которое греки в лице своего Бахуса справедливо считали типичным источником возбуждения всех страстей, при правильном употреблении „веселит богов и людей” (т. е. придает крепость и божеской или разумной, и земной или плотской силе человека), а при злоупотреблении становится Дионисом, вредным, в особенности, для божественной, т. е. для разумной, стороны человека. И даже самая мощь нашего тела может быть объектом как употребления, так и злоупотребления ею, и при правильной дисциплине полезна для государства как в деле войны, так и в деле труда, — но недисциплинированная или злоупотребляемая является бесполезной для государства и способной только (и то слабо) к продолжению личного индивидуального существования. Греки называли такого человека „идиотом” или „частным” человеком, т. е. неспособным быть непосредственно полезным государству, а мы „идиотом” называем человека, вполне занятого своей тупоумной личностью.

Итак, вещь, чтоб быть полезной, не только должна быть пригодной по своей природе, но и находиться в пригодных руках. Или, выражаясь точнее, полезность есть „стоимость в руках стойких людей”; так что наука о богатстве по отношению к накоплению является наукой накопления как способностей, так и предметов, а по отношению к распределению — не безразличного, а соответственного накопления — не любых вещей между любыми людьми, а надлежащих вещей между надлежащими людьми. Трудная, как видите, наука, зависящая не от простых арифметических расчетов.

64. Таким образом, богатство есть обладание стоимостями стойкими людьми; при рассмотрении силы нации эти два элемента — стоимость вещи и стойкость владельцев должны совместно приниматься в расчет. Часто случается, что многие лица, считаемые богатыми, в действительности не богаче, чем замки их сундуков, безусловно и вечно неспособны быть богатыми, и влияют на нацию, с экономической точки зрения, как лужи стоячей воды и водовороты рек (бесполезные, пока течет река, или пригодные только, чтоб топить людей, но получающие некоторое значение, когда течение останавливается и река высыхает); как плотины, конечная польза которых зависит от мельников, как различные преграды и препятствия, действующие не как здоровое богатство, а как вредное дьявольство, вызывая кругом во всех направлениях опустошения и тревогу, или же, наконец, совсем не действуя, а являясь просто одушевленными условиями задержки (так что всем владеемым ими можно воспользоваться только после их смерти); и в последнем случае они, тем не менее, иногда полезны как препятствия

при склонности нации двигаться слишком скоро.

65. Ввиду вышесказанного вся трудность истинной науки политической экономии заключается не только в необходимости развития стойких характеров, умеющих обращаться с материальными стоимостями, но и в том, что оба эти условия, совместно образуя богатство, могут, однако, иметь разрушающее влияние друг на друга. Стойкие люди могут не знать или даже отвергать материальные стоимости и, как говорит Поп, „качества, заслуживающие похвалы, могут содействовать больше разорению богатств, чем увеличению их”.

С другой стороны, материальные стоимости могут подтачивать мужественные характеры; так что в итоге нам придется рассмотреть, в чем проявляется влияние богатства на дух владельцев и какого рода люди обыкновенно стремятся приобрести богатства и успевают в этом, равно как и проследить, богатым или бедным мир больше обязан как за нравственное воздействие на него, так и за главные сокровища, за открытия и за практический прогресс. Я могу, однако, предвосхитить будущие выводы и сказать, что в обществе, руководимом только законом спроса и предложения, но чуждом явного насилия, богатыми становятся, вообще говоря, люди деятельные, энергичные, гордые, алчные, пунктуальные, отзывчивые, невежественные и не одаренные богатым воображением. Бедными же остаются или вполне безумные, или вполне мудрые¹, или ленивые, беспечные, или же скромные и вдумчивые, или тупые, или одаренные богатым воображением, чувственные или одушевленные желанием добра, непредусмотрительные, вспыльчивые и порывистые, хитрые плуты и явные воры, точно так же, как и вполне милосердные, справедливые и божественные личности.

66. Вот пока все относительно богатства. Теперь нам предстоит рассмотреть природу цены, т. е. меновой ценности и ее выражения в денежных знаках.

Заметим прежде всего, что обмен не создает никакой прибыли, никакого прироста, плюса, только труд дает этот прирост, этот плюс. Обмен, правда, выгоден, доставляя нужное обменивающимся сторонам. Человек, засевая и собирая жатву, превращает одну меру зерна в две. Это прибыль. Другой, копая руду и куя железо, получает вместо одного два заступа. Это прибыль. Но человек, имеющий две меры зерна, нуждается иногда в заступе, и человек, имеющий два заступа, нуждается в еде. Они обменивают полученное зерно на полученное орудие, и обоим им этот обмен очень удобен, но, представляя значительную выгоду, он все же не прибавляет никакого плюса. Ничего не выращено, ничего не произведено. Только выработанное прежде передано тому лицу, которое может им воспользоваться. Если труд и необходим для обмена, то в действительности он заключается в производстве и, как всякий другой труд, приносит прибыль. Какое бы число людей ни занималось производством или перевозкой, все они имеют долю в прибыли, но ни производство, ни доставка не являются обменом, и обмен сам по себе ничего не прибавляет к труду, имевшемуся уже ранее.

При обмене, однако, может быть получена выгода, что совсем другое дело. Если один человек имеет возможность дать предмет, стоящий ему мало труда,

¹ „Ἡ Ζεῖω δὲ ποῦ πῆνεται” — Arist. Plut. 582. Предыдущие слова: ἴτι τοῖ Πλοῖ του παρῚξω βελτῶναω □νδραω, καῶ τῖν γνῶμῶν, καῶ τῖν δῆαν далеко не усиливают значения приведенных величественных слов.

взамен того, что стоит другому много труда, он приобретает или выгадывает в свою пользу известное количество чужого труда. И сколько приобретает он, ровно столько же теряет другой.

На меркантильном языке о человеке, приобретающем таким образом, обыкновенно говорят, что он получил „прибыль”, и я думаю, что многие из наших купцов остаются под тем впечатлением, что есть возможность так или иначе всем получать этим путем прибыль; тогда как по злополучному устройству того мира, в котором мы живем, законы как материи, так и движения делают вполне невозможным получение всеобщей выгоды таким способом. Прибыль или материальное увеличение достигается только путем труда или открытия, а не путем обмена. Всегда при обмене если и есть прибыль с одной стороны, то есть и соответствующая убыль с другой.

К несчастью для прогресса политической экономии, эти прибыли играют очень положительную и почетную роль в свете, так что все жадно стремятся изучить науку, дающую такие блестящие результаты, тогда как те, на долю которых выпадают одни убытки или минусы, имеют влечение укрываться в глухих улицах, скрываться в тени или даже совсем исчезать с глаз и находить себе приют в могилах; поэтому алгебру этой своеобразной науки разобрать очень трудно; большинство встречающихся в ней отрицательных знаков отмечается бухгалтерами особого рода красными чернилами, очень выцветшими от голода или даже совсем незаметными, по крайней мере в настоящее время.

67. Наука об обмене или, как ее предложено будто бы назвать, „каталектика”, рассматриваемая с точки зрения прибыли, имеет чисто отрицательное значение, с точки же зрения наживы, она очень курьезная наука, отличающаяся по своим данным и по своей основе от всех остальных известных наук. Например, если я дикарю в обмен на бриллиант даю иголку, то возможность такого обмена зависит или от незнания им общественных распорядков в Европе, или от невозможности с его стороны воспользоваться ими и продать бриллиант кому-нибудь другому за большее количество иголок. Далее, если я доведу обмен до крайней выгоды для себя и дам дикарю иголку без ушка (достигая тем достаточно полного совершенства сделок каталектической науки), то выгода этой сделки для меня будет зависеть от невежества, бессилия или неосторожности того человека, с которым я произведу обмен. При отсутствии этих недостатков каталектическая выгода была бы невозможна. Ясно, что поскольку наука об обмене касается выгоды только одной из обменивающихся сторон, она основана всецело на невежестве или на неспособности противоположной стороны. Исчезает это невежество, исчезает и выгода. Таким образом, это есть наука, основанная на невежестве, и искусство, основанное на отсутствии искусства. Все остальные науки и искусства имеют своим предметом развитие знания и искусства, и только одна эта наука должна всеми возможными средствами отстаивать невежество одной из сторон, без чего она сама становится невозможной. Итак, она преимущественно и исключительно является наукой о мраке, не божественной наукой, а незаконнорожденной — от другого отца, который, советуя сынам человеческим превращать камни в хлебы, сам занимается превращением хлеба в камни и, если вы спросите у него рыбу, подаст вам змею.

68. Общий закон справедливого или выгодного обмена таков: выгода должна

быть для обеих обменивающихся сторон или по крайней мере для одной без ущерба для другой, и справедливая плата за время и труд, потраченные посредниками, содействующими этому обмену (таких посредников обыкновенно принято называть купцами или торговцами), как и выгода, доставляемая обменивающимся сторонам, должны быть вполне известны всем заинтересованным лицам. Всякая попытка скрыть это предполагает применение науки не божественной, а основанной на невежестве. Сюда относится другое изречение вышеупомянутого еврея: „как деревянные гвозди застревают в спайках камней, так и грех внедряется между куплей и продажей.” Первообразом этого своеобразного соединения камня с деревом в межчеловеческих сношениях служит тот дом, который будет истреблен — „с его деревом и камнями” — летящим свитком (вернее, изогнутым мечом), виденным пророком Захарием. И летящий свиток этот есть проклятие на всякого, кто крадет и считает себя неповинным. Вслед за тем следует видение великой меры — „меры и образ их по всей земле” ($\square \nu \tau \rightarrow \bullet \square \delta \iota \kappa \leftrightarrow \alpha \alpha \sqrt{\tau \oplus \nu \wedge \pi \square \sigma \neq \tau \rightarrow \gamma \rightarrow}$) с куском свинца — их гнетом — и женщиной, духом нечестия, восседающей на нем, т. е. нечестия, прикрытого мраком и представляющего узаконенную жестокость: „и поставится она на своей основе в земле Сеннаар”¹.

69. Говоря об обмене, я тщательно ограничивался употреблением слова „выгода”, но оно заключает в себе два понятия: выгоду приобретения предметов нужных нам и предметов желательных за желаемую цену. Три четверти всех предметов, на которых есть спрос в мире, чисто романтически, являясь результатом фантазий, идеализаций, надежд и привязанностей, так что регулирование кошелька есть в сущности регулирование воображения и сердца. Поэтому правильный анализ природы цены есть задача метафизическая и психическая, разрушаемая иногда только тем страстным способом, каким Давид определял цену воды источника у Вифлеемских врат; но первые условия такой цены следующие: цена предмета есть количество труда, даваемого человеком, желающим приобрести его. Эта цена зависит от четырех изменяющихся величин: от (А) величины желания покупателя приобрести известный предмет, противопоставляемой (а) величине желания продавца сохранить его при себе; и от (В) количества труда, которое покупатель может предложить за предмет, в противоположность (в) количеству труда, которое продавец может дать с целью сохранить его. Эти величины имеют значение, только когда в величине А сказывается так же, насколько желание этого предмета превышает желание остальных, а в величине труда (В) — то количество его, которое может быть уделено для приобретения этого предмета из общего количества труда, имеющегося для приобретения разных необходимых предметов.

Явления, определяющие цену, как видите, крайне сложны, странны и интересны, — даже слишком сложны, чтоб можно было подробно рассмотреть их здесь; каждое из этих явлений, прослеженное довольно подробно, является частицей торга „поистине бедных овец” (обреченных на заклание) „если угодно вам, то дайте мне плату мою; если же нет — не давайте” (пр. Зах. II гл.); но так как цена каждого предмета, в конце концов, определяется количеством труда, то необходимо определить свойства этого мерила.

¹ Захар. VII. Смотри примечание к § 74.

70. Труд есть жизненная борьба человека с препятствиями; под словом „жизненная” подразумевается умственная, духовная и физическая сила, борющаяся с вопросами, трудностями и испытаниями или противодействиями материальной силы.

Труд бывает высшего и низшего порядка, смотря по количеству жизненных элементов, заключающихся в нем; но всякого рода доброкачественный труд всегда включает такое количество ума и чувства, сколько необходимо для полного и гармоничного урегулирования физической силы.

Говоря о стоимости и цене труда, всегда необходимо подразумевать труд известного рода и качества, как, говоря о золоте или серебре, мы всегда подразумеваем золото и серебро определенной пробы. Дурной (т. е. бессердечный, подлый или бессмысленный) труд не может иметь определенной цены; он подобен золоту неопределенной пробы или негодному железу¹.

При данном количестве и качестве труда стоимость его, как и всех ценных вещей, остается неизменной. Но количество его, предлагаемое за другие предметы, изменяется, и, принимая во внимание эти колебания, цена предметов должна всегда определяться количеством труда, а не цена труда — количеством предметов.

71. Так, предположим, например, что для посадки яблони в скалистый грунт требуется двухчасовой труд, а для посадки в мягкую землю достаточно всего получаса и что почва в обоих случаях оказалась одинаково пригодной для произрастания дерева. В таком случае стоимость яблони, посаженной при двухчасовом труде, несколько не больше той, для посадки которой потребовалось всего полчаса. Приносить они будут одинаковое количество плодов. Стоимость получасового труда в обоих случаях тоже одинакова, тем не менее одна яблоня стоила четыре единицы труда, а другая — только одну. Теперь истинное толкование факта состоит не в том, что труд в скалистой почве дешевле, чем в мягкой, а что самое дерево дороже. Меновая ценность может впоследствии находиться в зависимости от этого факта, а может и не быть. Если у других людей будет много мягкой почвы для посадки, то они не обратят никакого внимания на наш двухчасовой труд при предложении платы за дерево, посаженное на скале. А если мы, в силу нашего невежества в деле ботаники, посадили вместо яблони никуда негодное дерево, то меновая ценность его будет отрицательной величиной и еще менее будет соответствовать количеству потраченного труда.

Таким образом, обычно называемая дешевизна труда означает в действительности только то обстоятельство, что пришлось превозмочь много препятствий и что потребовалось много труда для получения незначительных результатов. В этих случаях следовало бы всегда говорить не о дешевизне труда, а

¹ Работу вполне в своем роде хорошую, т. е. настоящую или действительную, греки называли „весомой” или *φρῖον*, что обыкновенно передается словом „стоящей”, и цену ее называли *τιμ*→, название, указывающее на то, что они считали настоящую работу вещь божественной, достойной той почести, которая воздавалась богам, тогда как цена труда ложного или отдаляющего от жизни состояла не в почести, а в мщении, и для нее у греков было другое название, причем взыскание платы за нее вверялось особенному божеству — Тизифоне, „мстящей смертью”, особе, посвященной в высшие отрасли математики и очень точной в своих расчетах, с которой текущие счета открыты и в новейшее время.

о дороговизне предмета, на который труд был потрачен. Одинаково разумно говорить, что ходьба дешева, если нам пришлось пройти десять миль до дому, чтоб пообедать, как и говорить, что труд дешев, если нам пришлось потратить десять часов, чтоб приобрести обед.

72. Последнее слово, которое нам остается определить, есть „производство”.

Говоря о труде, я до сих пор всегда подразумевал труд производительный, так как нет никакой возможности разом рассмотреть и качество или стоимость труда, и его назначение. Но труд самого лучшего качества может быть различен по своему назначению. Он может быть или положительный, т. е. созидающий, как, например, земледелие, или безразличный, вроде шлифовки бриллиантов, или отрицательный, разрушительный, как война. Не всегда легко доказать, что труд, кажущийся безразличным, таков и в действительности¹.

Вообще довольно верно изречение, что „тот, кто не собирает — расточает”; и искусство ювелира очень вредно тем, что содействует грубому и безобразному тщеславию. Так что, в конце концов, можно, я полагаю, весь труд разделить на положительный и отрицательный. Положительный — производящий жизнь, и отрицательный — производящий смерть; самым ярким образцом отрицательного труда будет убийство, а положительного — вынашивание и выращивание детей, так что поскольку убийство отвратительно как отрицательный полюс по одну сторону ничегонеделания, постольку же образование детей восхитительно как положительный полюс по другую его сторону. Поэтому и в силу той доблести, которая заключается в выращивании² детей, жена и уподобляется вину для веселья и утешения, а дети — оливковым ветвям для прославления ее; и не только для прославления, но и для мира (так как большие семьи могут являться только в мирные времена); и, рассеявшись и путешествуя по разным направлениям, дети не только распространяют силу, но и служат опорой для своего дома, как стрелы в руках великана, разящего и направо и налево далеко кругом себя.

При таком разнообразии результатов труда благосостояние нации всецело зависит от количества труда, расходуемого на производство и потребление средств, служащих для жизни. Заметьте, что я говорю „производство и потребление”, т. е.

¹ Безразличной можно вернее всего назвать работу, не соответствующую данной цели и которую приходится переделывать сначала. То же относится и к труду, оказавшемуся безрезультатным вследствие отсутствия кооперации. Священник маленькой деревушки близ Беллинзони, которому я высказал свое удивление по поводу того, что крестьяне допускают Тичино заливать их поля, сказал мне, что они не хотят собраться и устроить настоящую плотину в вершине долины, потому что каждый говорит, что „такая плотина столько же поможет его соседу, как и ему”. Поэтому каждый собственник устроил небольшой вал у своего поля, и Тичино во время первого же разлива все это уничтожило и смыло.

² Заметьте, что я говорю „выращивание”, а не рождение. Хвала в седьмом колене выражается не в *σπορητῶ*, и не в *φυτῶν*, а в *πῶρα*. Удивительно, что люди всегда восторженно прославляют человека, ценою минутного усилия спасшего жизнь, но очень колеблются восхвалять того, кто ценою многолетних усилий и многолетней самоотверженности создает человека. Мы награждаем венком „гражданские доблести” „ob civem servatum”, но почему бы не награждать „рождение гражданина”, „ob civem natum?”, разумея, конечно, полное рождение, т. е. как телесное, так и духовное. Я полагаю, что в Англии хватит дубовых венков на то и на другое.

недостаточно одного мудрого производства, но необходимо также мудрое распределение и потребление. Политико-экономы обыкновенно выражаются так, как будто в непосредственном потреблении нет ничего хорошего¹.

Но это далеко не верно; непосредственное потребление есть конец, венец и высшее совершенство производства; мудрое потребление есть гораздо более трудное искусство, чем мудрое производство. Двадцать человек не накопят столько денег, сколько потребит их один, и жизненный вопрос как для отдельной личности, так и для нации заключается не в том, сколько производится, а на что производимое потребляется.

73. Читатель, может быть, удивится, что я здесь вскользь упомянул о капитале и о его роли. Поэтому не мешает определить то и другое.

Капитал есть глава, источник или корень, т. е. материал, служащий для производства какого-нибудь вторичного продукта. Он — капитал в истинном значении этого слова (*caput vivum*, а не *caput mortuum*), только когда производит нечто отличное от себя. Он — корень, совершающий свое жизненное отправление, только производя нечто отличное от корня, а именно — принося плод. Плод в свое время снова даст корни, и точно так же капитал породит со временем капитал; но капитал, не производящий ничего, кроме капитала, есть корень, дающий только корни, луковица, из которой выходят только луковицы и ни одного тюльпана, семя, порождающее семена, но не дающее хлеба. Европейская политическая экономия всецело занималась до сих пор вопросом о размножении или даже накоплении луковиц и никогда не интересовалась и не думала даже, что есть цветок, называемый тюльпаном. Являлись ли вареные луковицы, или стеклянные луковицы — капли принца Руперта, превращаемые в порошок (хорошо, если это стеклянный порошок, а не порох), политико-экономы безразлично занимались исключительно определением законов их накопления. Мы же попытаемся составить себе более ясное понятие о капитале.

Лучшим и наиболее простым представителем капитала может служить хороший плуг. Если б этот плуг производил только плуги на манер полипов, то какой бы громадный полипняк плугов ни блистал на солнце, плуг как капитал лишен был бы своего значения. Он становится истинным капиталом, только подвергаясь шлифовке другого рода (*splendescere sulco*), проводя борозды и через трение уменьшаясь, а не увеличиваясь в объеме. И существенный вопрос как для каждого капиталиста, так и для каждой нации состоит не в том, сколько имеется плугов, а где и каковы проведенные ими борозды? Важно не то, как скоро капитал удваивается, а что он сделал, удваиваясь? Какого рода продукты произвел он? пригодные ли для жизни? Какого рода работы вызвал он? охраняющие ли жизнь? Если нет, то удвоение его бесполезно или вредно, и лучше бы он и не удваивался (ведь капитал может разрушать жизнь, как и поддерживать ее), так как, удваиваясь, он причинял только вред; это не более как успех Тизифоны, что ни в каком случае не может быть прибылью.

74. Да, это неприбыльно, как древние справедливо находили это и изображали в лице Иксиона. Капитал есть глава и источник богатства, как облака служат

¹ Милль, говоря о производительном потреблении, разумеет только такое, в результате которого является увеличение капитала или материального богатства.

источником дождя; но когда облака безводны, они, наконец, проявляют свой гнев в громе и молнии, не орошая нивы дождем и не содействуя урожаю. Так, Иксион, по сказанию древних, пригласив гостей на пир, заставил их провалиться в яму, полную огня, что является образцом искушений богачей, завершающихся тем, что они попадают в безысходные муки, в бездонные ямы (каковы и серебряные рудники Демаса); вслед за тем, как образец ненасытности богачей, переходящих от жадности удовольствий к жадности власти, — но власти ложно понятой, — Иксион возжелал иметь Юнону, но вместо нее заключил в свои объятия облако (призрак) и породил центавров. Власть одного богатства является подобной объятию тени — безотрадной (то же читаем мы в притчах Соломона, глава 23, 5: „устремил глаза свои на богатство, а его уже нет”).¹ И у Данте Герион, тип обмана, порождаемого жадностью, при своем полете старается выпущенными когтями уловить воздух — „l'aeg a seraccolse”, а центавры представляют из себя смешение животной природы с человеческой; человеческой — по своей смысленности, применяя и разум, и стрелы, но животной — по своему туловищу и копытам, все разрушающим и топчущим.

За свой грех Иксион, наконец, привязывается к огненному зубчатому колесу, постоянно вращающемуся в воздухе, которое служит образцом человеческого труда, эгоистичного и бесплодного (изображаемого в средние века под видом колеса Фортуны), колеса, не имеющего в себе дыхания жизни, а вращающегося только по прихоти случайности; тогда как относительно каждого настоящего труда вполне справедливо видение Иезекииля о духе живого существа в колесах, и „когда шли херувимы, тогда шли подле них и колеса, и когда те стояли, стояли и они.” (Иез. 10, 16, 17.)

75. Так как таково действительное свойство капитала, то существует только два рода истинного производства, всегда имеющих место в деятельном государстве: одно есть производство семян, а другое — пищи, или производство для почвы и для рта; но люди жадные считают то и другое производством для житниц; тогда как назначение житниц — служить промежуточным, временным только местом хранения того, что должно быть распределено, чтоб не стать пищей мышей и червей. И производство для почвы точно так же полезно только ввиду надежды на будущую жатву; поэтому каждое существенное производство предназначено для рта и, в конце концов, измеряется им; таким образом, как я выше сказал,

¹ Так и в вышеупомянутом видении пр. Захары „женщин, сидящих посреди ефы”, — сказано, что ветер был в крыльях их, и крылья у них, как крылья аиста; — в вульгаре это крылья не аиста, а „melvi” — коршуна, а у семидесяти толковников, — что, может быть, всего вернее, — „потатуйки”, т. е. птицы, являющейся типичной представительницей власти богатства во многих сказаниях; в одном из самых интересных она является с просьбой о золотом хохолке. В „Птицах” Аристофана, где ее роль — одна из главных, есть много таких указаний; отметьте в особенности „желание укрепить воздух камнями, как стенами вавилонскими.” Затем, сравните дантевского Плутона, который, служа наглядным примером влияния богатства на расстройство рассудка, есть единственная адская сила, не могущая внятно говорить и вместе с тем и самая трусливая; Плутон у него не только смущен или придавлен, но буквально парализован; и внезапная беспомощность, вызываемая действием меркантильной паники, отлично выражена в сравнении со „вдутыми ветром парусами, падающими, когда ломается мачта.”

потребление есть венец производства, и богатство народа определяется только тем, что этот народ потребляет.

Недостаточно ясное понимание этого обстоятельства и есть то капитальное заблуждение, которое внесло массу всякого рода ошибок в политическую экономию. Внимание политико-экономов постоянно сосредоточено на увеличении количества денег, а не ртов, и они впадают во всякого рода сети и западни, ослепленные блеском золота, как птицы — стеклом птицелова или, вернее (так как в них очень мало сходного с птицами), как дети, старающиеся вскочить на головы своих теней; приобретение денег есть только тень истинного приобретения — приобретения людей.

76. Таким образом, предмет политической экономии есть изыскание метода правильного и обильного потребления, т. е., другими словами, она учит, „как потреблять и потреблять благородно все: и предметы, и услуги людей, и труд, совершенствующий предметы. Самое курьезное заблуждение (унаследованное от Рикардо) в очерках Милля представляет его попытка отделить прямые услуги от косвенных и следующее отсюда заключение, что спрос на мануфактурные товары не есть спрос на труд. Он отличает рабочих, употребляемых на устройство парков, от употребляемых на производство бархата, и заявляет, что по отношению к интересам рабочего класса существует различие между этими двумя способами употребления капиталистом своего дохода, так как разбивка парка представляет запрос на труд, а покупка бархата — нет¹. Заблуждение столь же колоссальное, сколько и странное. Для работника будет действительно громадная разница, заставим ли мы его махать косой на весеннем ветерке или торчать за ткацким станком в зачумленном воздухе; но для его кармана совершенно безразлично, заставим ли мы его выделять зеленый бархатный ковер при посредстве семян и косы или красный — при помощи шелка и ножниц. Точно так же безразлично для его кармана, будем ли мы потреблять зеленый бархатный ковер, гуляя по нему или носить бархат на себе, если только это потребление вполне эгоистично. Но если наше потребление не эгоистично, то он заинтересован не только в нашем способе потребления требуемых нами предметов, но и в том, на какие предметы мы предъявляем спрос с целью их потребления.

Таким образом (возвращаясь на минуту к вышеупомянутому примеру Милля относительно владельца железного завода²), мы видим, что, с точки зрения

¹ Ценность сырого материала, который действительно выводится из цены труда, не рассматривается тут Миллем, который впал в заблуждение исключительно при исследовании параллельных результатов платы и жалования посредникам. Он говорит, что „потребитель не оплачивает подневной платы ткачей из своих денег”. Извините, потребитель бархата платит точно так же ткачам, как и садовникам. Он платит, вероятно, и владельцу лавки, и лавочнику или торговцу бархатом, платит за доставку, за ренту лавки, за протори и убытки, за риск, страх и полежало, помимо платы за бархат (точно так же, как жалование главного садовника выплачивается помимо платы за траву); и бархат точно так же произведен капиталом потребителя, хотя он и платит за него месяцев через шесть после производства, как и трава, невзирая на то, что работник, косивший и сгребавший ее в понедельник, получает плату в субботу вечером.

² Пример, заметьте, как раз противоположный только что рассмотренному положению. По той теории приходилось рассчитывать всех садовников и защищать всех рабочих

непосредственной выгоды рабочего, важно не столько то, употреблю ли я его труд на выращивание персиков или на производство бомб и гранат, сколько то, какое употребление я сделаю из продуктов его труда. Предположите, что употребление их в обоих случаях „не эгоистичное — не личное”, и результат для него будет иметь разное значение: приду ли я к его больному ребенку и дам ему персик или брошу бомбу в трубу и взорву его крышу.

Все же печальнее для рабочих то, что капиталисты склонны потреблять персики сами, а бомбами угощать их¹; но, во всяком случае, общим правилом является то, что в силу катаlecticеских коммерческих принципов чья-нибудь кровля должна быть взорвана, так как бомба должна выполнить свое назначение. Вы можете по своему желанию производить для соседа виноград или картечи; он тоже катаlecticески будет производить виноград или картечи, и каждый из вас пожнет, что посеет.

77. Из вышесказанного ясно, что способ и исход потребления являются истинными мерилami производства. Производство определяется предметами, не только стоимостями труда, но и пригодными для потребления, и существенный вопрос для нации не в том, сколько труда она употребляет, а сколько жизней она создает. И как потребление есть конечная цель производства, так жизнь есть конечная цель потребления.

Два месяца тому назад (§§ 40 — 41) я поставил этот вопрос читателю, желая, чтоб он сам дошел до его разрешения, и считая это для него более полезным, чем готовый ответ. Но теперь почва достаточно подготовлена (подробности же различных вопросов, затронутых нами здесь, слишком сложны, чтоб можно было рассмотреть их на страницах периодического издания, так что мне придется заняться ими в другое время), и я желаю в заключение этих очерков, служащих как бы введением, ясно установить хоть тот весьма важный вывод, что жизнь есть единственное богатство — жизнь со всей мощью любви, радости и восторга. Та

фабричным производством, в приводимом же Миллем примере бархата приходится рассчитывать фабричных рабочих и занимать всех садоводством.

¹ Одной из самых ужасных сторон капиталистического богатства Европы является то, что исключительно оно поддерживает несправедливые войны. Справедливые войны не нуждаются в такой массе денег, так как большинство людей, принимающих в них участие, делают это бескорыстно; но для несправедливых войн приходится покупать и душу, и тело людей, да к тому же требуется и лучшее оружие, что до крайности возвышает стоимость таких войн, не говоря уже о том, во что обходится подлая боязнь и яростная подозрительность между нациями, не имеющими в достаточной мере ни честности, ни благородства, чтоб добыть себе хоть временное успокоение умов. Так, в настоящее время Франция и Англия тратят ежегодно сотни миллионов на то, чтоб пожинать плоды внушаемого друг другу страха, — замечательно приятная жатва, состоящая наполовину из шипов и наполовину из листьев осины (жатва, посеянная, возвращенная и собранная современной политико-экономической наукой, проповедующей алчность вместо истины). И все несправедливые войны поддерживаются если не ограблением неприятеля, то займами у капиталистов, уплачиваемыми последующим обложением народа, не принимающего, по видимому, никакого участия в этом деле; таким образом, желание капиталистов является как бы источником войн, но действительный источник их есть алчность всего народа, благодаря которой он чужд правдивости, искренности, справедливости и в свое время несет соответствующие потери и наказания.

страна наиболее богата, которая питает наибольшее количество благородных и счастливых людей; тот человек наиболее богат, который наиболее усовершенствовал все стороны своей жизни и, вместе с тем, имеет самое широкое благотворное влияние, как личное, так и материальное, на жизнь других людей.

Странная политическая экономия; и, тем не менее, единственно возможная; всякая же другая, основанная на эгоизме¹, является только довершением той, которая некогда внесла разлад в строй ангелов и нарушила небесную экономию.

78. „Наибольшее количество благородных и счастливых людей”. Но разве количество зависит от благородства? Зависит, и притом очень существенно. Наибольшее количество жизней может быть достигнуто только при наивысшей добродетели. В этом отношении закон человеческой жизни существенно отличается от закона животной жизни. Размножение животных ограничено только недостатком пищи и количеством враждебных им пород; размножение комаров ограничивается прожорливостью ласточек, а размножение ласточек — недостаточным количеством комаров; человек, рассматриваемый как животное, действительно, ограничен теми же законами: голод, болезни, войны являются единственными препятствиями к его размножению — и тем более существенными, что он до сих пор главным образом изучал и придумывал лишь различные способы, как вернее губить себя, опустошать свои жилища и ту землю, на которой живет, и всю свою ловкость преимущественно направлять на то, чтоб предоставлять возможно полный простор голоду, более богатое поприще болезням и более широкий размах сабле. Но если рассматривать человека не как животное, то его размножение ограничивается не этими законами, а законами его энергии и любви. Правда, и энергия, и любовь имеют тоже свои ограничения, свои пределы, пределы эти не только не достигнуты, но пройдет еще немало веков, прежде чем человек приблизится к ним.

79. Во всей обширной области человеческой мысли я не знаю более грустного явления, как рассуждение политико-экономов по вопросу о населении.

Предлагают улучшить положение рабочих, увеличив их заработную плату. „Нет, — говорят политико-экономы, — если вы увеличите их заработную плату, то они пожелают или расплодятся до того, что положение их несколько не улучшится, или пропить свою прибавочную плату”. Пожелают? Допустим, но, спрашивается, кто внушил им это желание? Предположим, что речь идет о вашем сыне, и вы заявляете мне, что не решаетесь принять его в свою фирму, даже дать ему справедливой заработной платы, потому что он при этом сопьется и оставит на попечение прихода целую кучу детей. „От кого заимствовал ваш сын такие наклонности?” -- спросил бы я вас. Унаследовал ли он их или же приобрел в силу полученного им воспитания? Одним из этих двух способов он должен же был приобрести их; и то же самое справедливо и по отношению к рабочим. Или они представляют какую-то особенную расу, существенно отличную от нашей и окончательно неисправимую (что, правда, часто и подразумевают, хотя открыто не решаются это высказать), или же, если б заботились о них, как заботились о нас, то

¹ Во всех рассуждениях о ценах и стоимости нужно ясно понимать предварительную посылку, „которая предполагает, что все партии заботятся только о личных интересах”. (Милль, Кн. 3.).

можно было бы сделать и из них таких же целомудренных и трезвых людей, как и сами мы, служащие для них примерными образцами мудрости и воздержанности. „Но, -- возразят, -- они не могут получить правильного воспитания”. Сострадательные люди ставят в главную вину богатым то, что „они отказывают бедным в хлебе, и вопли работников, у которых удержана плата, доходят до слуха Господа Саваофа”¹. Увы! Не лишение пищи самое жестокое и не вопли о ней самые сильные. Жизнь дороже пищи. Богатые лишают бедных не только пищи, но и добродетели, мудрости и спасения. Вы — овцы без пастыря, и не пастбища недоступны вам, а присутствие Его. Пища! Может быть, еще спорны ваши права на нее и вам следует добиваться других прав. Требуйте крох со стола, если хотите, но требуйте их, как дети, а не как псы. Требуйте своего права быть накормленными, но еще громче требуйте права быть святыми, совершенными и безусловно чистыми.

Странные слова в применении к рабочим? Что? Святыми! — эти люди в грубой одежде, с грубыми речами на устах, осужденные на множество позорных, невыразимо грязных работ! Совершенными! — эти существа с потухшим взором, искривленными членами и медленно работающим умом? Чистыми! эти люди, полные чувственности и низких страстей, с гноящимся телом и грубой душой? Все это может быть верно, но, при всем этом, они самые святые, совершенные и чистые существа на земле в данное время. Очень может быть, что вы правильно их охарактеризовали, но и в таком случае, они священнее нас, оставляющих их в таком положении. Однако что может быть для них сделано? Кто в состоянии одеть, научить, сдержать эту бесчисленную толпу? И что ожидает ее в будущем, как не конечное взаимное истребление?

Я надеюсь на иное будущее, хотя, конечно, не от применения одного из тех трех средств, которые обыкновенно рекомендуются политико-экономами против

¹ Посл. Ап. Иак. 5, 4. Заметьте, что, высказывая все это, я отнюдь не думаю поддерживать взгляда о необходимости поделить собственность; разделение собственности есть уничтожение ее, а вместе с ней и всякой промышленности и справедливости, и водворение хаоса, к которому последователи современной политической экономии почти явно стремятся и от которого я стараюсь спасти их. Богатый лишает бедного хлеба не тем, что удерживает свое богатство, а тем, что неблагоприятно употребляет его. Богатства представляют известную силу, и сильный человек обижает слабого не тем, что сохраняет свою силу, а тем, что вредно тратит ее. Социалисты при виде того, как сильный угнетает слабого, кричат: „Переломайте сильному руки”, я же говорю: „научите его лучшему применению его сил для более возвышенных целей”. Мощь и разум, создавшие богатства, предназначены Жизнедавцем не для того, чтоб не применять или губить их, а чтоб употреблять их на благо всему человечеству, другими словами — для искупления заблуждений, для поддержки слабых; т. е. сперва — дни работы для приобретения денег, а затем — день субботний для употребления их; и закон субботнего дня состоит в том, чтоб не губить, а спасать жизнь. Бедность постоянно зависит от вины и неблагоприятия бедных, как, обыкновенно, виноваты сами дети, падающие в пруд, или калеки, по слабости спотыкающиеся на перекрестках; тем не менее, большинство прохожих готовы вытащить ребенка и приподнять калеку. Предположите в худшем случае, что все бедняки, не более как непослушные дети или беспечные калеки, а все богачи -- люди мудрые и сильные, и вы сразу поймете, что не правы и социалисты, желающие всех сделать бедными, бессильными и неразумными, как не правы и богачи, оставляющие детей тонуть в грязи и тине.

чрезмерного увеличения народонаселения.

80. Три эти средства следующие: переселение, заселение пустынных местностей и воздержание от брака.

Первые два средства только отдалают разрешение вопроса. Правда, пройдет еще много времени, прежде чем вся земля будет заселена, и все пустыни станут возделываться. Но существенный вопрос не в том, сколько имеется на земном шаре земли, пригодной для заселения, а сколько человеческих существ должно содержаться на данном участке земли, пригодном для жизни. Заметьте „должно”, а не „может.” Рикардо, со свойственной ему неточностью, определяет „естественный размер заработной платы количеством средств, необходимых для поддержания существования рабочего.” Поддержание существования! „Правда, но какого существования?” Вот тот вопрос, который мне прежде всего задала девушка из среды рабочих, когда я прочел ей это место. Я постараюсь несколько развить этот же вопрос. „Как поддержать?” Прежде всего до какого предела жизни? Из данного числа людей, которым мы доставим средства для существования, сколько будет престарелых и сколько молодых? Устроим ли мы эту поддержку так, чтоб убивать их в раннем возрасте, и чтоб средний возраст равнялся тридцати или тридцати пяти годам, включая в него и смертность недельных или дурно питаемых детей, или же поддержим всех до конца их естественной жизни? Вы будете кормить в первом случае¹ большее число людей в силу более быстрой смены поколений, но людей более счастливых — во втором. Что же разумеет Рикардо, говоря об естественном состоянии, которым обуславливается естественный размер заработной платы?

Далее, участок земли, прокармливающий десять ленивых, невежественных или непредусмотрительных людей, может прокормить тридцать или сорок разумных и прилежных. Которое же из двух нужно считать естественным состоянием и которому из них соответствует естественный размер платы?

Далее, участок земли прокармливает сорок человек трудолюбивых, но невежественных; и вот, утомившись этим невежеством, они выделяют из себя десять человек и поручают им изучать свойства конусов и величину звезд; так как эти десять человек уже не будут кормиться от земли, то они должны или содействовать увеличению пищи каким-нибудь косвенным путем, или сами голодать, или же, наконец, заставить кого-нибудь другого голодать за них. И, в таком случае, какова естественная норма заработной платы для людей, занимающихся научными изысканиями, и как эта норма относится к их косвенной производительности и определяется ею?

Далее, данный участок прокармливает вначале сорок мирных и богобоязливых рабочих, которые, однако, через несколько лет становятся до того сварливыми и нечестивыми, что им приходится выделить из своей среды: 1) пять человек для обсуждения и разрешения их споров, 2) десять человек, очень дорого, с головы до ног вооруженных для умиротворения их силой и 3) пять человек для красноречивого напоминания всем остальным о существовании Бога. Теперь спрашивается, каков будет результат влияния их на общую производительность и какова естественная норма платы этим судьям, воинам и проповедникам?

81. Предоставляя последователям Рикардо рассматривать и отвергать эти

¹ Количество лет одинаково в обоих случаях, но иначе распределено.

вопросы, я продолжаю излагать дальнейшие соображения относительно вероятной будущности рабочих классов, отчасти обрисованной Миллем. В главе, посвященной этому вопросу, как и в предшествующей ей, он отличается от заурядных политико-экономов тем, что придает некоторое значение внешнему виду природы и выражает сожаление по поводу того, что естественные красоты природы будут, по всем вероятностям, уничтожены. Но мы не можем особенно разделять этих опасений. Люди не в силах поглотить всех рек и камней. Наибольшее количество населения на данном участке земли предполагает и сравнительно наибольшее количество растительных веществ, нужных для потребления как людям, так и скоту, предполагает наибольшее количество свежего воздуха и чистой воды, а стало быть, и наибольшее количество леса, очищающего воздух, и крутых берегов, покрытых густой растительностью, предохраняющей их от палящих лучей солнца. Англия, если хочет, может превратиться в один сплошной промышленный город, и англичане, жертвуя собой для блага всего человечества, могут губить и сокращать свою жизнь шумом, мраком и чумными испарениями. Но весь мир не может стать фабрикой или рудником. Никакая самая гениальная изобретательность не сделает железо удобоваримой пищей для миллионов людей и не заменит вино водородом. Ни скупость, ни ярость людей никогда не будут питать их, и как бы яблони Содомы и грозди Гоморры ни расстилали временно свои шатры, убранные изысканными сластями из пепла и нектаром из осины, — пока люди живы хлебом, окрестные долины должны улыбаться, освещенные божественными золотыми лучами, и ликования счастливых толп раздаваться у виноградников и колодезей.

82. Наши сентиментальные политико-экономы не должны также опасаться слишком широкого распространения форм промышленного земледелия. Мудрое население жаждет столько же счастья, сколько и пищи и может достигнуть своего максимума в заселенных частях земного шара только путем мудрости, преисполненной радостью. У пустыни есть свое определенное назначение; вечный механизм со своей земною осью, ударами сердца которого являются годы, а дыханием — океан, будет по-прежнему властно распределять между царствами пустынь с их недоступными скалами и ничем не задерживаемыми песками мощь вечных стужи и зноя. Но обитаемые между ними участки земли и целые пояса должны быть самыми чудными и отрадными уголками. Желание сердца есть также свет очей. Только такая картина природы постоянно приятна и никогда не утомляет, которая оживлена радостной работой человека — и на роскошных полях, и в веселых садах, и в богатых огородах, и в нарядно и отратно убранных домах. Полная тишина не может быть отраднее: отраднее, только когда все кругом оживлено тихими нежными звуками: щебетанием птиц, журчанием ручья, разнообразным чириканьем насекомых, мужественными голосами людей и радостным лепетом детей. Познав искусство жизни, мы поймем все значение вещей, доставляющих наслаждение; поймем, что и дикие цветы по краям дорог так же необходимы, как посевные хлеба, дикие птицы и различные другие живые существа в лесу — так же, как и выращиваемый скот, потому что человек жив не хлебом единым, но и манной пустыни, каждым длинным словом и непознаваемым творением Божиим, и счастлив тем, что не знал их, как не знали и отцы его, и что все кругом его изобилует бесконечными богатствами, наполняющими его

восторгом.

83. Заметьте в заключение, что каждый действительный шаг к истинному счастью человечества делается не общественными, а индивидуальными усилиями отдельных личностей. Некоторые общие меры могут действительно содействовать, некоторые обдуманые законы — руководить таким прогрессом, но, прежде всего, нужно начать с того, чтоб каждый установил меры и законы своей домашней, личной жизни. Мы постоянно слышим, как рассудительные люди увещивают своих ближних людей, обыкновенно пользующихся в свете худшим положением, чем они, „довольствоваться положением, указанным им Провидением”. Без сомнения, есть такие положения и такие обстоятельства в жизни, довольство которыми едва ли угодно Провидению. В общем же это правило хорошо, но только для каждого по отношению к себе. Забота о том, чтобы ближние были или не были довольны своим положением, — совсем не наше дело, но вполне наше дело быть самим довольными своим положением. И в настоящее время в Англии нужнее всего показать, сколько наслаждения можно получить, обладая определенным, хорошо управляемым достатком, скромным, нескрываемым и добываемым ценою труда. Нам нужны люди, которые, предоставляя небу решать, предстоит ли им более высокое положение в свете, решают для себя быть счастливыми и при настоящем своем положении и ищут не большего богатства, а более простых удовольствий, не высшего состояния, а более глубокого счастья и из всего, доступного им, добиваются прежде всего самообладания, безобидно гордясь спокойным достижением мира.

Об этом смиренном мире сказано, что „справедливость и мир братски лобзаются”, и что „плод справедливости посеян в мире миротворцами”; — не примирителями ссор (хотя и эта задача следует за главной), а творцами мира, дарующими спокойствие. Но даровать его вы не можете, если сами не обладаете им, а оно не из тех приобретений, которые следуют за так называемыми деловыми заботами. Мир и спокойствие менее всего вероятны при деловой жизни, (как это показывает самая этимология слова на всех языках — $\pi\omega\lambda\epsilon\leftarrow v$ от $\pi\gamma\lambda\omega$, $\pi\rho\sigma\iota\omega$, от $\pi\epsilon\rho\sigma\omega$, venire, vendre и venal от venio и т. д.), существенно беспокойной, тревожной и склонной к зависти и соперничеству, соединяющей подвижность ворона с его склонностью к падали, в то время как оливковая ветвь питает и дает покой ютящимся на ней птицам. О мудрости сказано, что она „воздвигла свою обитель и установила свои семь опор”. И что хотя она склонна долго ждать у дверных косяков, но что, когда ей приходится покинуть свою обитель и идти, она отмечает свои следы миром.

84. Для нас, во всяком случае, ее дело должно начаться у входа в наш дом, так как истинная экономия есть „закон домашнего хозяйства”. Старайтесь, чтоб закон этот был точен, прост и человечен; не тратьте ничего бесполезно и не завидуйте ничему. Старайтесь не о том, чтоб приобретать побольше денег, а чтоб возможно полезнее тратить их; помните всегда великую и неизменную истину — правило и основу всей экономии: то, что имеете вы, не может иметь никто другой, и что каждый атом любого вещества, которым вы пользуетесь или которое вы потребляете, представляет собою частицу человеческой жизни. Если она идет на поддержание или спасение настоящей жизни или на приобретение и создание

большей жизни, то потреблена хорошо, в противном же случае вы или задерживаете развитие жизни, или губите ее. При каждой покупке обдумайте прежде всего, какого рода существование вы порождаете для лиц, производящих эти продукты, во-вторых, насколько цена, платимая вами, представляет справедливую плату и сколько ее остается в надлежащих руках¹; в-третьих, для какой цели в деле удовлетворения материальных потребностей, умственных запросов или эстетических наслаждений может послужить купленное вами; в-четвертых, между кем и каким образом оно может с наибольшей пользой быть распределено, стараясь при этом соблюдать полную искренность и строгую точность. Да, в подобного рода делах вы должны настаивать на совершенстве и привлекательности работы, в особенности на тонкости и чистоте всякого рода мануфактурных товаров, стараясь в то же время всеми способами пользоваться мощью простых удовольствий и научать этому других, показывая им — „*ἁδον ἂν σφόδρα ἔχει ἡεταρ*”, — что количество наслаждений зависит не от массы предметов, имеющихся в нашем распоряжении, а от того, как мы умеем наслаждаться и пользоваться каждым предметом.

85. И если после честного и внимательного обсуждения этих вопросов мы придем к заключению, что в силу самых элементарных требований жалости и справедливости наша жизнь не должна быть теперь роскошной, то, подумайте, захотел ли бы кто-нибудь из нас пользоваться даже самой невинной роскошью, если б он понимал те страдания, которые сопутствуют ей в мире? Роскошь невинная и изысканная возможна только в будущем — роскошь для всех и при содействии всех; но роскошью теперь могут пользоваться только люди, не понимающие, какой ценой она достигается; самый жестокий человек не мог бы восседать за ее пиром, если б мрачные стороны ее не прикрыты были завесой. Смело приподымайте завесу и смотрите; и если еще теперь свет очей застилается слезами и красота тела прикрывается дерюгой, то плачьте, но сейте драгоценное семя, пока не настанет время и то царство, в котором Христов дар хлеба и завет мира не будет достоянием „как последнего, так и вас”. Тогда для бесчисленных разъединенных толп слабых и измученных сынов человеческих найдутся более священные места покоя, чем тесные стены домов, и настанет та мирная экономия, при которой злые и нечестивые перестанут... не тревожиться, а волновать других, и измученные наслаются, наконец, покоем.

¹ Истинную обязанность посредников, а именно надсмотрщиков, старших рабочих, поставщиков (купцов, мелких торговцев и т. д.) и уполномоченных от потребителей, я должен был бы рассмотреть прежде, чем приступить к дальнейшему исследованию вопроса о справедливой плате первому производителю. Но я об этом ничего не говорил в предлагаемых предварительных очерках, потому что зло от злоупотреблений этих посредников происходит не в силу какого-либо принципа, признанного современной политической экономией, а от частной беспечности и несправедливости.

Содержание 2-го выпуска

Даниил Хармс и другие об азартных играх.

стр. 3-10. *Набор цитат, из которых становится понятно, что редколлегия разделяет мнение Хармса о том, как надо поступать с картежниками. После чего следует немедленно переходить к чтению моралей, что редколлегия и делает.*

Конфуций и другие.

стр. 11-46. **Разговор о словах и понятиях.** *Продолжение беседы редактора с В.П. о непреходящем значении учения Конфуция и важности правильного применения слов и понятий.*

стр. 47-48. **Водяной дух Шуй-Шэнь.** *Еще один ужастик в переводе П.С. Попова, воспринятый редактором как ответ на вопрос «Что делать?»*

стр. 49-72. **Изречения Конфуция на английском и русском языках.** *Главы V – VIII.*

Уваров и другие.

стр. 73-90. **О графе Егоре Францевиче Канкрине и немного о возрождении.** *Перепечатка статьи из многотиражки десятилетней выдержки с приложением таблицы, которые должны засвидетельствовать, что Россия времен Канкринина — Уварова была не лыком шита и уже тогда производила поташ и селитру в необходимом количестве, а про овчинные тулупы и говорить нечего. Много, очень много производила Россия овчинных тулупов.*

стр. 91-123. **Разговор о Канкрине и печатании денег.** *А.В. выражает свое недовольство тем, что правительство не использует принципы Канкринина на своих заседаниях, и просит его (правительство) ободрить и дать направление. Тем не менее бойкая и необгонимая тройка-Русь несетя себе.*

стр. 124-136. **Записка Сперанского.** *Ранее многократно публиковалась, из-за чего стала популярна не менее, чем письмо Татьяны Онегиной. Отличие, однако, состоит в том, что автор записки добился-таки взаимности от адресата.*

стр. 137-140. **Что спасает Турцию?** *Часть статьи из журнала «Дело» 1876 года, из которой читатель не сможет узнать ни то, что же спасало Турцию, ни то, что спасет Россию.*

Восточная звезда. (Литературное приложение к альманаху).

стр. 141-199. **Джон Рескин. «Последнему, что и первому».** *Трактат по политической экономии, созданный в те времена, когда еще мыслили и писали красиво и благородно, а местами даже и понятно. Рекомендуются каждому бизнесмену для чтения по одной-две странице за завтраком.*

Предполагаемое содержание следующего выпуска

Все те же лица. Обозначенная тема — власть. Члены редколлегии сходятся в том, что грязь на наших улицах есть следствие плохой организации управления. В.П. считает, что пока мы не разберемся, как устроена нейронная система нашего головного мозга, мы не сможем понять, как организовать управление наиболее разумно. Следовательно, чистота улиц зависит не столько от дворников, сколько от успехов нашей нейрофизиологии.

Для обсуждения предлагается следующая модель: На небольшую необитаемую планету, идеально приспособленную для проживания человека, переселено десять тысяч людей разного пола и возраста. Следует составить для этих людей инструкцию по самоуправлению, то есть предложить им правила, по которым они должны выбрать власть, чтобы улицы были чистыми.

Редактор

ISBN 5–93569–002–0

©: А.В. Осипов

Лицензия ЛП N 000166 от 14 мая 1999 г. Подписано к печати 10.03.02.

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Печ. л. 13. Тираж 1000 экз. Заказ N 240

СПб, Первая линия, 199053, п/я 3

e-mail: av_osipov@mail.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12